S.A.

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА „САТИРИКОНА"

ТЭФФИ

«ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ.»
ДАЧНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ.
КУЛИЧЪ.
ГОРЫ.

ИЗДАНІЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1910

ТИПОГРАФІЯ ЖУРНАЛА САТИРИКОНЪ
М. Г. КОРНФЕЛЬДА. СПБ., ЛЕШТУКОВЪ 4.

«ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ».

I.

Предрождественское настроеніе опредѣленнѣе всего выражается въ оживленіи Гостинаго двора.

Въ окнахъ—заманчивая выставка матерій, кружевъ, лентъ, и всюду коротенькія, но краснорѣчивыя объявленія:

«Спеціально для подарковъ».

Если вы войдете въ магазинъ и спросите какую-нибудь матерію, приказчикъ предупредительно освѣдомится:

— Для васъ прикажите, или для подарковъ?

И узнавъ, что для подарковъ, будетъ предлагать совсѣмъ особаго качества товаръ.

Дѣло не такъ просто, какъ вы можетъ быть думаете.

Товаръ этотъ изготовленъ на самой тонкой психологіи.

За выработкой матеріала наблюдаютъ спеціалисты, знатоки души человѣческой.

Для подарка—значитъ нужно, чтобъ было красиво и имѣло видъ дорогого,—потому что нужно вызвать въ «одаряемомъ» радость и благодарность.

Для подарка—значитъ, не для себя, значитъ, платить хочется подешевле, и забота о доброкачественности покупаемаго отсутствуетъ вполнѣ.

Итакъ, основой для приготовленія рождественскихъ подарковъ берется основа человѣческихъ отношеній; поменьше заплатить—побольше получить.

— Куплю для бонны этой дряни въ крапинкахъ,—думаетъ барыня, ощупывая матерію.—Съ виду оно будто атласъ. Все равно не разберетъ; я скажу, что такой шелкъ... Она рада будетъ, поможетъ Манечкѣ платьице сшить.

— Для тетеньки куплю этой полосатой—думаетъ другая.—Господи! Прямо по ниткѣ лезетъ. Ну да ничего, она все равно послѣ праздниковъ уѣдетъ, при мнѣ шить не станетъ.

*

— Вамъ для прислуги?—спрашиваетъ приказчикъ.

И, получивъ утвердительный отвѣтъ, справляется о подробностяхъ:

— Она кухарка? Для кухарокъ предпочтительнѣе всего коричневое бордо съ желтой горошиной. Клѣтка для кухарки тоже хороша. Особливо съ краснымъ. Потому цвѣтъ лица у кухарокъ пылкій и требуетъ оживленія въ кофтахъ.

— Для нянюшки? Для нянюшки солидное съ мелкимъ цвѣткомъ, кардиналь-эстрагонъ, лиловое съ мильфлеромъ...

— Для горнишенъ веселенькое подъ шелкъ, съ ажурчикомъ подъ брокаръ...

— Для гувернянекъ-съ вотъ это подъ мужской жилетъ, подъ рытый бархатъ, подъ ватерлоо...

— А вотъ для васъ лично могу рекомендовать послѣднія новости: аэропланъ въ полосочку, пропеллеръ съ начесомъ, рѣшительный съ ворсомъ, вуазенъ въ клѣтку, фарманъ, съ мелкими дырочками, международная-двуличная, хорошо для стирки... Мальчикъ! Подай стулъ барынѣ—онѣ на ногахъ качаются!

*

Кромѣ матерій есть еще спеціальныя вещицы для подарковъ.

Странныя вещицы!

Продаются онѣ обыкновенно въ парфюмерныхъ или писчебумажныхъ магазинахъ.

Форма ихъ самая разнообразная.

Матеріалъ тоже.

Бываютъ онѣ и изъ фарфора, и изъ металла, и изъ всякихъ шелковыхъ тряпочекъ, но что онѣ изображаютъ и для чего предназначаются—никто не знаетъ.

— Скажите пожалуйста, что это за штучка?—робко спрашиваете вы у продавщицы.

— Это?—недоумѣваетъ она.—Это...

И она произноситъ нѣсколько свистящихъ и шипящихъ.

— А-а!—притворяетесь вы, что поняли.—Странно, что я сразу не узналъ. А... собственно говоря, для чего она?

Новое недоумѣніе и отвѣтъ.

— Для подарковъ.

— Ахъ да! А сколько стоитъ?

— Четыре съ полтиной. А поменьше и безъ бронзы—три.

Васъ начинаетъ притягивать къ загадочной вещицѣ какое-то странное тупое любопытство. Вы покупаете ее и много дней придумываете, кому подарить. Наконецъ, жертва избрана.

— Прелестная вещица — мечтательно благодаритъ она васъ.—Это вѣрно для перьевъ?

— То-есть... гм... Ну, да, конечно, для перьевъ.

— Странно... А я думалъ, что это для

снимания сапогъ,—вставляетъ свое слово старый дядюшка—провинціалъ.

— Нѣтъ, это скорѣе всего для штопанья чулокъ—говоритъ тетка.—Видишь, оно вродѣ гриба...

— А мнѣ кажется, его нужно вѣшать на лампу...

— Нѣтъ, это подчашникъ... Чего вы смѣетесь? Вѣдь бываютъ же подстаканники, такъ почему же...

Барышни шепчутъ что-то другъ другу на ухо и, густо покраснѣвъ, смѣются до слезъ.

— Не плавда!—говоритъ толстый маленькій мальчикъ.—Я знаю, что это: это наушникъ для зайца...

Потомъ начинаютъ говорить о предполагаемомъ пикникѣ, на который васъ не приглашаютъ...

II.

Вопросъ о томъ, какъ украсить елку и что на нее повѣситъ, рѣшенъ давно, можетъ быть, цѣлое столѣтіе тому назадъ.

Каждый знаетъ, что именно нужно покупать.

На самую верхушку — звѣзду. Вѣшается она спеціально для дамъ—писательницъ, чтобы дать имъ сюжетъ о бѣдномъ мальчикѣ, которому бабушка обѣщала показать звѣздочку, но надула. Маль-

чикъ умретъ, а бабушка исправится и перестанетъ говорить надвое.

На нижнія вѣтки подвѣшивается всякая дрянь—тамъ никому, кромѣ самыхъ маленькихъ дѣтей, ничего не видно.

А самыя маленькія дѣти, если и поймутъ, что подъ елкой виситъ дрянь, все равно разсказать объ этомъ не сумѣютъ, потому что ихъ не учили гадкимъ словамъ.

Чуть-чуть повыше вѣшаются маленькія каменныя яблоки, рекомендованныя торговцами спеціально для елокъ.

— Дѣйствительно, — говорятъ они, — мала штучка, а вотъ, поди-ка, раскуси!

Самый лучшій, отборный рядъ украшеній вѣшается не ниже двухъ-аршиннаго разстоянія отъ пола. Здѣсь маленькія дѣти не достанутъ, а большимъ все хорошо видно.

Здѣсь помѣщаются бомбоньерки подороже и разныя вещицы, дающія хозяевамъ возможность показать свое остроуміе.

— Этотъ башмачекъ для Александра Алексѣевича,—рѣшаетъ хозяйка. Я ему подамъ его и скажу: «вотъ подъ этимъ предметомъ желаю вамъ находиться».

— А эту скрипочку Осипу Сергѣевичу: «пусть всѣ подъ нее пляшутъ».

— Что-о? Ничего не понимаю,—удивляется мужъ.

— Очень просто: желаю, чтобы всѣ плясали подъ его дудку.

— Такъ, вѣдь, это же не дудка, а скрипка...

— Какъ глупо! Не все-ли равно. Лишь бы былъ инструментъ...

— А эта свинья съ золотомъ для кого?

— Это для папаши...

— Гм... А онъ не обидится?

— Ты съума сошелъ! Это самая счастливая эмблема...

Повыше вѣшаются орѣхи, бусы и вещи, которыя жалко дарить чужимъ дѣтямъ.

— Хорошо, милочка, этотъ зайчикъ достанется тебѣ. Ты напомни, когда будешь уѣзжать. А теперь, видишь, мнѣ не достать...

*

Таковъ порядокъ, освященный вѣками.

И всякая хозяйка дома, получившая приличное воспитаніе (неприличное, впрочемъ, кажется, никому и не дается), справится съ этимъ дѣломъ безъ особаго труда.

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ о томъ, что класть подъ елку, что выбирать для подарковъ.

Прежде всего обращается вниманіе на такъ называемые «практичные подарки».

Ихъ иногда даже выписываютъ изъ Варшавы.

«Вотъ, Наденька,—говоритъ мужъ—нужно раздобыть для Мишеля этотъ приборчикъ. Называется: «Каждый — самъ себѣ позолотчикъ». Прилагаются разныя кисточки, лаки, золотой порошокъ. Ему понравится. Онъ вѣдь любитъ пачкать все, что подъ руку попадается.

— А для Аркадія Веньяминовича вотъ это. Слушай: «Каждый самъ себѣ сифонъ». Видишь, вотъ эту трубочку воткнуть въ пробку...

— А Сережѣ можно просто подарить твою пепельницу съ круглаго стола. Скажемъ, что это новость, что это «Каждый самъ себѣ пепельница».

Затѣмъ подбираются подарки ехидно-мстительнаго характера.

Для старой дѣвы—амуръ съ розгой, для домовладѣльца—заводной трамвайчикъ, для вегетаріанца—картонная котлетка.

Выбираются вещи, все самыя обидныя, и на совѣтъ приглашается старая гувернантка только потому, что у нея скверный характеръ.

*

Наконецъ, доходитъ очередь и до дѣтей.

Маленькимъ мальчикамъ, по настоянію приказчиковъ, пріобрѣтаются деревянныя ружья, изъ которыхъ они на другой же день запаливаютъ пробкой въ

лобъ своему грудному братцу, и разныя рожки и трубы, въ которые имъ запретятъ трубить.

Для дѣтей самаго беззащитнаго возраста (отъ года до двухъ) рекомендуются игрушки, которыхъ нельзя брать въ руки потому, что онѣ выкрашены ядовитой краской, и конфетки, которыхъ нельзя ѣсть потому, что онѣ изготовлены на салицилѣ, сахаринѣ, глицеринѣ, стрихнинѣ, трихинѣ и прочихъ растительныхъ и животныхъ ядахъ.

Для ребятъ до-школьнаго возраста лучше всего покупать книжки съ картинками.

Между ними бываютъ такія (я говорю о книжкахъ съ картинками), которыя могли бы не безъ пользы прочесть и люди солиднаго возраста.

Я помню, мнѣ рекомендовалъ приказчикъ книжнаго магазина для дѣвочки семи лѣтъ: «Сластолюбивая Соня».

Глубоко-нравственная исторія начиналась слѣдующими словами:

«Маленькая Соня была очень сластолюбива. Однажды она съѣла все вишневое варенье, которое съ трудомъ и заботами сварила для своихъ друзей ея добрая мать».

Въ концѣ разсказа маленькая Соня строго наказана за свое сластолюбіе, и

дѣти-читатели убѣждаются разъ навсегда, что сластолюбивыми быть невыгодно.

Въ большомъ ходу также переводныя нѣмецкія книжки. На русскихъ дѣтей онѣ дѣйствуютъ нѣсколько двусмысленно.

Есть, напримѣръ, разсказъ про маленькаго Фрица, сдѣлавшаго тысячи добрыхъ дѣлъ, которыя были бы не подъ силу самому всесовершенному Буддѣ. Въ концѣ разсказа маленькій Фрицъ идетъ по улицѣ, и всѣ прохожіе, смотря на него, говорятъ: «Вотъ, идетъ нашъ добрый маленькій Фрицъ». И больше ничего.

Прочтя этотъ разсказъ, русскія дѣти убѣждаются, что добрыя дѣла вознаграждаются очень плохо и стараются впредь сдерживать свои сердечные порывы.

Есть еще очень поучительный разсказъ про маленькаго Генриха, который велъ себя очень скверно и былъ въ наказаніе оставленъ безъ обѣда. И «въ то время, какъ сестры и братья его ѣли вкусные говяжьи соусы, онъ принужденъ былъ довольствоваться печенымъ яблокомъ и чашкой шоколада!!»

Книга эта производитъ на русскихъ дѣтей самое развращающее дѣйствіе. Я знаю двоихъ, которыя прямо взбѣсились, добиваясь счастья ѣсть печеныя яблоки и пить шоколадъ, вмѣсто скверныхъ говяжьихъ соусовъ.

Безнравственная книга!

Мы-то взрослые, давно знаемъ, что добродѣтель питается говяжьими соусами, въ то время, какъ разные безобразники лакомятся шоколадомъ, но зачѣмъ же открывать глаза дѣтямъ? Задача педагогики—какъ можно дольше сохранять въ дѣтяхъ ихъ невинную безсмысленность, чтобы изъ нихъ могли выработаться сознательные люди только къ тридцати годамъ. Иначе,—подумайте, что бы было! Кого бы мы тогда эксплуатировали? На комъ бы выѣзжали?

Нѣтъ, господа! Берегитесь вредныхъ книжекъ, лишающихъ нашихъ дѣтей ихъ очаровательной беззащитности.

ДАЧНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ.

Первыми, конечно, пріѣзжаютъ къ поѣзду дамы съ дѣтьми. Вторыми — дамы безъ дѣтей, одинокія. Третій транспортъ —дамы съ мужьями. Четвертый и послѣдній—мужья одни.

Дѣтныя дамы забираются на вокзалъ такъ рано, что носильщикъ долго не можетъ взять въ толкъ, на какой именно поѣздъ онѣ хотятъ попасть: на утренній, дневной или вечерній. Сплошь и рядомъ оказывается, что хотятъ на завтрашній вечерній.

Одинокія дамы долго томятся, пишутъ открытки и ходятъ на телеграфъ. Желѣзнодорожные воры пользуются этимъ моментомъ, чтобы облегчить дамскій багажъ на пару-другую чемодановъ и картонокъ.

Дамы, пріѣзжающія съ мужьями, прямо и спѣшно направляются въ буфетъ, точно для того и выбрались изъ дому,

чтобы поѣсть, а путешествіе—просто приличный предлогъ.

Ѣдятъ долго, вдумчиво. Пьютъ и снова ѣдятъ, пока не подойдетъ носильщикъ и не напомнитъ, что пора занимать мѣста.

Послѣ третьяго звонка, въ жуткій послѣдній моментъ, между свисткомъ кондуктора и отвѣтнымъ гудѣніемъ локомотива, на платформу вбѣгаетъ вразсыпную испуганная толпа мужчинъ.

Они бѣгутъ, странно подгибая колѣни, точно боятся растрясти голову. Нигдѣ, кромѣ вокзала послѣ третьяго звонка, не увидите вы подобной походки, вѣрнѣе — побѣжки.

Глаза выпученные, ротъ рыбій, задыхающійся.

Тутъ же среди нихъ бѣгутъ и носильщики съ чемоданами.

Чемоданы швыряются прямо въ окна, пассажировъ втискиваютъ въ послѣдній вагонъ. Носильщики бѣдутъ рядомъ съ уходящимъ поѣздомъ въ ожиданіи вознагражденія.

Эти послѣдніе пассажиры — одинокіе мужья, находящіе особымъ шикомъ пріѣзжать къ третьему звонку.

— Это, мать моя, называется поевропейски.

Порядочный мужчина, путешествующій одинъ, никогда не позволитъ себѣ прі-

ѣхать во-время на вокзалъ. Это у нихъ считается страшно неприлично. Не по-европейски.

— О, Гос-с-с-поди!—вопитъ европеецъ, несясь галопомъ по дебаркадеру. — Ой, сердце лопнетъ!

И долго потомъ сидитъ, отдуваясь, и съ ужасомъ вспоминаетъ, какъ бѣжалъ и что по дорогѣ растерялъ.

Думаю, что теперь было бы вполнѣ своевременно дать нѣсколько совѣтовъ провожающимъ и уѣзжающимъ, которыхъ провожаютъ.

Конечно, самое лучшее для провожающаго—это опоздать къ отходу поѣзда.

Можно даже для удобства переждать гдѣ-нибудь за колонной, а какъ только поѣздъ тронется, выбѣжать и съ жестами безграничнаго отчаянія махать издали букетомъ и коробкой конфетъ.

Конфеты, изъ экономіи, можно даже сдѣлать фальшивыми (какъ Раскольниковъ дѣлалъ фальшивый закладъ). Просто завернуть въ бумагу кирпичъ или пустую коробку обвязать крестъ-накрестъ ленточкой,—и готово.

Цвѣты можно взять напрокатъ. Скажите, что вы теноръ и сегодня вашъ бенефисъ.

Если же не удастся раздобыть, то дѣлать нечего, — купите. Зато въ тотъ же вечеръ можете поднести ихъ той, которая не уѣхала. Недаромъ говорятъ французы:

— Les absents ont toujours tort.

Главное — побольше отчаянія. Прижимайте руку къ сердцу, трясите вашимъ букетомъ. Только не бѣгите къ вагону, — а то еще, чего добраго, успѣете добѣжать.

Дѣлайте видъ, что вы окончательно растерялись отъ своей неудачи.

Если же вы слишкомъ добросовѣстный человѣкъ или просто плохой актеръ и пришли на вокзалъ во-время съ истинной коробкой конфетъ, то помните, что провожающимъ отпущено отъ Господа Бога всего три фразы:

1) Напишите, хорошо ли доѣхали.

2) Просто «пишите».

3) Кланяйтесь вашимъ (или нашимъ, въ зависимости отъ того, куда провожаемый ѣдетъ).

Многіе неосмотрительные люди выпаливаютъ всѣ три фразы заразъ, и потомъ имъ ужъ совершенно ничего не остается дѣлать. Они томятся, смотрятъ на часы, что въ высшей степени невѣжливо, шлепаютъ ладонью по вагону, что довольно глупо, и оживляются при третьемъ звонкѣ до неприличія.

Нужно держать себя корректно. Къ чему расточать всѣ свои сокровища сразу, когда можно пользоваться ими осмотрительно, на радость себѣ и другимъ.

Такъ, сразу, послѣ второго звонка, вы можете позволить сказать себѣ первую фразу:

— Напишите, хорошо ли доѣхали!

Послѣ третьяго звонка:

— Кланяйтесь вашимъ-нашимъ!

И только когда поѣздъ тронется, вы должны сдѣлать видъ, что спохватились, и, кинувшись вслѣдъ за вагономъ, завопить съ идіотскимъ видомъ:

— Пишите! Пишите! Пишите!

Слѣдуя этимъ указаніямъ, вы всегда будете чувствовать себя джентльменомъ, и васъ будутъ считать очаровательнымъ, если вы даже, пользуяся суматохой, сдѣлаете видъ, что забыли вручить конфеты по назначенію.

Теперь совѣты для провожаемыхъ.

Забирайтесь на вокзалъ пораньше и засядьте въ вагонѣ. Пусть провожающіе рыскаютъ по вокзалу и ругаются, ища васъ. Это ихъ немножечко оживитъ и придастъ блескъ ихъ глазамъ.

Когда увидите въ ихъ рукахъ цвѣты или коробку, немедленно протяните къ нимъ руку, укоризненно качая головой:

— Ай-ай! Ну, къ чему это! Зачѣмъ

же вы безпокоились? Мнѣ, право, такъ совѣстно.

Если же провожающіе разыщутъ васъ слишкомъ рано и надоѣдятъ своими напряженными лицами, — скажите, что вамъ нужно на телеграфъ, а кондуктора попросите запереть, пока что, ваше купэ.

Если среди провожающихъ находится человѣкъ, вамъ исключительно непріятный, —не давайте ему времени покрасоваться своей находчивостью и попросить васъ писать и кланяться. Забѣгите впередъ и, какъ только увидите его, начните кричать еще издали:

— А я вамъ буду писать съ дороги и поклонюсь отъ васъ нашимъ-вашимъ. Да и вообще буду писать.

Тутъ онъ сразу весь облетитъ, какъ одуванчикъ отъ порыва вѣтра, и будетъ стоять обиженный и глупый, на радость вамъ.

Если у васъ есть собака,—дайте ему подержать вашу собаку. Это очень сердитъ людей. Потому что обращаться съ собакой при ея хозяйкѣ ужасно трудно. Многіе дѣлаютъ видъ, что относятся къ ней, какъ къ вашему ребенку, —любовно и покровительственно и съ тихимъ любованіемъ. Это выходитъ особенно глупо, когда собака начинаетъ тявкать.

Если у васъ собаки нѣтъ, то по-

шлите ненавистнаго послѣ третьяго звонка купить вамъ книжку на дорогу. Онъ будетъ бѣжать за поѣздомъ, какъ заяцъ, а вы въ окошко укоризненно качайте головой, какъ будто онъ же еще и виноватъ.

Въ самый послѣдній моментъ, когда вы уже немножко отъѣхали, и провожающіе съ самодовольными и удовлетворенными лицами начали отставать отъ вагона, высуньтесь въ окно и, выдумавъ какое-нибудь имя, крикните:

— А такой-то (лучше имя совершенно никому незнакомое) поѣхалъ меня проводить въ Гатчину.

Это выходитъ очень эффектно. И весь вагонъ можетъ полюбоваться на злобное недоумѣніе вашихъ друзей.

А вы улыбайтесь и бросайте имъ цвѣточки на память. И кричите прямо въ ихъ ошалѣлые глаза:

— Пишите! Пишите! Пишите!

На этомъ ритуалъ кончается.

КУЛИЧЪ.

Въ конторѣ купца Рыликова работа кипѣла ключомъ.

Бухгалтеръ читалъ газету и изрѣдка посматривалъ въ дверь на мелкихъ служащихъ.

Тѣ тоже старались: Михельсонъ чистилъ резинкой свои манжеты, Рябуновъ вздыхалъ и грызъ ногти; конторская Мессалина—переписчица Ольга Игнатьевна—дѣловито стучала машинкой, но оживленный румянецъ на пухло трясущихся щекахъ выдавалъ, что настукиваетъ она приватное письмо и къ тому же любовнаго содержанія.

Молодой Викентій Куличъ, три недѣли тому назадъ поступившій къ Рыликову, задумчиво чертилъ въ счетной книгѣ все одну и ту же фразу:

«Сонечка, что же это?»

Потомъ украшалъ буквы завитушками и чертилъ снова.

Собствено говоря, если бы не порча

дѣловой книги, то это занятіе молодого Кулича нельзя бы было осудить, потому что Сонечка, о которой онъ думалъ, уже два мѣсяца была его женой.

Но именно это-то обстоятельство и смущало его больше всего: онъ долженъ былъ, поступая на службу, выдать себя за холостого, потому что женатыхъ Рыликовъ къ себѣ не бралъ.

— Женатый норовитъ, какъ бы раньше срока домой подрать, съ женой апельсинничать,—пояснялъ онъ.—Сверхъ срока онъ тебѣ и перомъ не скребнетъ. И чего толку жениться-то? Женятся, а черезъ мѣсяцъ полихамію разведутъ либо къ брюкоразводному адвокату побѣгутъ. Нѣтъ! Женатыхъ я не беру.

И Куличъ, спрятавъ обручальное кольцо въ жилетный карманъ, служилъ на холостомъ основаніи.

Жена его была молода, ревнива и подозрительна, и потому телефонировала ему на службу по пяти разъ въ день, справляясь о его вѣрности.

— Если уличу,—грозила она,—повѣшусь и переѣду къ теткѣ въ Устюжну!

И весь день на службѣ томился Куличъ, терзаемый телефономъ, и писалъ съ завитушками на всѣхъ дѣловыхъ бумагъ: «Сонечка, опять!» «Сонечка, что же это!»

— Опять васъ вызываютъ!—говорилъ

Рябуновъ такимъ тономъ, точно его оторвали отъ спѣшной и интересной работы.

Онъ сидѣлъ къ телефону ближе всѣхъ и благословлялъ судьбу, отвлекавшую его хоть этимъ развлеченіемъ отъ монотонной грызни ногтей.

— Опять васъ, Куличъ!

Куличъ краснѣетъ, спотыкаясь идетъ къ телефону и говоритъ вполголоса мимо трубки первое попавшееся имя: «А! Это вы, Дарья Сидоровна!»—Затѣмъ продолжаетъ разговоръ во весь голосъ.

Мессалина свиститъ громкимъ шопотомъ:

— Дарья Сидоровна? Это, вѣрно, какая-нибудь прачка!

— Зачѣмъ ты звонишь?—блеетъ въ трубку смущенный Куличъ.—Что? Вѣренъ?..

...Боже мой, котикъ, да съ кѣмъ же?.. Вѣдь, я здѣсь на службѣ... Что? Посмотри на комодѣ... И я тоже... безумно. Ровно въ половинѣ восьмого!

Онъ вѣшаетъ трубку и идетъ на мѣсто стараясь ни на кого не смотрѣть, и въ ужасѣ ждетъ новаго звонка.

— Опять васъ! О, Господи!—вздыхаетъ Рябуновъ.

— А, Антонина Сидоровна! — грустно радуется Куличъ мимо трубки.

— Сидоровна?—свиститъ Мессалина.— Видно, сестра той, хи-ха!

— Нѣтъ, пока еще не догадались, — говоритъ Куличъ. — Но будь осторожна, котикъ, милый! Не звони такъ часто!.. Одну тебя! Одну!

Черезъ часъ звонитъ Амалія Богдановна.

— Навѣрное акушерка, — догадывается Мессалина.

— Не звони ко мнѣ больше!—умоляетъ черезъ часъ Куличъ какую-то Ольгу Карповну. — Бога ради! Ты знаешь, что одну тебя... но я занятъ... не звони, котикъ, умоляю! Ты выдашь себя!

Аннѣ Карловнѣ, позвонившей часа черезъ полтора, онъ коротко сказалъ:

— Люблю!

И повѣсилъ трубку.

И каждый день повторялась та же исторія, развлекавшая, занимавшая и возмущавшая всю контору.

— Какая-нибудь несчастная попадется ему въ жены! — возмущалась Мессалина.

— Это ужъ не Донъ-Жуанъ, а сатиръ —кричалъ Рябуновъ, остро завидовавшій куличевскимъ успѣхамъ.

— Это язва на общественной совѣсти, — вставлялъ любящій чистоту манжетъ Михельсонъ.—Это ждетъ себѣ возмездія. Ей-Богу! Я вамъ говорю!

— И кто откроетъ глаза несчастнымъ жертвамъ!—ахала Мессалина.

— Этихъ глазъ слишкомъ много, чтобы можно было это сдѣлать, не затрачивая времени! Я вамъ говорю!—усердствовалъ Михельсонъ.

Рыликовъ тоже сердился.

— Отчего къ вамъ никогда не дозвонишься? — кричалъ онъ. — Какой у васъ тамъ чортъ на проволокѣ повисъ?

Послѣ одного исключительнаго по телефоннымъ изліяніямъ дня, когда Куличъ обѣщалъ восьми женщинамъ, что поцѣлуетъ ихъ ровно въ половину десятаго,— вся контора рѣшила пожаловаться начальству.

— До Бога высоко, что тамъ,—говорилъ Михельсонъ.—Рыликовъ, все равно, съ нами разсуждать не станеть. Пойдемте къ Арнольду Иванычу.

Пошли къ бухгалтеру, разсказали всю правду.

— Онъ намъ мѣшаетъ работать. Все звонки, да звонки, никакъ не сосредоточишься,—говорилъ Рябуновъ, избранный депутатомъ.—Мы хотимъ работать, каждый человѣкъ любитъ работать, а они отрываютъ. Но мы бы не обижались, если бы тутъ были серьезныя дѣла. Нѣтъ! Но насъ, главнымъ образомъ, возмущаетъ безнравственное поведеніе вышеизложеннаго субъекта.

Краснорѣчіе докладчика широкою волной захлестнуло слушателей.

Бухгалтеръ засопѣлъ носомъ, Михельсонъ молодцевато подбоченился («Я вамъ говорю!») Мессалина разгорѣлась и подумала: «Рябуновъ, ты будешь моимъ!»

— Этотъ нижеподписавшійся человѣкъ, ниже котораго, по-моему, и подписаться нельзя,—продолжаетъ Рябуновъ,—мѣняетъ акушерку на прачку и двухъ прачекъ между собой. Мы не можемъ больше молчать и выслушивать его гнусныя нѣжности, которыя онъ сыплетъ въ трубку какъ горохъ. Мы не желаемъ играть роль какого-то общества покровительства животнымъ страстямъ...

— Ей-Богу!—воскликнулъ Михельсонъ.
—Я вамъ говорю!

— И онъ ихъ всѣхъ зоветъ «котиками»,—вспыхнула Мессалина.

— О?—удивился бухгалтеръ.

Онъ сопѣлъ, чесалъ въ бородѣ карандашомъ и наконецъ сказалъ:

— О-о-о! Если, дѣйствительно, мѣшалъ акушерка съ два прачка, то я завтра съ нимъ поговорю. Пфуй! Я поговорю... котика!

Куличъ весь задрожалъ, когда на другой день, утромъ, бухгалтеръ поманилъ его къ себѣ и заперъ двери.

— Чего волноваться? — успокаивалъ

онъ себя.—Вѣрно, просто жалованья прибавитъ...

— Милостивый господинъ! — торжественно началъ бухгалтеръ.—Я любопытенъ знать, съ кѣмъ вы ежечасно говорите по телефонъ?

Куличъ застылъ.

— Ради Бога! Арнольдъ Иванычъ! Не подумайте что-нибудь... какъ говорится... жена. Клянусь вамъ! Это все самые различные персонажи своей надобности!..

— Бухгалтеръ посмотрѣлъ строго.

— Милостивый господинъ! Вы знаете, какъ называется ваше поведеніе? Оно называется: притонъ безнравственности. Вотъ какъ!

Онъ полюбовался смущеніемъ Кулича и продолжалъ:

— Вы мѣшаете акушерку съ двѣ прачки. Я, знаете, ничего подобнаго никогда не видалъ! Ни въ людей, ни въ животномъ царствѣ. Этого потерпѣть нельзя! Съ сегодняшняго дня вы уже не служащій въ конторѣ, а сатиръ безъ должности!

— Меня оклеветали!—стоналъ Куличъ. —Я могъ бы доказать... если бы судьба не заткнула мнѣ ротъ!..

— Электричество лгать не можетъ! — загремѣлъ бухгалтеръ.—Вся контора слышала! Пфуй! Вотъ ваше жалованье... Руки вамъ не подаю... Прощайте! Идите къ

тѣмъ, кого вы опредѣляли котиками, господинъ развратный сатиръ!

Куличъ бомбой вылетѣлъ на улицу, и едва захлопнулась за нимъ дверь, какъ въ конторѣ зазвонилъ телефонъ.

— Вамъ Кулича?—ликовалъ Рябуновъ въ трубку.—Кулича нѣтъ. Фью! Уволенъ за развратъ. Виноватъ, сударыня, долженъ вамъ открыть глаза. Не сѣтуйте на меня! Каждый джентльменъ, если только онъ порядочный человѣкъ, сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ то же самое. Я чувствую, что говорю съ одной изъ жертвъ развратнаго Кулича... Да, да! Цѣлые дни онъ проводилъ въ бесѣдѣ съ дамами прекраснаго пола. Что? По телефону. Нѣжничалъ до безстыдства... Называлъ котиками всѣхъ... и акушерку тоже... Васъ, вѣрно, тоже?.. Да... Вы только не волнуйтесь... На глазахъ у всѣхъ... вѣрнѣе,—на ушахъ, потому что слышали... назначалъ свиданія... Что?.. Что-о?..

— Господа, — сказалъ онъ, обернувшись къ товарищамъ. — Эта мегера, кажется, плюнула прямо въ трубку... Ужасно непріятно въ ухѣ...

— Наша миссія выполнена! — торжествовалъ Михельсонъ.—Ей-Богу! Теперь онѣ уже разорвутъ его на части. Я вамъ говорю!

ГОРЫ.

I.

— Зачѣмъ же намъ ѣхать въ Италію, когда мы преспокойно можемъ поѣхать въ Испанію?

Я посмотрѣла Софьѣ Ивановнѣ прямо въ глаза и отвѣчала спокойно:

— А зачѣмъ намъ ѣхать въ Испанію, когда мы преспокойно можемъ поѣхать въ Швейцарію?

— А зачѣмъ насъ понесетъ въ Швейцарію—подхватила она,—когда мы преспокойно можемъ поѣхать на Кавказъ?

Я прекрасно понимала въ чемъ дѣло. Дѣло было въ томъ, что Софья Ивановна только что разбила любимую чашку и ей нужно было сорвать на комъ нибудь сердце. Не желая служить ея низменнымъ инстинктамъ я рѣшила убить ее сразу своей кротостью.

— Да, другъ мой? Вы хотите ѣхать на Кавказъ? Что-жъ—я очень рада.

Ей не хотѣлось на Кавказъ. Она чуть не плакала со злости, и говорила дрожащимъ голосомъ, надѣясь вызвать меня на протестъ:

— Поѣдемъ по Военно-Грузинской дорогѣ. Вы вѣдь не видѣли ничего подобнаго. Мнѣ то все равно, но вамъ это конечно страшно интересно.

Я кротко улыбалась и черезъ три дня мы поѣхали.

Отъ Петербурга до Кавказа — стоитъ ли описывать наше путешествіе?

Потеряли одинъ зонтикъ, одну картонку, два пледа, одинъ кошелекъ, одну фальшивую косу, одну квитанцію отъ багажа, три полотенца и восемнадцать рублей деньгами.

Словомъ—доѣхали благополучно.

Во Владикавказѣ поѣли на вокзалѣ шашлыку и пошли на базаръ нанимать коляску до Млетъ и обратно.

На базарѣ оказалась всего одна коляска; на козлахъ сидѣлъ бородатый русскій мужикъ и зѣвалъ крестя ротъ.

Софья Ивановна дѣловито отстранила меня локтемъ и сказала мужику:

— До Млетъ и обратно коляску четверкой, сколько возьмешь?

— До Мле-етъ? — Онъ презрительно улыбнулся. Цѣна извѣстная — тридцать пять рублей.

— Нечего, нечего! Больше сорока не дамъ!

Я дернула Софью Ивановну за рукавъ.

Она оглянулась сердито.

— Оставьте пожалуйста! Вы вѣчно вездѣ переплачиваете! Меня предупреждали, чтобы я больше сорока не давала.

Но ямщикъ стоялъ на своемъ.

— Ищите другого. Можетъ какой дуракъ и повезетъ дешевле, а я не могу. Какъ я цѣну съ васъ не ломилъ, а по божески сказалъ, что тридцать пять такъ нужно, тоже, и совѣсть имѣть.

— А я больше сорока не дамъ!

Не знаю чѣмъ бы дѣло кончилось, если бы я не вмѣшалась. Вѣроятно они никогда бы не сговорились. Но мнѣ очень понравился ямщикъ; онъ такъ подходилъ къ нашей компаніи, что было жаль его упускать.

Я схватила Софью Ивановну за руку и громко закричала:

— Ради Бога молчите! Онъ уже согласенъ. Ямщикъ, голубчикъ! Барыня согласна! Подавай скорѣй лошадей къ вокзалу.

Но тутъ снова вышла исторія. Ямщикъ сказалъ, что долженъ намъ дать задатокъ, а то мы его надуемъ и возьмемъ другого. А Софья Ивановна обидѣлась и выразила увѣренность, что надуетъ-то именно онъ и поѣдетъ съ другими и

поэтому онъ долженъ взять съ насъ задатокъ. Я съ трудомъ помирила ихъ, взявъ съ каждаго въ свою пользу, пока что, по три рубля.

Послѣ долгихъ сборовъ, ссоръ и разговоровъ мы наконецъ выѣхали, остро ненавидя другъ друга, ямщика и всю четверку лошадей.

II.

— Феерично! Феерично! кудахтаетъ Софья Ивановна. Скалы, а на верху — вершины! Нѣтъ, вы себѣ представить не можете, какая это красота.

Чего же мнѣ представлять,—говорю я, разъ я все это вижу собственными глазами.

— Ахъ, вы не понимаете,—это феерично. Я много видала красиваго, ѣздила моремъ. Это было тоже феерично, но даже на морѣ нѣтъ ничего подобнаго!

— Чего нѣтъ,—горъ-то?

— Ахъ, ничего нѣтъ. И потомъ на морѣ я бываю больна,—у меня дѣлается мертвая зыбь... Ямщикъ! Ямщикъ! Что это за гора?

— Пронеси Господи, — мрачно раздается съ козелъ.

— Ахъ, опять «Пронеси Господи», это онъ ужъ пятый разъ говоритъ... Быть не

можетъ, чтобы всѣ скалы такъ назывались... Ямщикъ! Ямщикъ! Что это за ручей?

— Терекъ.

— Ахъ! Терекъ! «Плещетъ мутный валъ!» Ямщикъ! Ямщикъ! Гдѣ мутный валъ? А это что за гора?

— Пронеси господи.

— Опять! Да тутъ хоть и не молись, все равно пронесетъ,—гладкое мѣсто.

Ямщикъ презрительно подергиваетъ плечомъ. Онъ человѣкъ русскій и съ глубокимъ презрѣніемъ относится къ Кавказу. Глядя на скалы, крутитъ головой съ такимъ видомъ точно хочетъ сказать: «И народили же зря всякой всячины. Затѣйники! дѣлать, молъ, вамъ нечего».

Ужасно ужъ онъ былъ некстати въ этой обстановкѣ. Такому мужику нужно ходить по гладкому мѣсту, пахать, да боронить. А тутъ ѣдетъ бѣдняга, внизу пропасть, сверху камень виситъ, справа — «Пронеси, Господи», слѣва — «Пронеси, Господи», сзади — «Пронеси, Господи». Тьфу!

Настроеніе у него, повидимому, невеселое, да и страхъ порой пробираетъ, но изъ чувства собственнаго достоинства онъ старательно прячетъ его «подъ маской наружнаго холода».

Вотъ мы и въ Дарьяльскомъ ущельѣ.

Воздушный желѣзный мостикъ, легкій

и звонкій, перекинутъ съ одного берега на другой. Терекъ весь кипитъ и бурлитъ и сердито бросаетъ намъ въ лицо холодную бѣлую пѣну. Мостикъ дрожитъ. Голова кружится. Вода глухо реветъ. Сотни огромныхъ водяныхъ колесъ крутятся и вертятся, точно торопятся выполнить какой то спѣшный и важный заказъ.

Эдакая безтолочь!

Чувство удовольствія, тайнаго торжества и побѣды сладко пробѣгаетъ по нервамъ: мы на другомъ берегу.

Я смотрю, улыбаясь, какъ бѣсятся злыя волны, и думаю:

— Злись себѣ сколько влѣзетъ — а я всетаки переѣхала!

— Чертовъ мостъ!—заявляетъ ямщикъ такимъ тономъ, что моя спутница даже обижается:

— Il se permet trop!

Мимо насъ, тяжело громыхая, пронеслась огромная карета, запряженная четверкой лошадей. На козлахъ благодушно улыбающійся кучеръ и облаченный въ черкескій костюмъ, весело дудящій въ рожокъ—кондукторъ.

Изъ необычайно маленькихъ окошечекъ кареты торчала чья-то рука и совершенно стиснутый локтемъ этой руки, большой сизый носъ. Съ другой стороны не то козырекъ фуражки, не то чье-то

оторванное ухо. На запяткахъ, покрытыя, словно ковромъ изъ солдатскаго сукна, густымъ слоемъ пыли копошились какія-то живыя существа. Вѣрнѣе, полуживыя. Лица ихъ были плотно прижаты къ кузову кареты, спины подпирались чемоданами. Чуть-чуть двигались только какіе-то странные сѣрые отростки, похожіе на человѣческія руки. Въ общемъ, существа эти напоминали жуковъ, приколотыхъ булавкою къ пробкѣ.

— Почтовый обнимусь,—пояснилъ ямщикъ, когда карета скорби промчалась мимо, обдавъ насъ густымъ и тяжелымъ облакомъ пыли.

Много интереснаго узнала я объ этомъ странномъ сооруженіи. Болѣе всего удивилъ меня новый и оригинальный принципъ его: чѣмъ дороже платитъ пассажиръ, тѣмъ хуже ему ѣхать. Лучше всего чувствуютъ себя кучеръ и кондукторъ. Они дышатъ свѣжимъ воздухомъ, любуются природой, трубятъ въ рожокъ и вдобавокъ получаютъ жалованье.

Пассажиръ второго класса, заплатившій за проѣздъ, помѣщается на запяткахъ. Но онъ можетъ иногда пошевелить въ бокъ рукою, можетъ свободно вылетѣть на крутомъ поворотѣ и, приложивъ нѣкоторое стараніе, можетъ также увидѣть клочекъ неба надъ своей головой, когда

отчаяніе охватитъ его душу и онъ захочетъ ободрить себя молитвой.

Пассажиру перваго класса — самаго дорогого, приходится хуже всѣхъ. Онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, совершенно лишенъ воздуха и, какъ Іона во чревѣ китовомъ, ждетъ сладостнаго момента, когда «обнимусь» изрыгнетъ его на какой-нибудь станціи.

Я потомъ видѣла этихъ несчастныхъ на остановкахъ. Они качались на ногахъ, испуганно щурились отъ свѣта и все дышали, дышали, дышали... Они напоминали мнѣ подводный корабль «Наутилусъ» Жюля Верна, который выплывалъ разъ въ мѣсяцъ на поверхность моря и, причаливъ къ «туземнымъ» островамъ, запасался свѣжимъ воздухомъ.

Рекомендую путешествіе въ омнибусѣ для особъ, ненавидящихъ природу и не желающихъ бросить на нее ни одного, даже равнодушнаго, даже негодующаго взгляда. (Бери билетъ второго класса).

Рекомендую путешествіе въ омнибусѣ также для особъ, которыя органически не выносятъ свободы движеній и дыханія свѣжимъ воздухомъ. (Бери билетъ перваго класса).

Если вы ѣдете на вольныхъ, въ обыкновенной коляскѣ, то, какъ ни отворачивайтесь, какъ ни прячьтесь, а все равно

что-нибудь да увидите. Ненарокомъ — а увидите. Въ почтовомъ же омнибусѣ вы гарантированы вполнѣ отъ всякихъ раздражающихъ взоръ вашъ картинъ. Локоть сосѣда, носъ визави, спинка кареты, собственная ладонь, если вамъ повезетъ и удастся поднять руку — этимъ исчерпаются всѣ зрительныя впечатлѣнія, какими подаритъ васъ Военно-Грузинская дорога.

III.

— Замокъ царицы Тамары, — тычетъ ямщикъ кнутомъ куда-то въ пространство.

— Ахъ! какая красота, — всколыхнулась моя спутница,—феерично! Буквально феерично! И какъ все хорошо сохранилось... Четыре башни... Окошечки такія чистенькія... «Цѣною жизни ночь мою!»... Ахъ, Тамара, Тамара!

— Это вы между прочимъ изъ Клеопатры, а не изъ Тамары,—замѣчаю я.

— Ахъ это безразлично... Разъ ихъ manières de se conduire такъ похожи... Дивный замокъ! скажи, ты помнишь-ли еще свою царицу? — и она запѣла тоненькимъ фальшивымъ голоскомъ:

«Не плачь, дитя, не плачь напрасно.
Твоя слеза совсѣмъ напрасно,
Куда не надо упадетъ!..»

— Феерично! Феерично!

— Да вы, барыня, совсѣмъ не туда

смотрите,—удивляется ямщикъ.—Это вонъ съ четырьмя башнями казацкій постъ; недавно выстроенъ. А замокъ тамъ на горѣ. Ишь-камушки торчатъ.

Мы сконфуженно смолкаемъ.

Отъ замка царицы Тамары осталась одна дыра съ каемочкой. Мы объѣзжаемъ скалу и, повернувъ головы, долго смотримъ на развалины.

Прескверное было жилище.

— У моей скотницы болѣе комфортабельная изба,—замѣчаетъ моя спутница.

И потомъ покойницѣ было очень неудобно сталкивать съ этой скалы своихъ поклонниковъ—здѣсь недостаточно круто, и приходилось нѣсколько саженъ бѣжать сзади и подталкивать ихъ въ спину. Утопить ихъ тоже было трудненько. Терекъ слишкомъ далеко, и если имъ и удавалось скатиться внизъ, то для того, чтобы утонуть, нужно было порядочное пространство отмахать пѣшкомъ. Или, можетъ быть, Тамара сама волокла ихъ по камнямъ. Работа не легкая.

Моя спутница даже вздохнула по этому поводу:

— Tout n'est pas rose dans te métier!

И потомъ, обратившись къ ямщику, полюбопытствовала:

— Скажи, любезный, что-же она дѣйствительно... женщина была?..

Дорога снова круто поворачиваетъ, и снова тоненькій, хрупкій мостикъ робко перекидывается черезъ потокъ.

Онъ весь звенитъ и дрожитъ словно отъ страха, словно хочетъ сказать намъ: «Ужъ не знаю, доведу-ли я васъ до того берега»...

— Ямщикъ, — спрашиваетъ моя спутница,—а гдѣ же мы будемъ ночевать?

— Да ужъ нужно до Казбека добраться, а завтра рано утромъ выѣдемъ и къ обѣду въ Млетахъ будемъ.

*

Млеты — конечный пунктъ нашего путешествія. Далѣе, какъ намъ говорили, горы уже не такъ красивы и послѣ Дарьяльскаго ущелья представляютъ мало интереснаго. Изъ Млетъ мы вернемся тою же дорогой во Владикавказъ.

— А хорошія-ли тамъ комнаты для ночлега?—спрашиваю я.

— Еще-бъ те нѣтъ! На каждой станціи три отдѣленія: одно для дамъ, одно для мужчинъ и одно для генераловъ.

— У васъ на Кавказѣ, голубчикъ, генералы вѣрно третьимъ поломъ считаются?

Ямщикъ не отвѣчаетъ. Мимо насъ съ грохотомъ трескомъ и трубнымъ звукомъ проносится «карета скорби». Долго потомъ черезъ клубы пыли чудятся намъ

какіе-то сдавленные стоны, мольбы и насмѣшливый хохотъ. Меня охватываетъ такое настроеніе, будто мы увидѣли проклятаго «летучаго голландца», и раздавшіяся затѣмъ слова ямщика «гроза будетъ» кажутся мнѣ прямымъ послѣдствіемъ зловѣщей встрѣчи.

Начинаетъ темнѣть. Лиловыя тучи медленно опускаются на широкія каменныя плечи утесовъ и, тихо покачиваясь, прильнули къ нимъ.

*

На станцію «Казбекъ» мы пріѣхали поздно ночью, продрогшія и промокшія подъ проливнымъ дождемъ. Мы дѣйствительно нашли хорошія комнаты, удобныя постели и порядочный ресторанъ.

Въ столовой было уже нѣсколько путешественниковъ, такихъ же мокрыхъ и голодныхъ, какъ мы. Около насъ помѣстился господинъ съ самымъ туземнымъ носомъ и таковымъ же костюмомъ.

— Дайте мнѣ что-нибудь шашлыкъ и что-нибудь форель, — гордо приказывалъ онъ и повторялъ свое приказаніе такое безконечное число разъ, что я поняла, что это дѣлалось не безъ умысла. Онъ, очевидно, разсчитывалъ произвести на насъ впечатлѣніе. И кто знаетъ! Можетъ быть, уже не одно женское сердце погублено и разбито этой властной фразой.

— Я сказалъ, — что-нибудь шашлыкъ!

— Ne le regardez pas, — тревожно шепчетъ мнѣ моя спутница. — Не забывайте, что мы на военно-грузинской дорогѣ.

— А что?

— А то, что онъ познакомится съ вами, а потомъ зарѣжетъ и ограбитъ. И очень просто!

— Такъ вы думаете, что здѣшніе разбойники такого деликатнаго воспитанія, что не станутъ рѣзать даму, которой не представлены?

— Что-нибудь форель я велѣлъ! — и насъ обжигаетъ пламенный взглядъ.

— Mais détournez vous! Ахъ Боже мой! — Если бы не цыпленокъ, я бы ушла, — мечется на своемъ мѣстѣ моя спутница.

— Велимъ подать въ номеръ, если вы такъ боитесь, — рѣшила я.

Мы встали и пошли вдоль коридора, отыскивая занятую нами комнату.

Темно. Фонарь, повѣшенный у входной двери, слабо мерцаетъ вдали. Никого нѣтъ, спросить не у кого. Вдругъ чьи-то шаги...

— Извэнытэ, милостивая государыня...

Голосъ знакомый. Мы оборачиваемся.

— Ай! c'est lui, — вопитъ моя спутница. — Голубчикъ! У меня ничего нѣтъ! Денегъ нѣтъ... Я несовершеннолѣтняя!.. Я послала все дочерямъ... въ Москву... по телефону!.. Ахъ qu'est ce que je raconte!..

— Извэныте, мылостивая государыня, —спокойно продолжалъ незнакомецъ, обращаясь ко мнѣ.—Вы не мармазель Баринская изъ Кіева?

— Эге!—подумала я.—Понимаю твою военно-грузинскую хитрость. Просто познакомиться хочешь... Ладно же!

— Совершенно вѣрно. Я мармазель Баринская изъ Кіева.

Нѣсколько мгновеній испуганнаго молчанія. Затѣмъ удивленно радостный возгласъ:

— Нэ правду врошь! Она брунетка!..

Подошелъ слуга со свѣчой и провелъ насъ въ нашу комнату. Восточный незнакомецъ такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ и разставленными руками. Я не увѣрена, что онъ не стоитъ тамъ до сихъ поръ...

*

По распоряженію ямщика, насъ разбудили въ пять часовъ утра. Алые лучи только что проснувшагося солнца весело и дерзко били въ окошко.

— Скажите вашему ямщику, что я ему не раба! Когда захочу, тогда и встану!— хриплымъ, сиплымъ голосомъ ворчала моя спутница.

— Софья Ивановна!—робко убѣждаю я,—вѣдь мы ничего не увидимъ, если выѣдемъ поздно.

Молчаніе. Затѣмъ легкій храпъ.

Проходитъ полчаса.

— Ямщикъ скучаетъ,—раздается тягучій голосъ за дверью. — Лошади поданы.

Дѣлать нечего. Софья Ивановна медленно принимается за одѣванье съ видомъ приговореннаго къ казни преступника, совершающаго свой послѣдній туалетъ.

Мы выходимъ на крыльцо. Странная неожиданная картина представляется намъ: все покрыто молочно-бѣлымъ туманомъ, покрыто до такой степени, что намъ кажется, будто мы не на Кавказѣ, а гдѣ нибудь въ степяхъ Екатеринославской губерніи. Ни одной горы не видно. Все гладко и чисто.

— Вотъ такъ пейзажъ!—ворчитъ моя спутница.—Стоило ѣхать!

— Какъ жаль,—вторю я.—И Казбека не увидимъ.

— Благодарите Бога, что хоть Терекъ-то видите.

Я стараюсь какъ нибудь примириться съ разочарованіемъ.

— Неправда-ли, какое чудное широкое шоссе!—говорю я.

— Ну ужъ нашли тоже! Вотъ, говорятъ, китайская стѣна. Вотъ что я называю шириной: двѣнадцать колесницъ разъѣхаться не могутъ.

Я не отвѣчаю и мы долго ѣдемъ молча.

Туманъ началъ алѣть и таять. Робко, стыдливо, словно сдернувшія чадру восточныя красавицы, проглянули силуэты горъ. Показались мѣстами розово-серебристыя вершины.

— Сегодня ночью въ горахъ снѣгъ выпалъ,—говоритъ ямщикъ.

Солнце поднимается выше, посылаетъ лучи горячѣе... Вотъ онѣ, горы! И не такія, какъ вчера: онѣ стали легкія, воздушныя, чистыя въ дѣвственно бѣлыхъ покрывалахъ, словно надѣтыхъ для утренней молитвы.

— Какой обманъ зрѣнія,—разсуждаетъ моя спутница.—Смотришь на гору—кажется совсѣмъ близко, а подъѣдешь—видишь, что и въ самомъ дѣлѣ близко...

— Ужасно, ужасно, — машинально отвѣчаю я.

Посреди дороги насъ ждетъ сюрпризъ. Нашъ сердитый спутникъ—Терекъ—внезапно поворачиваетъ и, глухо ворча, уходитъ отъ насъ направо въ ущелье. А черезъ нѣсколько времени насъ встрѣчаетъ другая рѣчка, тоже бурная, но уже и какъ-то веселѣе.

— Это ихняя Рагва рѣка,—поясняетъ ямщикъ съ непередаваемымъ презрѣніемъ.

Мы поднимаемся все выше и выше. Скоро достигнемъ самаго высокаго пункта военно-грузинской дороги—Крестоваго пе-

ревала. Здѣсь часто бываютъ обвалы. На самыхъ опасныхъ мѣстахъ устроены туннели, предохраняющіе отъ падающихъ камней, а зимой—отъ сползающихъ сверху снѣговыхъ глыбъ.

Вотъ дорога внезапно дѣлается вдвое уже. Слѣва надъ пропастью вбиты сваи и положены доски. Сверху нависъ огромный расколовшійся камень. Сбоку у дороги прибитъ флагъ.

Ямщикъ остановилъ лошадей и сталъ благодушествовать, сгоняя мухъ съ лошадиныхъ хвостовъ.

— Что это за мѣсто голубчикъ? — спрашиваю я.—Зачѣмъ здѣсь доска?

— А тутъ недавно скала сверху упала,—отвѣчаетъ онъ, ласково улыбаясь.— Да вонъ полшаши отколотило. Все туда внизъ полетѣло.

Мы начинаемъ чувствовать себя скверно.

— А флагъ здѣсь зачѣмъ?

— А просто для обозначенія опаснаго мѣста. Чтобъ, значитъ, проѣзжали скорѣй, —что-ли.

— Такъ зачѣмъ же ты остановился, несчастный!

— А мы и всегда такъ. Чтобъ лошади передохнули. Потому здѣсь, значитъ, ровно полдороги будетъ.

Моя спутница произноситъ скорого-

воркой нѣсколько удивительныхъ словъ, заключающихъ въ себѣ одновременно и краткое опредѣленіе умственныхъ способностей нашего возницы и какія то загадочныя обѣщанія по его адресу.

Онъ какъ будто только этого и ждалъ и съ большимъ интересомъ выслушавъ ее, дернулъ возжи и погналъ лошадей.

IV.

Вотъ и Крестовый перевалъ. Справа —отвѣсная скала, слѣва — пропасть. На днѣ ея весело серебрится и вьется измятою лентой «ихняя» Арагва. Мы поднялись такъ высоко, что до насъ даже не долетаетъ шумъ. Кое-гдѣ по склонамъ мелькаютъ маленькія селенія. Видно, какъ ползаютъ по горамъ крошки-люди, собирая траву для своихъ стадъ.

Немножко ниже насъ, надъ обрывомъ, проносится стая птицъ и, смѣшно поджавъ крылья, ныряетъ и кувыркается въ воздухѣ. Имъ просторно, свободно, онѣ высоко надъ землей. Мы еще выше ихъ, но на землѣ. Намъ тѣсно, и мы лѣпимся около отвѣсной стѣны.

— Обидно за человѣка,—соглашается со мною моя спутница.—И несправедливо со стороны природы отдавать птицѣ такой преферансъ.

Скоро пріѣдемъ въ Млеты. Начинаютъ

попадаться навстрѣчу мѣстные жители въ телѣгахъ самой невѣроятной конструкціи: двѣ плетеныя стѣнки, очень высокія, поставлены на колеса параллельно другъ другу. Пролѣзть между этими стѣнками можетъ только очень отощавшій человѣкъ и то бокомъ. Влѣзаютъ туда, вѣроятно, подставляя лѣстницы, а для того, чтобы попасть на землю, приходится, должно быть, переворачивать затѣйливый экипажъ вверхъ колесами и вытряхивать пассажировъ.

— Ямщикъ!—говоритъ Софья Ивановна,—какъ ты тѣ горы называлъ, что около Владикавказа?

— Данаурскія, а потомъ Дарьяльскія, а это вонъ Крестовый перевалъ.

— Гм!.. А которыя считаются самыя красивыя?

Ямщикъ на минуту задумывается.

— Нѣтъ, тутъ лучше. Тамъ и лошадей попоить негдѣ.

— Да онъ ровно ничего не понимаетъ! —удивляется, обращаясь ко мнѣ, Софья Ивановна.

— Вы ужъ слишкомъ къ нему требовательны, — заступаюсь я. — Вы хотите, чтобы онъ былъ и географомъ, и историкомъ, и эстетомъ, и даже свѣтскимъ causeur'омъ.

За Крестовымъ переваломъ мы снова

спускаемся. Вся придорожная сторона горы испещрена увѣковѣченными на ней фамиліями туристовъ. Многія надписи сдѣланы положительно съ опасностью для жизни. Вонъ надъ самой пропастью выведено аршинными буквами «Папо», затѣмъ два добросовѣстно выписанныхъ переносныхъ знака и внизу «фъ». Затѣмъ мелькаютъ разныя «Манечки», «Шурочки», «Пети», реклама велосипедной фирмы и вдругъ умилившій мою душу корявый, съ лихими выкрутасами «Пыфнутьевъ съ симействомъ».

Милый, милый Пыфнутьевъ! Ты хорошій семьянинъ и вѣрно добрый человѣкъ. Какъ жаль, что твое сердце тоже грызетъ маленькая мышка честолюбія. И въ угоду ей пришлось тебѣ лѣзть на скалу, и пока «симейство» твое пищало въ коляскѣ отъ восторга и страха, размалевывать мѣломъ выкрутасы ради безсмертія имени своего...

А теперь, гдѣ-нибудь въ далекомъ Кологривѣ, распивая чаи съ съ мармеладами, вспоминаешь о Военно-Грузинской дорогѣ и пугаешь величіемъ подвига своего какого-нибудь довѣрчиваго бакалейщика.

«Да, мила голова, не легко было писать-то. Скалы-то треща-атъ... Облака-то вокругъ головы фрр... фрр... прямо въ уши лѣзутъ... Какъ живъ остался — не знаю!..»

*

Въ Млетахъ мы ѣдимъ «что-нибудь шашлыкъ» и выходимъ погулять, пока отдыхаютъ лошади. Млеты — селеніе большое, на самомъ берегу Арагвы. Къ водѣ впрочемъ, подойти очень трудно; нужно пройти большое пространство, заваленное острыми камнями, крупными и мелкими, которые вертятся подъ ногами, ломаютъ каблуки и заставляютъ приплясывать отъ боли, врѣзываясь въ башмаки.

Черномазые, грязные ребятишки, сидятъ между каменьями и пекутъ свои круглыя головенки, какъ картошки, на солнцѣ. Я пробую завести сношенія съ туземцами и подхожу къ тоненькой дѣвочкѣ съ кудрями, напоминающими шерсть коричневой козы.

— Скажи, милая, какъ лучше пройти къ рѣкѣ?

Дѣвочка молчитъ.

— Къ Арагвѣ... къ Арагвѣ—понимаешь?—дѣлаю я выразительные жесты. Дѣвочка все молчитъ и смотритъ на меня съ тихимъ ужасомъ, какъ святой Севастьянъ на своихъ палачей...

Тогда я стараюсь припомнить грузинскія слова, но такъ какъ ни одного никогда не слышала, то старанія мои ни къ чему не ведутъ. Вспомнила только двѣ грузинскія фамиліи.

— Дѣвочка, дѣвочка, Бибилошвили, Амарели, Арагва?

Слова подѣйствовали. Дѣвочка вскрикнула «Кахейтисъ» и, подобравъ рубашонку, стремительно пустилась бѣжать.

«Не бѣда,—думала я,—Все-таки теперь однимъ словомъ больше знаю».

— Эй, мальчикъ! Бабилошвили, Амарели, Кахейтисъ, Арагва.

Я старалась говорить такъ, чтобы мои слова звучали, какъ будто я спрашиваю: «какъ ближе пройти къ Арагвѣ».

Но мальчишка не понялъ меня и убѣжалъ прочь, а другой, поменьше, закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

— Mais finissez!—урезонивала меня Софья Ивановна. — Можетъ быть скверная дѣвчонка просто выбранилась, убѣгая, а вы повторяете это слово и наживаете себѣ враговъ среди туземцевъ.

Когда мы вернулись на станцію, тамъ уже сидѣли новые туристы. Папаша и мамаша мирно кушали цыпленка, а дочка занималась легкимъ горнымъ флиртомъ съ молодымъ человѣкомъ въ узкой и высокой мерлушковой шапкѣ.

— Я персъ, персіянъ,—говорилъ флиртеръ ломанымъ языкомъ.—Мы народъ не такой, какъ вы народъ. У насъ справа налѣво пишутъ.

— Скажите!—любезно удивлялась ба-

рышня.—А читаютъ какъ? Тоже справа или наоборотъ?..

*

Выѣзжаемъ мы изъ Млетъ уже подъ вечеръ. На вопросъ, гдѣ будемъ ночевать, ямщикъ говоритъ какое-то слово, среднее между «пенюаръ» и «будуаръ». Мы переспросили два раза и, ничего не понявъ успокоились.

Ночь надвигалась холодная, туманная. Луны еще не было видно, но далекія вершины горъ, чистыя, обнаженныя, уже купались въ ея голубомъ сіяніи. При взглядѣ на нихъ дѣлалось какъ-то еще холоднѣе. Мы закутались въ пледы, попросили ямщика поднять верхъ и закрывъ глаза, мечтали вслухъ о теплой комнатѣ и чашкѣ горячаго чаю.

По пріѣздѣ на станцію насъ постигло разочарованіе. Отдѣльныхъ комнатъ не было, общія были заняты пассажирами, прибывшими раньше насъ. Къ нашимъ услугамъ былъ только узенькій кожанный диванъ, набитый, судя по эластичности, камнями Арагвы, причемъ вѣроятно тщательно выбирались наиболѣе острые. Къ стѣнѣ — скатъ, посрединѣ — проваль, изъ нѣдръ котораго прямо на зрителя вылѣзаетъ большой гвоздь остріемъ вверхъ.

Таково было ложе, уготованное для

насъ, ложе, которому позавидовалъ бы самъ Прокрустъ.

— Нѣтъ, воля ваша, а я прямо скажу ямщику, что въ его «будуарѣ» ночеватъ не желаю. Доѣдемъ до Казбека, здѣсь не далеко—рѣшила моя спутница.

Но переговоры съ ямщикомъ не привели ни къ чему. Лошади устали и дальше ѣхать нельзя.

Мы снова вернулись въ общую дамскую и долго ходили приплясывая, чтобы отогрѣть ноги. Софья Ивановна, размахивая зонтикомъ, какъ индѣецъ тамагаукомъ, исполнила даже съ неожиданной граціей какой-то замысловатый танецъ. Затѣмъ мы усѣлись рядомъ на Прокрустово ложе и стали съ завистью смотрѣть въ сторону широкой кровати, откуда изъ-подъ груды одѣялъ свѣшивалась чудовищныхъ размѣровъ нога. Мнѣ даже показалось, что нога эта отрублена и похищена съ конной статуи Петра Великаго. Къ довершенію сходства на ней была бронзовая туфля...

Въ дверь тихо постучали.

Я вышла въ корридоръ и увидѣла мужика съ всклокоченной бородой. Онъ прятался за дверь и неистово ворочалъ глазами.

— Что тебѣ, голубчикъ?..

Сдавленный хриплый шопотъ, шопотъ

шекспировскаго заговорщика-убійцы отвѣчалъ мнѣ.

— Ямщикъ вашъ сказывалъ... ѣхать хотите. Я довезу... Единымъ духомъ и комаръ носа не подточитъ.

— Да ты кто-же такой, — тревожно недоумѣваю я.

Онъ наклоняется ко мнѣ такъ близко, что носъ его, напоминающій прошлогоднюю уже начавшую проростать картофелину, приходится подъ полями моей шляпки:

— Ямщикъ я... Только молчокъ! Чтобъ безъ ябеды... Четверка коней. Вещи потихонько вынесу и комаръ носа не подточитъ.

Я вернулась въ комнату, и мы нѣсколько минутъ совѣщались съ Софьей Ивановной.

— Ужъ очень онъ какой-то... странный,—безпокоилась я.

— Ахъ—пустяки! Человѣкъ какъ человѣкъ. Просто немножко нервный.

*

Софьѣ Ивановнѣ очень хотѣлось ѣхать, и мы рѣшили ввѣрить свою судьбу нервному ямщику.

Онъ забралъ наши вещи и повелъ насъ какими-то окольными путями. Велъ долго черезъ какіе-то заборы и канавы и

все время нервничалъ. Поминутно оборачивался на насъ, останавливался, прислушивался, строго цыкнулъ на мою спутницу, когда та, взглянувъ на Терекъ, воскликнула «феерично!», и молча погрозилъ мнѣ пальцемъ, когда я споткнулась.

Наконецъ, мы вышли на дорогу, гдѣ дѣйствительно ожидала насъ коляска, запряженная четверкой.

— Единымъ духомъ!—хрипѣлъ ямщикъ, влѣзая на козлы.—Завтра утромъ вашъ-то пріѣдетъ за вами...

Мы тронулись. Лошади бѣжали лѣниво, медленно. Холодъ былъ сырой и пронизывающій. Временами я слышала, какъ моя сосѣдка стучитъ зубами, словно собака, которая зѣвнула. Я закуталась, насколько могла лучше и пробовала заснуть, но ямщикъ не давалъ покоя. Ежеминутно просовывалась его голова подъ верхъ нашей коляски. Я видѣла круглые сверкающіе бѣлки, слышала прерывистое дыханіе и сдавленный шопотъ.

— На отчаянность иду! Ежели кто теперь, да съ этакимъ дѣломъ...

— Господи!—вся дрожитъ Софья Ивановна.—Да вѣдь онъ и правда сумасшедшій. Что онъ говоритъ—ничего не понимаю!

— Да какже онъ тогда можетъ быть ямщикомъ? Его бы не держали на мѣстѣ, если бы онъ былъ сумасшедшій.

— А кто вамъ поручится, что онъ ямщикъ?—чуть не плачетъ она. Купилъ себѣ лошадей и коляску; вѣдь между ними тоже богатые бываютъ, между сумасшедшими-то... Купилъ и возитъ по полямъ людей... Маніи разныя бываютъ...

— Такъ какъ же намъ быть?

— По-моему, выпрыгнемъ потихоньку и спрячемся въ горахъ... Можетъ быть, кто-нибудь подберетъ насъ утромъ... Все лучше, чѣмъ быть подъ властью сумасшедшаго!..

— Тпррру!

— Ай, что такое?! Зачѣмъ онъ остановилъ лошадей?

Мы дѣйствительно стоимъ на мѣстѣ.

Передъ самымъ лицомъ моимъ ворочаются страшные бѣлки.

— Вылѣзайте скорѣе! Тутотка за откосомъ постоите... О Господи!

— Голубчикъ!—вопитъ Софья Ивановна. Боже мой! У него острый припадокъ!.. Голубчикъ, не убивай насъ... Мы... мы тоже сумасшедшія... Я понимаю, что тебѣ нездоровится... Ахъ! mourir si jeune!.. Ты поправишься... спеціалисты... доктора — психопаты...

— Скорѣй выходите! Охъ, отчаянность моя!—убѣждаетъ насъ трагическій хрипъ. За поворотомъ хозяйскія лошади видны...

Погуляйте по дорожкѣ-то, а я быдто порожнемъ... быдто порожнемъ...

Дѣлать ничего не оставалось. Мы вылѣзли и спрятались за камень. Черезъ нѣсколько минутъ мимо проѣхалъ экипажъ. Затѣмъ нашъ ямщикъ розыскалъ насъ и пригласилъ ѣхать дальше.

— Все равно, здѣсь-ли убьешь, въ коляскѣ-ли... пролепетала Софья Ивановна, и мы покорно послѣдовали за нашимъ палачемъ.

Отчаяніе придаетъ храбрости:

— Голубчикъ,—рискнула я,—чего ты все такъ пугаешься! Ты больной?

— Нѣ-ѣтъ... Штрафу боюсь, барыня. Потому я обратный ямщикъ... У насъ обратный законъ порожнемъ ѣхать...

— Ахъ, подлый! — радостно возмущается Софья Ивановна.—Да какъ же ты смѣешь, не предупредивъ,—дѣлать насъ соучастницами твоихъ проказъ? А?

— Единымъ духомъ! — оправдывается ямщикъ, и мы ѣдемъ немного успокоенныя...

*

Подъ моей головой локоть Софьи Ивановны. Это ничего. Немножко больно, но я утѣшаюсь мыслью, что ея локтю отъ моей головы еще больнѣе.

Такъ сладко дремлется.

Снится, что мы уже пріѣхали и ложимся спать въ чистыя мягкія постели, гдѣ такъ тепло и спокойно и главное— совсѣмъ не трясетъ.

Тутъ вдругъ я начинаю чувствовать, что и правда совершенно не трясетъ.

— Qu'est ce que c'est?—пищитъ голосъ Софьи Ивановны. Вѣдь мы опять стоимъ?

Я очнулась. Мы дѣйствительно стояли среди дороги. Вдали мелькалъ огонекъ— вѣрно станція близко. Ямщикъ вертѣлся около лошадей и поправлялъ какіе-то ремешки.

— Что у тебя тамъ оборвалось?—спрашиваю я.—Ужъ вези скорѣе и такъ три часа шестнадцать верстъ ѣдемъ!

Ямщикъ подошелъ и сострадательно покачалъ головой:

— Нѣтъ ужъ, барыня, дальше мнѣ васъ везти не сподручно. Вишь на станціи огонь... Стало не спятъ, стало увидятъ, стало меня по шапкѣ...

— Такъ не ночевать же намъ здѣсь!

— Нѣтъ—зачѣмъ ночевать! кто-жъ говоритъ, что ночевать. Это не хорошо на дорогѣ ночевать. Вы себѣ пойдите на станцію, тутъ и полверсты не будетъ я потомъ потихоньку подъѣду, порожнемъ значитъ.

— Какъ — порожнемъ? — возмущаюсь я,—а вещи-то?

— А вещи ужъ вамъ съ собою прихватить надо, потому мнѣ съ вещами нельзя. Потому у насъ обратный законъ порожнемъ ѣхать.

— Да гдѣ же намъ дотащить столько вещей! Ты съума сошелъ!

Мы чуть не плачемъ. Ямщикъ съ самымъ добродушнымъ видомъ выгружаетъ вещи на шоссе.

— Э, плевое дѣло! Развѣ это тяжелыя вещи! Два чемоданишка, да корзинишка, да два одѣялишка, да двѣ подушенки, да энтотъ свертышекъ, да картоночка... Вотъ вчерась обратнымъ закономъ господина везъ, такъ тотъ два сундука большущихъ цѣлую версту по шаше волокъ. Веревочкой за ушко зацѣпилъ...

— Что-же ты намъ раньше не сказалъ! Развѣ бы мы на такую муку пошли,—стонала Софья Ивановна, подбирая подушки и навьючивая на себя одѣяло.

— Да кто-жъ ихъ зналъ, что они такъ поздно огни не загасятъ. Никогда не бывало... Всегда свезу и комаръ носа не подточитъ...

Увы это былъ вѣроятно единственный въ мірѣ случай, когда комаръ подточилъ свой носъ! До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, никому не случилась видѣть чтобъ онъ его подтачивалъ. Никогда! А тутъ вотъ взялъ да и подточилъ!

Мы долго навьючивали на себя тяжести, отъ которыхъ съ негодованіемъ отказался бы самый завалящій верблюдъ, и тронулись въ путь.

У меня на головѣ была подушка, на плечахъ одѣяло, въ правой рукѣ чемоданъ, подъ мышкой зонтикъ, въ зубахъ картонка, въ лѣвой рукѣ свертокъ, изъ котораго все время что-то сыпалось. Но этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ я не огорчалась ни мало; я дѣлала видъ, что ничего не замѣчаю и втайнѣ злородствовала: свертокъ принадлежалъ Софьѣ Ивановнѣ и былъ безчестно подсунутъ ею мнѣ сверхъ комплекта.

Спутница моя навьюченная и задыхавшаяся, едва брела за мною.

— J'etouffe! Милочка что это, какъ будто моя зубная щеточка лежитъ на дорогѣ?—тревожно говоритъ она.

— Пустяки, какая тамъ щеточка! — Просто камень. Здѣсь попадаются камни очень странной формы.

— Ахъ, милочка, j'etouffe!.. А вотъ какъ будто моя мыльница!.. И даже блеститъ...

— Ахъ да полно! — Говорятъ вамъ, что здѣсь странные камни...—и я зловѣще потрясаю ея значительно облегченнымъ сверткомъ...

— Гдѣ-же ваши лошади?—подозритель-

но осматриваетъ насъ на станціи отворившій двери сторожъ.

— J'etouffe! — отвѣчаетъ Софья Ивановна и горько плачетъ.

Я молча махнула рукой.

V.

Мы уже далеко отъѣхали отъ станціи но въ окно вагона еще видны были розовато-перламутровыя вершины горъ.

Софья Ивановна разстелила на колѣняхъ бумажку, чтобъ не запачкать платья и всхлипывая отъ удовольствія, поѣдала купленныя во Владикавказѣ персики.

Чтобы подчеркнуть животную низменность ея поведенія я встала въ позу и начала привѣтствовать горы размахивая въ окошко носовымъ платкомъ.

— Милыя горы!—восклицала я, косясь на Софью Ивановну. Прощайте! Я люблю васъ и вернусь къ вамъ но уже одна! Люблю васъ за то, что вы не позволяете человѣку залѣзать слишкомъ высоко съ его больницами и ресторанами, что всегда есть у васъ наготовѣ хорошій увѣсистый камушекъ, которымъ вы можете угостить по темячку слишкомъ далеко забравшагося нахала. Милыя горы! Будьте всегда такими и главное, прошу васъ, никогда не ходите на зовъ Магометовъ, потому что...

Но мнѣ такъ и не удалось сказать

моей главной философской мысли изъ за которой я собственно говоря и въ позу то встала! Пришелъ кондукторъ и потребовалъ наши билеты.

Моего билета не оказалось ни въ портмоне, ни подъ скамейкой.

Я до сихъ поръ вполнѣ увѣрена, что Софья Ивановна съѣла его вмѣстѣ съ персиками, а она кричала, что я сама его выкинула, «когда вытряхала платокъ въ окошко».

«Вытряхала платокъ»!

Какъ глупо путешествовать съ людьми, которыя васъ не понимаютъ и не цѣнятъ!

Въ послѣднихъ числахъ Ноября выйдетъ въ свѣтъ новый еженедѣльный жур.

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„СИНІЙ ЖУРНАЛЪ“

посвященный

ВСѢМЪ ВОПРОСАМЪ ЖИЗНИ И ЗЛОБАМЪ ДНЯ ВЪ ОБЛАСТИ ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, ТЕАТРА, ИСКУССТВА, СПОРТА и пр.

*** Разнообразныя иллюстраціи всѣхъ злобъ дня и событій русской и иностранной жизни...**

*** Всѣ спеціальности—отъ спорта и авіатики—до беллетристики и критики включительно...**

*** Исповѣди, біографіи, оригинальныя интервью-анкеты и т. п.**

*** Жизнь міра за недѣлю въ обзорахъ и легкихъ очеркахъ собственныхъ корреспондентовъ, въ снимкахъ и рисункамъ нашихъ фотографовъ и художниковъ...**

*** Отдѣлы: Авторецензіи, Стружки, Всемірный юморъ, Забытая страничка, Позорный столбъ, Человѣческіе документы, Репортажъ остроумія и пр...**

Новый еженедѣльный иллюстрированный „Синій Журналъ“ входитъ въ жизнь безъ малѣйшей спеціальности.

«Спеціалистъ подобенъ флюсу: онъ односторонен!»—училъ еще Кузьма Прутковъ. Какъ во дни она у нигилистовъ былъ только одинъ принципъ—отсутствіе принциповъ, такъ и наша спеціальность это отсутствіе всякой спеціальности.

Въ краткой, живой и общепонятной формѣ дать на столбцахъ журнала рѣшительно, все, что есть во вселенной и еще кое-что—и мы будемъ удовлетворены.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ въ Спб., и провинціи—5 коп. на ст. ж. д. 7 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ.

на 1 годъ	2 р. 50 к.	на 3 мѣс.	65 коп.
„ 1/2 „	1 р. 25 к.	„ 1 „	25 „

Подписка принимается въ Конторѣ журнала. Спб,. Фонтанка, 80 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, и провинціи

Адресъ Конторы и редакціи: Спб., Фонтанка, 80. Тел. 524-62.

Издатель *М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Золотая мед.

Золотая мед.

АПТЕКАРСКОЕ и

ЗАСЛУЖИВАЮТЪ ОСОБЕН. ВНИМАНІЯ ПРОИЗВОДСТВА

ПРОВИЗОРА М. Л. ТВЕРСКОГО,

удостоенныя за качество высшей награды.

СПЕЦІАЛЬНЫЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВИЗОРА ТВЕРСКОГО

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ ВРАЧЕБНАГО УПРАВЛЕНІЯ:

КРЕМЪ «БЕНЗОЕ», самое лучшее средство для кожи, лица и рукъ.

ХИННО-РОМАШКОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ и помада по способу Пастора Кнейпа для укрѣпленія и рощенія волосъ.

«САПОЛИНЪ», растительное мыло въ порошкѣ, превосходное средство для улучшенія и бѣлизны кожи, лица и рукъ, уничтожаетъ угри, прыщи и пр. недостатки кожи.

«ОЗОНАТОРЪ», превосходно очищаетъ, дезинфецируетъ и освѣжаетъ воздухъ, распространяетъ пріятный ароматъ хвойныхъ лѣсовъ. Дѣйствуетъ автоматически.

«ВУЛЬНЕРИТЪ», лучшее средство для лѣченія наружн. болѣзней у домашн. животныхъ.

ВСѢ ЭТИ ПРЕДМЕТЫ РАЗРѢШЕНЫ МЕДИЦ. УПРАВЛЕНІЕМЪ.

Главный складъ у провизора М. Тверского. Телеф. 259-66.

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр. 28. Аптекарское Депо. **Высылаетъ наложеннымъ платежомъ.**

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА „САТИРИКОНА"

В. В. ДЖАКОБСЪ.

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦЪ.
ГОРЕ-МЕХАНИКЪ.
НЕУДАВШІЙСЯ АРЕСТЪ.
ЖЕНИЛСЯ.

ИЗДАНІЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1911.

ТИПОГРАФІЯ ЖУРНАЛА САТИРИКОНЪ
М. Г. КОРНФЕЛЬДА. СПБ., БАССЕЙНАЯ, 3.

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦЪ.

Уже цѣлую недѣлю разговоры м-ра Хатчарда съ супругой сводились къ одному ворчанію и брюзжанію. Этотъ планъ дѣйствій былъ имъ специально выработанъ для излеченія своей жены отъ расточительности. До сихъ поръ результатъ объявлялся черезъ очень короткое время, но на этотъ разъ было совершенно ясно, что чувствительность жены притупилась, и требовалась перемѣна тактики. М-ръ Хатчардъ особенно остро это почувствовалъ при видѣ двухъ огромныхъ розовыхъ вазъ, которыхъ не было, когда онъ уходилъ утромъ въ свою контору. Онъ разсматривалъ ихъ, тяжело дыша.

— Красивыя, не правда-ли? — сказала жена, любуясь вазами.

— Отъ кого вы ихъ получили?—грозно спросилъ м-ръ Хатчардъ.

Жена покачала головой.

— Да, дѣйствительно, подаритъ вамъ кто-нибудь т а к і я вазы!—сказала она, не

спѣша, — я, по крайней мѣрѣ, этого не думаю.

— Не хотите-ли вы сказать, что вы ихъ купили?—спросилъ супругъ.

М-съ Хатчардъ утвердительно кивнула.

— Послѣ всего, что я вамъ говорилъ о мотовствѣ моихъ денегъ?—настаивалъ изумленнымъ тономъ м-ръ Хатчардъ.

М-съ Хатчардъ кивнула еще энергичнѣе.

— Долженъ же быть этому конецъ!—воскликнулъ пришедшій въ отчаяніе супругъ.—Когда онъ, наконецъ, будетъ? Слышите ли-вы!?Конецъ?!

— Я купила ихъ на свои деньги,—упорно стояла на своемъ жена.

— Ва-а-ши деньги?.. — сказалъ м-ръ Хатчардъ.—Ваши деньги должны, какъ и мои, идти на необходимыя вещи! Почему я долженъ тратить свои деньги на ваше содержаніе, а вы ваши—на розовыя вазы и угощеніе друзей?!

Хорошенькое, безмятежное личико м-съ Хатчардъ омрачилось.

— Содержать меня!—взвизгнула она.—Вы прежде, чѣмъ говорить, подумали бы, Альфредъ,—не пришлось-бы потомъ раскаиваться.

— Я убѣждалъ васъ, — продолжалъ м-ръ Хатчардъ,—доказывалъ вамъ, разъяснялъ, вычислялъ... и все не помогло!

— О, успокойтесь, остановите потокъ вашего краснорѣчія—воскликнула жена.

— Нѣтъ,—задыхаясь произнесъ м-ръ Хатчардъ,—слова не помогаютъ — нужны дѣйствія!

Стремительно вскочивъ со своего кресла, онъ схватилъ одну изъ вазъ и разбилъ ее на мелкіе куски о каминную рѣшетку. Примѣръ былъ до такой степени заразителенъ, что черезъ 2 секунды онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, оглушенный и засыпанный осколками второй вазы, разбитой объ его собственную голову.

— Я-бы повторила!..—задыхаясь, сказала пылкая дама,—но нѣтъ больше вазъ!

М-ръ Хатчардъ открылъ ротъ, но оказалось, что даръ слова временно оставилъ его. Онъ всталъ, молча покинулъ комнату, пошелъ въ ванную и, подставивъ голову подъ струю воды, залилъ себѣ всю рубашку.

Онъ долго не возвращался; такъ долго, что полураскаявшаяся м-съ Хатчардъ уже подумывала объ оказаніи раненому первой помощи.

Наконецъ она услыхала его тихіе шаги по корридору. Онъ вошелъ въ комнату, вытирая мокрые волосы платкомъ.

— Я... я надѣюсь, что не очень васъ ушибла?—спросила жена.

М-ръ Хатчардъ выпрямился и посмотрѣлъ на нее съ явнымъ негодованіемъ.

— Вы могли убить меня...—дрожащимъ голосомъ выговорилъ онъ, наконецъ,—что бы вы тогда стали дѣлать?

— Собрала-бы осколки и сказала, что вы пришли домой уже умирающимъ и скончались на моихъ рукахъ,—развязно заявила м-съ Хатчардъ,—я не хочу быть жестокой, но вы и ангела выведете изъ терпѣнія; я себѣ удивляюсь, какъ я все это переносила, какъ могла выйти за такого скрягу.

— Зачѣмъ я женился—я не знаю, —отвѣтилъ супругъ прочувствованнымъ голосомъ.

— Мы оба были безумцами,—рѣшила м-съ Хатчардъ,—какъ бы то ни было, теперь не поможешь!

— Другой мужъ покинулъ-бы васъ...—сказалъ м-ръ Хатчардъ.

— Хорошо! Уходите!—подняла носикъ м-съ Хатчардъ,—вы мнѣ надоѣли!

— Не говорите глупостей,—сказалъ м-ръ Хатчардъ.

— Это—не глупости!—взвизгнула м-съ Хатчардъ,—если вы хотите уходить,—уходите! Я васъ не держу!!

— Если-бъ только я могъ!—задумчиво произнесъ м-ръ Хатчардъ.

— Вотъ дверь! — язвительно сказала м-съ Хатчардъ,—что васъ удерживаетъ?

— А вы пойдете къ судьѣ?—замѣтилъ м-ръ Хатчардъ.

— Нѣтъ!—былъ отвѣтъ.

— Или съ жалобой въ мою контору?

— Нѣтъ!—былъ второй отвѣтъ.

— Все-таки, это заставляетъ меня призадуматься, — сказалъ м-ръ Хатчардъ.— 4 года тому назадъ я не имѣлъ никакой обузы...

— Я также!—сказала м-съ Хатчардъ,— но, кромѣ того, я никогда не предполагала выйти за васъ. Я припоминаю, первое время я не могла видѣть васъ, не закрывъ рта платкомъ!

— Для чего?—освѣдомился м-ръ Хатчардъ.

— Да, отъ смѣха!

— Да, тогда вы меня избавляли отъ вашихъ насмѣшекъ, — свирѣпо сказалъ м-ръ Хатчардъ.

— Вы можете идти, я уже вамъ сказала!

— Я сейчасъ уйду,—сказалъ м-ръ Хатчардъ но я предвижу, что изъ этого выйдетъ,—черезъ 3 или 4 дня вы будете умолять меня вернуться.

— Вы жестоко ошибаетесь,—язвительно разсмѣялась м-съ Хатчардъ.—Я сама въ состояніи содержать себя; обстановку вы

мнѣ оставите, она почти вся моя,—и я не буду больше терзать васъ своимъ видомъ.

— Да будетъ такъ!—воскликнулъ м-ръ Хатчардъ, поднявъ для большей торжественности правую руку.—Я уйду и больше никогда не вернусь!

— Я приму это къ свѣдѣнію,—равнодушно заявила жена.—Вы скорѣе вернетесь, чѣмъ я!

М-ръ Хатчардъ, простоявъ нѣсколько минутъ въ мрачномъ раздуміи,—разразился по адресу жены короткимъ презрительнымъ смѣхомъ. Потомъ вышелъ, надѣлъ пальто и шляпу и остановился въ передней, разглядывая свою супругу.

— Я бы хотѣлъ поймать васъ на словѣ!—сказалъ онъ, наконецъ.

— Покойной ночи! — отвѣтила м-съ Хатчардъ.—Вы получите ваши вещи, если пришлете мнѣ свой адресъ!

Сознавая всю серьезность положенія, м-ръ Хатчардъ съ трескомъ захлопнулъ за собой дверь и, выйдя на улицу, замѣтилъ, что идетъ дождь. Но считая оскорбительнымъ для своего достоинства вернуться за зонтикомъ, онъ поднялъ воротникъ и, засунувъ руки въ карманы, направился по пустынной улицѣ. Пройдя 12 шаговъ, онъ подумалъ, что поторопился, а пройдя 50, совершенно былъ увѣренъ, что смѣло могъ обождать до утра. Онъ провелъ ночь въ

кофейнѣ и утромъ поднялся такъ рано, что хозяинъ счелъ это за оскорбленіе. Слѣдующій день былъ самымъ длиннымъ въ его жизни. Оставивъ за собой скромную меблированную комнату, онъ, въ концѣ концовъ, проспалъ и въ первый разъ за 10 лѣтъ опоздалъ въ свою контору. Его вещи были присланы на слѣдующій день, но отъ жены не было ни строчки. Письмо, которое онъ ей отправилъ, освѣдомляясь о недостающей парѣ платья, осталось безъ отвѣта. Онъ снова написалъ, настаивая на объясненіи, и получилъ короткій отвѣтъ, разъясняющій, что стоимость платья пошла на покупку новыхъ розовыхъ вазъ; осколки разбитыхъ, онъ можетъ получить, уплативъ за перевозку.

Въ продолженіе 6 недѣль м-ръ Хатчардъ 2 раза мѣнялъ квартиру. Семейная жизнь пріучила его къ нѣкоторому комфорту и удобствамъ, безъ которыхъ, какъ онъ все болѣе и болѣе убѣждался, трудно было обойтись.

Онъ уже третій разъ мѣнялъ комнату и былъ страшно удивленъ продолжавшимся молчаніемъ жены. Встрѣтивъ ея кузена, нѣкаго Джое Петта, онъ излилъ этому джентльмэну всѣ свои горести.

— Если бы она попросила взять ее обратно,—заключилъ онъ свой разсказъ,— я, почти навѣрное, исполнилъ бы ея просьбу...

— Это большой плюсъ для васъ!—рѣшилъ м-ръ Петтъ.—Хорошо! Я разслѣдую дѣло и сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ.

— О, я увѣренъ, она будетъ страшно обязана тому, кто передастъ ей мои слова,—сказалъ м-ръ Хатчардъ, самодовольно похлопывая собесѣдника по плечу.

М-ръ Петтъ нашелъ все это весьма возможнымъ.

— Но все это должно быть проведено весьма тонко,—сказалъ м-ръ Хатчардъ,—а то ей еще придетъ въ голову, что я хочу вернуться къ ней.

— Да, вы знаете, что она переѣхала?—перебилъ м-ръ Петтъ съ видомъ человѣка, которому не терпится перемѣнить разговоръ.

— Эге!—издалъ м-ръ Хатчардъ неопредѣленный звукъ.

— Улица Джонса, № 37—сказалъ м-ръ Петтъ.—Она разсказывала моей женѣ, что собирается держать меблированныя комнаты и будетъ жить подъ своей дѣвичьей фамиліей.

Онъ распрощался прежде, чѣмъ м-ръ Хатчардъ успѣлъ все, какъ слѣдуетъ, сообразить и взвѣсить. Не теряясь, онъ рѣшилъ провѣрить разсказанное прогулкой къ своей прежней квартирѣ.

Пучки соломы и клочки бумаги наполняли садъ, а на окнахъ были наклеены

билеты. Взбѣшенный такой независимостью, супругъ вернулся къ себѣ въ мрачной задумчивости. Въ субботу онъ отправился гулять на улицу Джонса. Искоса взглянувъ на окна №37, онъ перешелъ черезъ дорогу и остановился передъ вывѣской:

«Меблированныя комнаты для холостыхъ молодыхъ людей; для желающихъ—столъ».

Онъ прошелъ, посвистывая, дальше, но черезъ нѣсколько шаговъ вернулся. Пройдясь туда и обратно четыре раза и горько усмѣхнувшись, онъ рѣшился постучать. Услыхавъ, что за дверью кто-то ходитъ, онъ снова, но уже свирѣпо стукнулъ въ дверь; она поспѣшно отворилась, и изъ-за нея выглянуло удивленное лицо его жены.

— Что вамъ угодно?—рѣзко спросила она.

— Здравствуйте, madame! — вѣжливо снялъ шляпу м-ръ Хатчардъ.

— Что вамъ угодно?—повторила его жена.

— Я пришелъ,—сказалъ м-ръ Хатчардъ, откашливаясь,—я пришелъ по объявленію.

М-съ Хатчардъ прижалась къ двери.

— Ну?— прошептала она.

— Я-бы хотѣлъ посмотрѣть комнаты!—заявилъ супругъ.

— Но вы же не холостой молодой человѣкъ—протестовала жена.

— Я почти холостъ! — сказалъ м-ръ Хатчардъ.

— Но вы не молоды!—упорствовала м-съ Хатчардъ.

— Я на три года моложе васъ,—хладнокровно заявилъ м-ръ Хатчардъ.

Губы его жены дрогнули, а рука потянула къ себѣ дверь.

М-ръ Хатчардъ рѣшительно шагнулъ впередъ.

— Зачѣмъ-же вы вывѣсили объявленіе, разъ не принимаете жильцовъ? — спросилъ онъ.

— Я не беру перваго встрѣчнаго,—нахмурилась жена.

— Я заплачу за недѣлю впередъ,— сказалъ м-ръ Хатчардъ, кладя руку въ карманъ,—конечно, если вы боитесь снова постоянно имѣть меня передъ глазами, т.-е. боитесь расчувствоваться...

— Боюсь!..—вспылила м-съ Хатчардъ, —расчувствоваться... я... я?..

— Таковъ мой взглядъ на вещи,—продолжалъ ея супругъ, — конечно, это образъ мыслей мужчины. Женщины смотрятъ иначе... Онѣ не могутъ...

— Входите!—произнесла м-съ Хатчардъ отрывисто.

М-ръ Хатчардъ покорно пошелъ за ней по лѣстницѣ. На площадкѣ она открыла

дверь въ маленькую комнатку и посторонилась, чтобы онъ вошелъ.

— Отвратительный, спертый воздухъ,— сказалъ онъ наконецъ.

— Никто не удерживаетъ васъ!—оборвала его жена.—Желающихъ много!

— Да, но сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь остановился въ этой комнатѣ,—отвѣтилъ мужъ.

— Пожалуйста, не воображайте, что я васъ уговариваю остаться здѣсь,—сказала м-съ Хатчардъ, дѣлая движеніе вытолкнуть его.

— Она можетъ мнѣ подойти,—произнесъ, какъ бы раздумывая, м-ръ Хатчардъ, взглянувъ украдкой въ дверь гостиной. — Я рѣдко бываю дома, я человѣкъ, который старается разсѣиваться по вечерамъ.

М-съ Хатчардъ грозно взглянула на него, вертя въ рукахъ какой-то флаконъ.

— Я видѣлъ комнаты много хуже, —робко сказалъ м-ръ Хатчардъ.—Но многія были гораздо лучше. Сколько вы за нее хотите?

— 7 шиллинговъ въ недѣлю,—отвѣтила жена.—Съ завтракомъ, чаемъ и ужиномъ,—фунтъ въ недѣлю.

М-ръ Хатчардъ чуть-чуть не свистнулъ, но во-время удержался.

— Что-жъ, я попробую,—сказалъ онъ,

М-съ Хатчардъ колебалась.

— Вы, конечно, понимаете, что если вы здѣсь поселитесь, то какъ посторонній,— сказала она.

— Конечно!—сказалъ супругъ съ дѣланнымъ удивленіемъ. — Какъ же иначе вы бы хотѣли?

— Вы пришли сюда, какъ чужой,—продолжала жена,—и я смотрю на васъ, какъ на чужого!

— Непремѣнно! — рѣшилъ м-ръ Хатчардъ.—Такъ мнѣ будетъ гораздо удобнѣе. Но, конечно, если вы боитесь... какъ я уже говорилъ, невольно отдаться чувству...

— Ждите!—перебила жена съ пылающими щеками и сверкающими глазами.

— Я приду въ 9 часовъ вечера съ вещами,—сказалъ м-ръ Хатчардъ.—Всего хорошаго, madame!

— Я хочу впередъ за три недѣли!—остановила его жена.

— Три!—воскликнулъ онъ. — За три недѣли впередъ? Почему?

— Таковы мои условія,—сказала м-съ Хатчардъ.—Принимайте ихъ или отказывайтесь, какъ хотите. Для васъ, конечно, лучше было бы отказаться!

М-ръ Хатчардъ подумалъ, съ видимой неохотой вынулъ изъ одного кармана кошелекъ, изъ другого мелочь и отдалъ требуемую сумму.

— А если, здѣсь мнѣ не будетъ удобно?— спросилъ онъ, глядя, какъ жена поспѣшно прятала полученныя деньги.

— Вы будете сами виноваты!—былъ отвѣтъ.

М-ръ Хатчардъ вышелъ въ очень задумчивомъ настроеніи и казался смущеннымъ. Но вся его хандра исчезла, какъ только открылась дверь. Воздухъ былъ теплый, пріятный и наполненный благоуханіемъ жаренаго поросенка. Яркій огонь въ каминѣ и накрытый для ужина столъ уже ждали его прихода. Онъ опустился въ кресло и потеръ руки. Его взглядъ упалъ на маленькій звонокъ на столѣ, онъ схватилъ его, открылъ дверь и позвонилъ.

— Здѣсь, сэръ,—сказала, входя въ комнату, м-съ Хатчардъ.

— Ужинъ, пожалуйста!—сказалъ съ достоинствомъ новый жилецъ.

М-съ Хатчардъ удивленно посмотрѣла на него.

— Да, вотъ же онъ!—сказала она, показывая на столъ.—Не воображаете-ли вы, что я буду васъ откармливать?

Жилецъ посмотрѣлъ на маленькій, тонкій кусочекъ сыра, хлѣбъ и масло, и его голосъ упалъ.—Мнѣ показалось, что пахнетъ чѣмъ-то жаренымъ.

— О, это мой ужинъ! — улыбнулась м-съ Хатчардъ.

— Я... я очень голоденъ,—стараясь выдержать характеръ заявилъ м-ръ Хатчардъ.

— Да, сегодня холодная погода,—глубокомысленно замѣтила м-съ Хатчардъ.— На нѣкоторыхъ она дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ. Пожалуйста, позвоните, если что-нибудь понадобится!

Весело напѣвая, она оставила комнату, а м-ръ Хатчардъ, посидѣвъ еще немного, принялся за свой скудный ужинъ.

Онъ проснулся на другое утро страшно голоднымъ и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать завтрака. Послѣ долгаго ожиданія, пришла, наконецъ, м-съ Хатчардъ, вѣжливо освѣдомилась, какъ онъ спалъ, и принесла завтракъ. На столѣ появились свѣжій хлѣбъ и большой чайникъ, а изъ кухни доносился запахъ жареной ветчины. М-съ Хатчардъ снова вернулась, благосклонно улыбаясь, положила передъ нимъ яйцо и исчезла. Черезъ двѣ минуты раздался звонокъ.

— Можете убирать!—сказалъ жилецъ, когда м-съ Хатчардъ вошла въ комнату.

— Какъ? Вы не завтракаете?—воскликнула она, всплеснувъ руками.—Я много о васъ слыхала, холостой молодой человѣкъ, но никогда не предполагала...

— Чай холоденъ и черенъ, какъ чернила!—буркнулъ негодующій жилецъ.—А яйцо совсѣмъ несъѣдобно!

— Я боюсь, что вы слишкомъ требовательны—сказала м-съ Хатчардъ, качая головой.—Я дѣлаю все, что могу. Если вы недовольны, лучше переѣзжайте...

— Но посмотрите сюда, Эмилія...—началъ супругъ.

— Я вамъ—не Эмилія!—быстро заговорила м-съ Хотчардъ.—Вотъ новости! Жилецъ?! Вы знаете условія... Уѣзжайте лучше, если не можете ихъ исполнить!

— Я не уѣду раньше моихъ трехъ недѣль,—угрюмо заявилъ м-ръ Хатчардъ.—И вы будете меня терпѣть...

— Хорошо, но я не буду васъ какъ-нибудь особенно кормить за одинъ фунтъ въ недѣлю!—сказала м-съ Хатчардъ, направляясь къ двери.—Лучше уѣзжайте!

Прошла недѣля. Столъ, предназначенный для мистера Хатчарда его супругой, сталъ дѣйствовать на его здоровье. Жена, напротивъ, все время была въ наилучшемъ расположеніи и въ одинъ прекрасный день пришла за кресломъ, заявивъ, что оно нужно для новаго жильца.

— Онъ взялъ остальныя 2 комнаты,—сказала она, улыбаясь.—Теперь я довольна—все занято!

— Захочетъ ли онъ такой столъ, какъ

я имѣю!—спросилъ м-ръ Хатчардъ съ горькимъ сарказмомъ.

Жена заявила, что спроситъ, и на другой день пришла съ отвѣтомъ, что м-ръ Садлеръ, новый жилецъ, пожелалъ имѣть у нея столъ. Во время отсутствія м-ра Хатчарда изъ его комнаты исчезъ еще маленькій столикъ.

Новый жилецъ, человѣкъ средняго роста, съ очень подвижнымъ языкомъ, сразу понравился, и м-съ Хатчардъ изъ силъ выбивалась, чтобы угодить ему. М-ръ Хатчардъ, ужиная хлѣбомъ и сыромъ, не разъ чувствовалъ запахъ разнообразныхъ горячихъ блюдъ, подаваемыхъ м-ру Садлеру.

— Вы избалуете его, — сказалъ онъ м-съ Хатчардъ послѣ того, какъ новый жилецъ прожилъ уже недѣлю.—Попомните мои слова—вы раскаетесь.

— Это мое личное дѣло!—коротко отвѣтила жена.

— Я хотѣлъ вамъ только сказать, чтобы вы меня не безпокоили, если у васъ что случится,—сказалъ мужъ.

М-съ Хатчардъ насмѣшливо расхохоталась.

— Вы его не долюбливаете, вотъ въ чемъ дѣло,—замѣтила она.—Онъ вчера меня спрашивалъ, чѣмъ онъ васъ оскорбилъ?!

— О! Онъ смѣлъ! Смѣлъ! Онъ...—зарычалъ м-ръ Хатчардъ.—Пусть онъ заботится о себѣ и оставитъ другихъ въ покоѣ!

— Онъ думаетъ, что у васъ скверный характеръ, — продолжала жена. — Онъ предполагаетъ, что «это отъ несваренія, такъ какъ вы всегда ужинаете только сыромъ».

М-ръ Хатчардъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, закурилъ трубку и нѣкоторое время прислушивался къ разговору своей жены съ м-ромъ Садлеромъ. Потомъ съ рѣшительнымъ видомъ потушилъ трубку и отправился спокойно въ постель.

Черезъ полчаса онъ проснулся. Голоса его жены не было слышно, но густой басъ м-ра Садлера все еще гудѣлъ. Онъ сѣлъ на постель и сталъ прислушиваться. Вдругъ раздался испуганный крикъ, и затѣмъ кто-то упалъ. Въ слѣдующій моментъ дверь его комнаты широко отворилась, и какая-то дикая, спотыкающаяся въ темнотѣ фигура обрушилась на кровать и схватила его въ объятія.

— Помогите! — лепеталъ голосъ его жены.—О, Альфредъ! Альфредъ!

— Madame! — сказалъ, наконецъ, м-ръ Хатчардъ принужденнымъ тономъ, послѣ напрасныхъ усилій освободиться.

— Я такъ... такъ ис... испугалась!— простонала м-съ Хатчардъ.

— Это недостаточная причина, чтобы врываться въ комнаты своихъ жильцовъ и обнимать ихъ,—замѣтилъ строго м-ръ Хатчардъ.

— Не... не...глу... глупите—стонала м-съ Хатчардъ.—Онъ сидитъ въ моей комнатѣ въ бумажномъ колпакѣ, съ кочергой въ рукѣ и говоритъ... говоритъ, что онъ... онъ китайскій императоръ!

— Онъ? Кто?—спросилъ супругъ.

— М-ръ Сад... Садлеръ, — отвѣтила м-съ Хатчардъ, обнимая шею супруга.—Онъ поставилъ меня передъ собой на колѣни и заставилъ стукнуться лбомъ объ полъ!

Кровать затрещала изъ симпатіи къ супружескимъ чувствамъ м-ра Хатчарда.

— Хорошо, но при чемъ я тутъ?—оскорбленнымъ тономъ спросилъ онъ наконецъ.

— Онъ сошелъ съ ума! — сказала жена таинственнымъ шепотомъ.—Совсѣмъ сошелъ съ ума.—Онъ говоритъ, что я его любимая жена и заставлялъ гладить свой лобъ!

Кровать снова затрещала.

— Я не имѣю никакого права вмѣшиваться, — сказалъ м-ръ Хатчардъ, успокоивъ кровать.—Онъ—вашъ жилецъ!

— Вы—мой мужъ!—сказала м-съ Хатчардъ.

— Хо!—воскликнулъ м-ръ Хатчардъ.—Вы, наконецъ, вспомнили это, да?

— Да, Альфредъ!—сказала его жена.

— И вы раскаиваетесь въ вашемъ дурномъ поведенiи?—спросилъ м-ръ Хатчардъ.

М-съ Хатчардъ колебалась, но дошедшiй, изъ другихъ комнатъ, до ея слуха стукъ кочерги заставилъ ее согласиться.

— Д-д-д-а-а...—всхлипнула она.

— И вы желаете, чтобы я васъ взялъ обратно?—настаивалъ великодушный м-ръ Хатчардъ.

— Д-а-а-а... сказала жена.

М-ръ Хатчардъ всталъ, надѣлъ халатъ, зажегъ свѣчу и вышелъ. М-съ Хатчардъ съ бьющимся сердцемъ послѣдовала за нимъ.

— Что это все значитъ?—сказалъ онъ, сильнымъ ударомъ открывая дверь.

М-ръ Садлеръ, совершенно спокойный, въ бумажномъ колпакѣ и съ кочергой, вмѣсто скипетра, въ рукѣ, открылъ ротъ, чтобы отвѣтить, но его физiономiя, когда онъ разглядѣлъ внушительную фигуру м-ра Хатчарда и испуганное личико м-съ Хатчардъ за его спиной, внезапно покраснѣла, щеки надулись, а глаза забѣгали.

— К-к-к кш! К-кш!—сказалъ онъ порывисто.

— Говорите по англiйски, а не по китайски! — внушительно пробасилъ м-ръ Хатчардъ.

М-ръ Садлеръ швырнулъ кочергу, закрылъ ротъ рукой и, къ величайшему удивленію м-съ Хатчардъ, весело закачался.

— О-о-она-на-она... она — бормоталъ онъ.

— Что такое?!—угрожающе спросилъ м-ръ Хатчардъ.

— Она истязала меня, — прорычалъ м-ръ Садлеръ.—Вы бы видѣли это, Альфъ! Это не... не хорошо сваливать все на меня. Теперь, какъ мнѣ отсюда выбраться?!

Онъ закрылъ глаза платкомъ и въ изнеможеніи прислонился къ стѣнѣ. Когда онъ ихъ открылъ, все было тихо,—онъ былъ одинъ, и только издали слегка доносился шумъ голосовъ. Потомъ заскрипѣли половицы, и м-ръ Хатчардъ съ торжественнымъ лицомъ вошелъ въ комнату.

— Вонъ!—сказалъ онъ коротко.

— Почему?—удивился м-ръ Садлеръ.— Вѣдь теперь 11-й часъ!

— Я не могу вамъ помочь, если-бъ было даже двѣнадцать!—былъ отвѣтъ.— Вы не должны были разыгрывать изъ себя съумасшедшаго и вытворять чертъ знаетъ что, чтобы посмѣяться. Теперь, уйдете вы, или я долженъ буду васъ выставить?

Онъ положилъ руку на плечо протестующаго м-ра Садлера и сталъ толкать къ выходу, помогая одѣть пальто. М-ръ Садлеръ, покоряясь своей судьбѣ, одѣлъ

его, все время распространяясь на тему о неблагодарности.

— Я не могу вамъ ничѣмъ помочь! — сказалъ его другъ пониженнымъ голосомъ. — Я долженъ былъ поклясться, что никогда васъ раньше не видалъ!

— Вѣритъ она вамъ? — спросилъ сыгравшій свою странную роль м-ръ Садлеръ, дрожа передъ открытой дверью.

— Нѣтъ, притворяется только, что вѣритъ, — медленно отвѣтилъ м-ръ Хатчардъ.

ГОРЕ-МЕХАНИКЪ.

Маленькій бочкообразный пароходъ, или, вѣрнѣе, паровая баржа «Бульдогъ», пронесся мимо спящаго города Гравесэнда, въ тотъ моментъ, когда первые лучи восходящаго солнца показались на горизонтѣ. Въ этотъ же моментъ затаенная долгая вражда между экипажемъ судна и его механикомъ разразилась въ цѣлую бурю. Экипажъ состоялъ изъ капитана, боцмана и юнги, только что переведенныхъ съ парусной лодки «Чародѣйка» и впервые совершавшихъ рейсъ на пароходѣ. Это почтенное тріо положительно утверждало, что механикъ былъ постоянно и непробудно пьянъ. Каждый моментъ можно было опасаться, что онъ отойдетъ отъ машинъ или взорветъ всю команду на воздухъ.

— Ахъ вы, парусники!—кричалъ, механикъ, послѣ продолжительнаго обоюднаго обмѣна непріятностями.

— Не обращайте на него вниманія! —

сказалъ боцманъ.—Онъ хватилъ не мало брэнди и теперь совсѣмъ сошелъ съ ума!

— Если-бъ только я понималъ хоть что-нибудь въ этихъ проклятыхъ машинахъ,—ворчалъ капитанъ.—Я сію минуту вышвырнулъ бы его за бортъ!

— Но ни вы, ни я ничего въ нихъ не смыслимъ,—возразилъ боцманъ,—и потому ничего не остается, какъ покориться...

— Вы воображаете, что вы великолѣпный рулевой,—продолжалъ издѣваться механикъ;—небось, воображаете это,стоя у вашего колесика! Вы, вы одинъ приводите все въ движеніе?! Чѣмъ занимается юнга? Пошлите его, сію минуту, къ топкѣ!

— Иди внизъ!—яростно стискивая зубы, сказалъ капитанъ; юнга нехотя повиновался, но механикъ поощрилъ его жестокимъ подзатыльникомъ.

— Вы думаете,—продолжалъ онъ трагическимъ шепотомъ.—Вы думаете, что разъ у меня лицо черно отъ угля, такъ я— и не человѣкъ?

— Я ничего объ этомъ не думаю,—буркнулъ капитанъ,—вы занимаетесь своимъ дѣломъ, а я своимъ!

— Пожалуйста, безъ намековъ!—возразилъ механикъ—я ихъ тоже имѣю достаточно въ запасѣ!

Капитанъ пожалъ плечами и обмѣнялся съ боцманомъ взглядомъ.

— Дождется, что вылетитъ за бортъ,— пробормоталъ онъ.

— Котелъ износился!—заявилъ, послѣ минутнаго отсутствія, механикъ, снова непринужденно покачиваясь на палубѣ.— Онъ можетъ каждую минуту лопнуть.

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ снизу послышался страшный грохотъ.

— Это—юнга свалился! — сказалъ боцманъ.—Онъ, должно быть, страшно напуганъ.

— А я думалъ и въ самомъ дѣлѣ—котелъ! — съ облегченіемъ сказалъ капитанъ.—Такой грохотъ!

Изъ люка показалась голова полумертваго отъ страха юнги. Онъ сдѣлалъ большой крюкъ, обошелъ механика и направился къ носу.

— Очень хорошо!—заявилъ механикъ, слѣдуя за нимъ на носъ и оттаскивая его въ сторону.—Мое терпѣніе лопнуло...

— Не лучше-ли вамъ пойти къ машинамъ!—закричалъ капитанъ.

— Я—вашъ рабъ?—плаксиво спросилъ, обертываясь къ нему, механикъ.—Скажите же мнѣ! Рабъ я вашъ или нѣтъ?

— Идите-ка внизъ и займитесь своимъ дѣломъ, какъ честный человѣкъ,—былъ отвѣтъ.

Эти слова имѣли на механика дѣйствіе пушечнаго выстрѣла. Съ злобнымъ рычаніемъ онъ сбросилъ съ себя куртку и

швырнулъ на палубу фуражку; затѣмъ однимъ духомъ прикончилъ принесенный съ собой брэнди и вызывающе осмотрѣлся кругомъ.

— Я возьму ванну!—заявилъ онъ громогласно и, усѣвшись на палубѣ, началъ снимать съ себя сапоги.

— Пойдите лучше къ машинамъ,—посовѣтовалъ капитанъ.—Я пришлю вамъ съ юнгой чашку воды и мыло!

— Чашку! — презрительнымъ тономъ возразилъ механикъ, направляясь къ борту.—Я хочу настоящую ванну!

— Держи его!—не своимъ голосомъ заоралъ капитанъ.—Держи!

Не потерявшійся боцманъ бросился со всѣхъ ногъ исполнить приказаніе, но механикъ, безсмысленно улыбаясь, оперся руками о бортъ и бултыхнулся въ воду. Когда онъ вынырнулъ, пароходъ былъ впереди на 20 ярдовъ.

— Отправляйтесь за нимъ!—завопилъ боцманъ.

— Какъ я могу отправиться за бортъ, когда никого нѣтъ у машинъ,—закричалъ, повертывая судно, капитанъ.—Держите на готовѣ канатъ!

Боцманъ съ канатомъ въ рукахъ бросился къ борту, но его добрыя намѣренія были разрушены самимъ механикомъ, который, увидя передъ собой пароходъ, бы-

стро нырнулъ въ противоположную сторону. Пароходъ пролетѣлъ мимо.

— Повертывайте снова! — зарычалъ боцманъ.

Капитанъ послѣдовалъ его совѣту, и черезъ весьма короткое время пароходъ, описавъ полный кругъ, снова былъ передъ механикомъ.

— Слѣдите за канатомъ! — предостерегъ боцманъ.

— Не желаю я вашего каната! — объявилъ механикъ — я останусь за бортомъ!

— Идите на бортъ! — умоляюще закричалъ капитанъ, — мы не можемъ справиться съ машинами!

Пароходъ опять пронесся мимо.

— Повертывай снова! — сказалъ боцманъ, — я отправлюсь за нимъ на лодкѣ. Юнга, спускай лодку!

Лодка была спущена на воду, и боцманъ съ юнгой прыгнули въ нее въ тотъ моментъ, когда капитанъ былъ въ серединѣ новаго круга, возбуждая негодованіе цѣлой флотиліи большихъ и маленькихъ судовъ, которыя тщетно старались пройти.

— Эй, вы! — завопилъ хозяинъ буксира, тащившаго большую баржу. — Убирайте вашъ пароходъ съ дороги! Что вы дѣлаете, громъ и молнія!

— Выуживаю моего механика! — сми-

ренно отвѣтилъ капитанъ, описывая вторую дугу и наскакивая на парусное судно. Шкиперъ послѣдняго, долго сдерживавшійся, наконецъ, не выдержалъ:

— Да, остановитесь вы наконецъ! — закричалъ онъ.

— Но, я не могу...—чуть не рыдалъ капитанъ «Бульдога», протискиваясь между громаднымъ пароходомъ и шхуной.

— Эй, Бульдогъ!—позвалъ боцманъ.— Остановитесь и возьмите насъ, мы его поймали!

Капитанъ только растерянно улыбнулся, когда пронесся на всѣхъ парахъ мимо собственной лодки.

— Закройте паръ!—закричалъ механикъ,—или потушите огонь!

— Великолѣпно!—чуть не плакалъ капитанъ,—а кто же будетъ стоять за колесомъ, пока я сойду внизъ?

Ему удалось правой ногой подвинуть къ себѣ канатъ, и онъ прилагалъ всѣ усилія докинуть его одной рукой до лодки.

Въ это время, на берегу собралась громадная толпа, и поведеніе капитана, безъ устали описывающаго круги, казалось всѣмъ совершенно необъяснимымъ.

Всѣ встрѣчныя суда, какъ бы заняты они ни были, считали своимъ долгомъ выразить ему свое соболѣзнованіе, и эти замѣчанія были для него послѣдней каплей,

переполнившей чашу. Въ концѣ концовъ, боцману удалось поймать канатъ, и «Бульдогъ» отправился на всѣхъ парахъ къ берегу съ лодкой за кормой.

— Идите на бортъ вы, вы... лунатикъ! заревѣлъ капитанъ.

— Не прежде, чѣмъ я узнаю, что меня ждетъ,—возразилъ совершенно мокрый, но вполнѣ владѣющій всѣми пятью чувствами механикъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?— спросилъ капитанъ.

— Я не пойду на бортъ, сказалъ, покачавъ головой, механикъ—до тѣхъ поръ, пока вы, боцманъ и юнга не поклянетесь, что не будете разсказывать о случившемся!!!

— Я подамъ рапортъ, какъ только попаду на берегъ!—бѣшено заревѣлъ капитанъ.- Я васъ привлеку къ отвѣтственности за самовольную отлучку!! Я... Я...

Неунывающій механикъ сдѣлалъ движеніе, чтобы снова броситься въ родную стихію, но былъ во-время схваченъ не спускавшимъ съ него глазъ боцманомъ за шиворотъ.

— Идите на бортъ!—закричалъ капитанъ, встревоженный подобнымъ постоянствомъ,—я вамъ дамъ лучшую рекомендацію, какъ только мы высадимся!!!

— Честное слово?—спросилъ механикъ.

— Честное слово!—отвѣтили всѣ трое.

Механикъ спокойно отправился къ своимъ котламъ. Впослѣдствіи, во время пути, онъ сознался, что выкинулъ всю шутку только для того, чтобы дать капитану возможность выказать свое блестящее управленіе судномъ. Послѣ подобныхъ словъ вся злоба капитана растаяла, какъ снѣгъ на солнцѣ, и когда они прибыли, наконецъ, въ портъ, у него было столько же въ мысляхъ подавать рапортъ на коварнаго механика, какъ на своего роднаго отца.

НЕУДАВШІЙСЯ АРЕСТЪ.

Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, при стычкѣ капитана Блэя съ сержантомъ полиціи Пильбимомъ присутствовало очень мало народу. Единственнымъ свидѣтелемъ былъ пожилой господинъ съ деревяшкой вмѣсто ноги, который ретиво бросился вмѣстѣ съ взбѣшеннымъ соржантомъ въ погоню за Блэемъ. Но капитанъ имѣлъ на своей сторонѣ молодость и, нырнувъ въ узкую аллейку стараго Вудхэчскаго парка, убавилъ шагу и сталъ прислушиваться. Звуки погони замерли вдали. Онъ уже началъ увлекаться прогулкой, какъ вдругъ ускоренный стукъ деревяшки съ одной стороны и шумъ многихъ голосовъ съ другой заставили его насторожиться. Было ясно, что число его преслѣдователей возросло. Онъ на секунду остановился въ нерѣшительности. Въ слѣдующій моментъ, онъ толкнулъ полуоткрытую калитку въ старой стѣнѣ и осмотрѣлся. Передъ нимъ былъ маленькій вы-

мощенный дворикъ, украшенный миртами и цвѣтущими растеніями въ раскрашенныхъ горшкахъ. Не смущаясь, онъ открылъ калитку пошире и, проскользнувъ въ нее, заперъ ее за собой.

— Великолѣпно?—рѣзко спросилъ чей-то голосъ.—Что вы хотите?

Капитанъ Блэй обернулся и увидѣлъ на крыльцѣ дома, стоящую въ выжидательной позѣ, дѣвушку.

— Шш-ш!..—зашипѣлъ онъ, поднимая палецъ.

— Что вы дѣлаете на нашемъ дворѣ?—спросила она.

Но лицо капитана уже прояснилось, такъ какъ голоса затихли вдали. Онъ закрутилъ усъ и посмотрѣлъ на нее съ явнымъ восхищеніемъ.

— Прячусь! — сказалъ онъ, пріосаниваясь.—Они чуть-чуть не поймали меня!

— И, все-таки, это не причина врываться въ нашъ дворъ, — сказала дѣвушка.—Отъ кого вы прячетесь?

— Отъ жирнаго полицейскаго! — совсѣмъ уже легкомысленно заявилъ бѣглецъ, покручивая усы.

У миссъ Пильбимъ, единственной дочери сержанта Пильбима, захватило дыханіе.

— Что же вы сдѣлали?—спросила она.

— Ничего! — игриво объявилъ бѣг-

лецъ. — Рѣшительно ничего! Я швырялъ камни черезъ дорогу, а онъ велѣлъ мнѣ прекратить!

— Ну? — нетерпѣливо сказала м-съ Пильбимъ.

— Мы крупно поговорили, — продолжалъ капитанъ.—А я не люблю полицейскихъ — жирныхъ полицейскихъ — ну, и, пока мы разговаривали, случилось, что онъ потерялъ равновѣсіе и попалъ въ канаву, которая тянется вдоль дороги.

— Потерялъ равновѣсіе!—прошептала съ ужасомъ миссъ Пильбимъ.

Бѣглецъ былъ страшно доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Вотъ бы вы смѣялись, если бы видѣли его въ этотъ моментъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Но не пугайтесь такъ, вѣдь онъ же не поймалъ меня!

— Нѣтъ,—медленно сказала дѣвушка.— Нѣтъ еще!

Она такъ выразительно взглянула на него, что бѣглецъ, хотя и надѣленный большимъ самомнѣніемъ, немного встревожился.

— Ахъ, онъ никогда меня не поймаетъ,—сказалъ онъ, возвращая ей взглядъ.

Миссъ Пильбимъ стояла въ раздумьѣ. Хотя она и была высокой, хорошо-сложенной дѣвушкой, но все же не въ состояніи была бы справиться съ дерзкимъ бѣглецомъ. А отецъ раньше девяти, навѣрное, не вернется

— Я думаю, вамъ придется подождать, пока стемнѣетъ, — наконецъ, сказала она.

— Здѣсь, я буду ждать охотнѣе, чѣмъ гдѣ-либо,—съ жаромъ заявилъ повѣса.

— По всей вѣроятности, вы ничего не имѣли бы противъ того, чтобы зайти къ намъ и отдохнуть!—предложила дѣвушка.

Капитанъ Блэй поблагодарилъ и направился за ней на небольшую террасу передъ домомъ.

— Отца нѣтъ дома,—сказала она, проведя его къ креслу.—Но, я увѣрена,—онъ будетъ радъ васъ видѣть.

— Я также буду радъ съ нимъ познакомиться,—поспѣшилъ заявить ничего не подозрѣвавшій, бѣглецъ.

М-съ Пильбимъ оставила свои сомнѣнія на счетъ послѣдняго при себѣ, сѣла на стулъ и стала соображать, какъ удержать плѣнника. Она предчувствовала, что появленіе ея отца въ одной двери будетъ сигналомъ къ исчезновенію капитана въ другую. Нѣсколько минутъ прошли въ неловкомъ молчаніи.

— Прямо счастье для меня, что я опрокинулъ этого полицейскаго, — замѣтилъ, наконецъ, бѣглецъ.

— Почему?—спросила дѣвушка.

— Иначе мнѣ ни за что бы не попасть въ вашъ дворъ,—былъ отвѣтъ.—

Я—такъ бы и уѣхалъ, не видѣвъ васъ. Конечно, кого же благодарить, какъ не толстаго полицейскаго?

— Ну да, конечно — сказала миссъ Пильбимъ, скрывъ волновавшія ее чувства.

— Теперь онъ скачетъ ради меня черезъ горы и долины, а я сижу здѣсь— глубокомысленно замѣтилъ морякъ.

Миссъ Пильбимъ и съ этимъ согласилась и вдругъ расхохоталась такъ искренно, что онъ счелъ своимъ долгомъ придвинуть къ ней свое кресло и заботливо поколотить ее по спинѣ. Подобное обращеніе сразу привело ее въ себя; она отклонилась и холодно посмотрѣла на него.

— Я испугался, что вы задохнетесь,— смущенно объяснялъ бѣглецъ.—Вы не сердитесь?

Онъ такъ замѣтно оживился, когда она сказала «нѣтъ», что миссъ Пильбимъ, позабывъ злоключенія своего отца, немного смягчилась. Заклятый врагъ полицейскихъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень видный мужчина. А его поведеніе по отношенію къ ней, колебавшееся между дерзостью и робостью, вызвало въ ней легкое сожалѣніе о нѣкоторыхъ его нравственныхъ недостаткахъ.

— Предположимъ, что васъ все-таки схватятъ, — важно замѣтила она. — Вѣдь вамъ придется идти въ тюрьму.

Бѣглецъ пожалъ плечами:

— Теперь это едва-ли возможно,—возразилъ онъ.

— Вы не раскаиваетесь?—дрожащимъ голосомъ настаивала м-съ Пильбимъ.

— Конечно, нѣтъ,—сказалъ бѣглецъ.— Иначе мнѣ не удалось бы васъ видѣть.

Миссъ Пильбимъ взглянула на часы и задумалась. Было безъ пяти минутъ девять. Пять минутъ, чтобы найти выходъ изъ подобнаго положенія, было дѣломъ не шуточнымъ.

— Кажется, мнѣ пора удалиться,—замѣтилъ, наблюдавшій за ней бѣглецъ.

Миссъ Пильбимъ вскочила.

— Нѣтъ, подождите!—поспѣшно сказала она.—Подождите! Дайте мнѣ подумать...

Капитанъ Блэй остановился въ почтительномъ ожиданіи, прислушиваясь къ тиканью маятника. Со двора послышался тяжелый, мѣрный шумъ шаговъ. Миссъ Пильбимъ схватила его за руку и потащила къ двери.

— Бѣгите!—шепнула она.—Нѣтъ, подождите!

Она остановилась, тщетно стараясь собраться съ мыслями.

— Въ домъ!—сказала она.—Живо! – и сама бросилась впереди его, въ комнату своего отца. Влетѣвъ туда, она подбѣ-

жала къ стоявшему въ углу шкафу и открыла его.

— Влѣзайте, — прошептала она

— Но... — протестовалъ озадаченный Блэй.

Слышно было какъ открылась входная дверь.

— Полиція! — угрожающе шепнула миссъ Пильбимъ.

Капитанъ Блэй безъ дальнѣйшихъ разсужденій вскочилъ въ шкафъ, а дѣвушка, повернувъ ключъ, положила его въ карманъ и выбѣжала изъ комнаты.

Сержантъ Пильбимъ сидѣлъ, поджидая ее на террасѣ, и уже выражалъ нетерпѣніе насчетъ долго не появляющагося ужина. Все приготовивъ и сѣвъ за столъ, миссъ Пильбимъ поставила около него кружку пива.

— А, это хорошо! — сказалъ сержантъ. — Я сегодня набѣгался.

Миссъ Пильбимъ удивленно подняла брови.

— Да! За какимъ-то негоднымъ морякомъ, который опрокинулъ меня, когда я этого совсѣмъ не ожидалъ, — объяснилъ отецъ, ставя свой стаканъ. — Это было ловко сдѣлано, и я ему это заявлю, какъ только его поймаю.

— Я гнался за нимъ, какъ бѣшеный, — продолжалъ онъ, снова усаживаясь. — Но

звѣрь ушелъ. Завтра я отправлюсь въ гавань и будь я—не я, если не поймаю молодца!

Онъ придвинулъ свой стулъ къ столу и, набивая свой ротъ холоднымъ мясомъ и пикулями, продолжалъ развивать широкіе планы поимки своего оскорбителя. Но миссъ Пильбимъ прислушивалась къ нимъ только однимъ ухомъ.

Она въ это время придумывала разные способы, чтобы помочь бѣглецу уйти. Сержантъ для освѣженя воздуха открылъ дверь въ свою комнату, и было немыслимо пройти, не будучи имъ не замѣченнымъ. На него не подѣйствовалъ даже разсказъ о засохшемъ на заднемъ дворѣ гераніумѣ.

— Я не встану,—ради всѣхъ гераніумовъ въ мірѣ,—заявилъ онъ.—Я выкурю еще одну трубку и пойду въ постель.

Несмотря на всѣ усилія дочери удержать его, онъ ушелъ, и она съ отчаяніемъ прислушивалась къ его тяжелому топотанію въ своей комнатѣ. Она услыхала, какъ затрещала кровать, и черезъ 10 минутъ сильный храпъ здороваго человѣка раздавался по всему дому.

Въ концѣ концовъ, она сама отправилась въ постель и, пролежавъ нѣсколько часовъ съ открытыми глазами, закрыла ихъ, чтобы удобнѣе было думать. Заглядывавшее въ окно солнце и шумъ на дворѣ разбудили ее утромъ.

— Я почти вычистилъ его!—объявилъ сержантъ, здороваясь съ ней,—это непріятное дѣло, но не могу же я идти въ выпачканномъ грязью мундирѣ! И безъ того во всей этой исторіи не мало было для меня сраму!

Миссъ Пильбимъ прокралась къ двери слѣдующей комнаты и заглянула въ нее. Шкафъ безмолвствовалъ, и ужасная мысль, что плѣнникъ задохся, молніей промелькнула въ мозгу дѣвушки.

— Ст-т!—прошептала она.

Нетерпѣливое, но сдержанное «с-ст-» отвѣтило изъ шкафа, и успокоенная миссъ Пильбимъ осторожно вошла въ комнату.

— Онъ во дворѣ отчищаетъ грязь!—тихимъ голосомъ сказала она.

— Кто?—спросилъ бѣглецъ.

— Жирный полицейскій!—жестко отвѣтила дѣвушка, вспомнивъ про оскорбленіе нанесенное ея отцу.

— Какъ-же онъ попалъ сюда?—спросилъ изумленный бѣглецъ.

— Онъ живетъ здѣсь.

— Жилецъ?!—все болѣе и болѣе удивлялся бѣглецъ.

— Отецъ! — сказала миссъ Пильбимъ.

Стонъ ужаса, раздавшійся изъ шкафа, прозвучалъ для миссъ Пильбимъ, пріятнѣе нѣжнѣйшей мелодіи.

Но улыбка мгновенно сбѣжала съ ея

лица, когда изъ того же шкафа раздался сдержанный, но, несомнѣнно, веселый смѣхъ.

— Ш-ш-ш,—рѣзко сказала она и, высоко поднявъ голову, вышла изъ комнаты, приготовлять завтракъ сержанту Пильбиму.

Сержантъ Пильбимъ, безъ сомнѣнія, наслаждался, сидя за столомъ, и его звучный басъ и добродушный хохотъ, явственно доносились до плѣнника. Чтобы убить время, онъ принялся считать, потомъ, уставъ отъ этого занятія, началъ отвѣчать себѣ одно за другимъ заученныя когда-то въ школѣ стихотворенія. Послѣ этого, но уже съ большимъ выраженіемъ, онъ продекламировалъ всѣ вещи, которыя онъ, вообще, зналъ. Но болтовня и звонъ стакановъ и тарелокъ не прекращались.

Наконецъ, къ его великому облегченію сержантъ отодвинулъ стулъ и шумно двинулся куда-то.

Но это облегченіе скоро смѣнилось ужасомъ, такъ какъ шаги сержанта все приближались и приближались... наконецъ, онъ вошелъ въ комнату, и подойдя къ шкафу, сильно дернулъ дверцы.

— Эльси?—зарычалъ сержантъ;—гдѣ ключи отъ моего шкафа? Я хочу надѣть другіе сапоги!

— Они здѣсь!—закричала миссъ Пильбимъ.

И плѣнникъ снова повѣрилъ въ свою

счастливую звѣзду, когда услыхалъ, что сержантъ выбрался изъ комнаты.

По прошествіи, по его счету, еще недѣли, онъ услыхалъ наконецъ легкіе, быстрые шаги миссъ Пильбимъ.

— С-т-т!—опять сказалъ онъ.

— Я иду!—сказала дѣвушка,—немного терпѣнія.

Ключъ повернулся въ замкѣ. Шкафъ открылся, и бѣглецъ вышелъ наружу, жмурясь и мигая отъ свѣта.

— Отецъ ушелъ,—сказала миссъ Пильбимъ.

Бѣглецъ ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ занятъ своей правой ногой, которая за время стоянія въ шкафу совсѣмъ потеряла способность двигаться. По временамъ онъ бросалъ укоряющіе взгляды на миссъ Пильбимъ.

— Вы, должно быть, не прочь умыться и позавтракать,—мягко сказала она.— Вотъ вода и полотенце, а пока вы будете приводить себя въ порядокъ,—я приготовлю вамъ завтракъ.

Бѣглецъ проковылялъ къ умывальнику. Пригладивъ передъ зеркаломъ сержанта волосы и закрутивъ усы, онъ почувствовалъ себя совсѣмъ хорошо и въ весьма жизнерадостномъ настроеніи вышелъ изъ комнаты.

— Я очень жалѣю, что это былъ вашъ отецъ,—сказалъ онъ, садясь за столъ.

— Не потому-ли вы такъ весело смѣялись?—возразила дѣвушка, качая головой.

— Но я-же больше всѣхъ пострадалъ,— возразилъ онъ,—я согласенъ 100 разъ быть сбитымъ съ ногъ, чѣмъ сидѣть еще ночь въ этомъ шкафу. Во всякомъ случаѣ, все хорошо, что хорошо кончается.

— Конецъ? — уныло сказала миссъ Пильбимъ:—конецъ-ли это еще?

— Что вы хотите этимъ сказать?— спросилъ онъ смущенно.

— Ничего, ничего. Не портите себѣ завтрака,—сказала дѣвушка —Я потомъ вамъ скажу. Боюсь только, что послѣ всѣхъ моихъ хлопотъ, вамъ всетаки придется провести такую ночь, какъ сегодня, еще въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ.

— Чертъ возьми! —проговорилъ въ замѣшательствѣ несчастный.—Да, что случилось?

— Трудно все предвидѣть, — сказала миссъ Пильбимъ,—но мы и не предполагали, что вашъ боцманъ, встревоженный вашимъ долгимъ отсутствіемъ, подастъ въ полицейское управленіе заявленіе о вашемъ исчезновеніи съ полнымъ описаніемъ вашей наружности.

Бѣглецъ, вскочивъ съ мѣста, со всего размаху ударилъ кулакомъ по столу.

— Теперь отецъ отправился сторожить судно, — продолжала миссъ Пильбимъ.—

Онъ сразу узналъ въ описаніи пропавшаго— оскорбившаго его человѣка.

— Вотъ что значитъ имѣть дурака боцмана,—горько замѣтилъ бѣглецъ.—Какое ему дѣло, хотѣлъ бы я знать? Что, касается его, что-ли,—возвращаюсь я на ночь или нѣтъ? Очень нужно было ему вмѣшиваться!

— Теперь не поможешь, — сосредоточенно сказала миссъ Пильбимъ, придерживая отъ избытка мыслей пальцемъ подбородокъ.—Что же теперь дѣлать? Какъ только отецъ наложитъ на васъ свою руку...

Она даже содрогнулась; бѣглецъ послѣдовалъ ея примѣру.

— Я могу отдѣлаться штрафомъ,—замѣтилъ онъ—вѣдь я же не поранилъ его!

Миссъ Пильбимъ покачала головой. —На этотъ счетъ у насъ въ Вудхэчѣ очень строго,—сказала она.

— Я былъ дуракъ, что вообще тронулъ его!—сказалъ раскаивающійся бѣглецъ. — Но у меня было возбужденное настроеніе, и я велъ себя, какъ мальчикъ!

— Дѣло въ томъ, какъ вамъ теперь спастись?—сказала дѣвушка,— не очень-то пріятно пройтись по всему Вудхэчу съ полиціей за спиной!

— Я могу быть спокойнымъ только на палубѣ своего судна,—пробормоталъ Блэй.

— Очень трудно пробраться на судно,— медленно сказала дѣвушка.—Вамъ нужно будетъ переодѣться. И вамъ нужно совсѣмъ, преобразиться, чтобы пройти мимо моего отца.

Капитанъ мрачно согласился.

— Единственно для васъ возможное,— тихо продолжала дѣвушка—это переодѣться угольщикомъ. Въ гавани стоятъ два угольныхъ судна и, если вы снимете вашъ мундиръ—я потомъ вамъ его пришлю,— вымажетесь съ ногъ до головы угольнымъ порошкомъ и сбреете усы, я почти увѣрена, что вы проскользнете.

— Сбрить! воскликнулъ возмущеннымъ тономъ капитанъ. — Вымазаться! Углемъ!

— Единственный исходъ!—поникла головой миссъ Пильбимъ.

Капитанъ Блэй задумчиво прислонился къ стѣнѣ и, по привычкѣ, нѣжно пропустилъ сквозь пальцы усы.

— Мнѣ кажется, что вполнѣ достаточно будетъ угля,—заявилъ онъ наконецъ.

Дѣвушка покачала головой.

— Отецъ обратилъ особенное вниманіе на ваши усы.

— Ихъ всѣ замѣчаютъ,—гордо сказалъ бѣглецъ.—Я съ ними не разстанусь!

— Даже для моего спокойствія?—грустно взглянула на него миссъ Пильбимъ.— Послѣ всего, что я для васъ сдѣлала?

Миссъ Пильбимъ, прижавъ платокъ къ

глазамъ, съ легкимъ всхлипываніемъ выбѣжала изъ комнаты. Страшно польщенный капитанъ подождалъ немного и бросился за ней.

Четверть часа спустя, онъ стоялъ уже безъ усовъ, около угольнаго ларя и угрюмо размазывалъ себя углемъ.

— Такъ лучше, — сказала дѣвушка, — вы выглядите ужасно.

Она взяла полную горсть пыли и, приказавъ ему стоять смирно, сама вымазала еще разъ его лицо.

— Никогда не нужно дѣлать что нибудь на половину, — заявила она. — Ну, теперь пойдите въ кухню и посмотрите на себя въ зеркало.

Бѣглецъ отправился и вернулся уже въ состояніи черной меланхоліи. Даже заявленіе миссъ Пильбимъ, что родная мать теперь не узнала бы его, не разгладило морщинъ съ его лба. Онъ продолжалъ безутѣшно стоять, когда дѣвушка отворила, наконецъ, входную дверь.

— Счастливаго пути! — любезно сказала она: — Напишите мнѣ, когда будете въ безопасности!

Обѣщая послѣднее непремѣнно исполнить, капитанъ Блэй тихо вышелъ на улицу. Хотя онъ многихъ подозрѣвалъ въ намѣреніи арестовать его, но до гавани добрался вполнѣ благополучно. Тамъ, юрк-

нувъ въ какой-то безопасный, по его мнѣнію, уголъ, онъ осторожно произвелъ осмотръ мѣстности.

Сержанта Пильбима нигдѣ не было видно. Онъ подождалъ 2 или 3 минуты и, бросая боязливые взгляды направо и налѣво осторожно вышелъ изъ своего угла. Такъ какъ никто не обращалъ на него вниманія, онъ заложилъ руки въ карманы и направился къ водѣ. Ноги его дрожали, когда онъ вступилъ на сходни, но, не поддаваясь соблазну оглянуться назадъ, онъ перешелъ на палубу и смѣло отправился по ней впередъ.

— Алло! Что вы хотите? — спросилъ одинъ изъ матросовъ.

— Тише Билль! – сказалъ бѣглецъ пониженнымъ тономъ.—Не обращайте на меня вниманія!

— Э?—отскакивая сказалъ морякъ.— Господи, что съ вами...

— Молчать! — свирѣпо крикнулъ капитанъ и, отправившись на бакъ, спустился медленно внизъ.

Встревоженное лицо Билля слѣдило за нимъ, пока онъ не достигъ пола.

— Было приключеніе, капитанъ?—почтительно освѣдомился онъ.

— Нѣтъ!—буркнулъ бѣглецъ. — Спускайтесь внизъ, живо! Что вы тамъ стоите, привлекая общее вниманіе. Вы хотите чтобы весь городъ собрался? Спускайтесь!

— Мнѣ все равно, гдѣ быть!—сказалъ спустившійся Билль, очутившись лицомъ къ лицу съ разъяреннымъ капитаномъ.

— Тогда, бѣгите наверхъ!—крикнулъ капитанъ.—Бѣгите и пришлите мнѣ боцмана! Не копаться! И если кто замѣтилъ мое присутствіе на суднѣ, скажите, что я вашъ товарищъ!

Удивленный матросъ бросился наверхъ, а бѣглецъ усѣлся на ящикъ, вынулъ попавшую въ глазъ песчинку и сталъ ждать боцмана.

Но послѣдній, такъ долго не приходилъ, что онъ, наконецъ, не выдержалъ и опять отправился наверхъ—на палубу. Первое, что ему попалось на глаза —это фигура облокотившагося на бортъ судна боцмана, съ опаской поглядывавшаго на люкъ.

— Пойдите сюда!—сказалъ бѣглецъ.

— Что-нибудь случилось? — спросилъ боцманъ, поправляя какой-то безпорядокъ въ снастяхъ.

— Пойдите сюда! повторилъ капитанъ.

Боцманъ медленно спустился внизъ и всталъ передъ нимъ, тревожно на него поглядывая.

— Да, нечего смотрѣть,—сказалъ бѣглецъ съ внезапнымъ бѣшенствомъ.—Это вашихъ рукъ дѣло. Куда вы удираете? Онъ схватилъ несчастнаго боцмана, какъ щенка, за шиворотъ и встряхнулъ его.

— Вы уйдете не раньше, чѣмъ я объяснюсь съ вами,—свирѣпо заявилъ онъ.— Теперь, что вы объ этомъ думаете? А? Что вы думаете?

— Все это—очень хорошо, — сказалъ полузадушенный боцманъ. — Только — не волнуйтесь.

— Посмотрите на меня!—сказалъ бѣглецъ.—Это все ваше вмѣшательство! Какъ вы смѣли справляться обо мнѣ?

— Я?—сказалъ боцманъ, отодвигаясь какъ можно дальше,—справляться?

— Какое вамъ дѣло, если я не явлюсь на ночь?—настаивалъ капитанъ.

— Никакого,—слабымъ голосомъ согласился боцманъ.

— Зачѣмъ же вамъ понадобилось заявлять обо мнѣ полиціи?—спросилъ бѣглецъ.

— Я?—сказалъ боцманъ съ искреннимъ удивленіемъ въ голосѣ.—Я? Я ничего не заявлялъ о васъ полиціи. Зачѣмъ бы мнѣ это понадобилось?

— Такъ вы хотите сказать, что вы не доносили о моемъ отсутствіи полиціи?— торжественно спросилъ бѣглецъ.

— Конечно, нѣтъ! — сказалъ набравшійся мужества боцманъ.—Для чего? Какое мнѣ дѣло, если вамъ нравится проводить ночь не на суднѣ. Я хорошо знаю свои

обязанности! Я не понимаю, о чемъ вы говорите?

— И полиція не наблюдала за судномъ и не справлялась обо мнѣ?

Боцманъ недоумѣвающе покачалъ головой.

— Для чего?—спросилъ онъ.

Бѣглецъ ничего не отвѣчалъ. Онъ сѣлъ и смотрѣлъ широко-раскрытыми глазами прямо передъ собой, тщетно стараясь постигнуть всю жестокость сердца, способнаго на такую низкую продѣлку.

— Кромѣ того, вы вѣдь не первый разъ не возвращаетесь на ночь,—уже задорно замѣтилъ боцманъ.

Бѣглецъ бросилъ на него уничтожающій, полный достоинства взглядъ, дѣйствіе котораго пропало благодаря его новому цвѣту лица. Онъ медленно поднялся на палубу, осмотрѣлся и поблѣднѣлъ подъ покрывавшимъ его слоемъ угля. На мосту, противъ судна, стоялъ въ полной парадной формѣ сержантъ Пильбимъ.

Рядомъ съ нимъ стояла миссъ Пильбимъ, и оба многозначительно смотрѣли на горизонтъ и улыбались. Сержантъ первый замѣтилъ бѣглеца.

— Алло! Негръ!—закричалъ онъ.

Капитанъ Блэй, который хотѣлъ-было незамѣтно ретироваться, сжалъ кулаки и свирѣпо уставился на него.

— Отдайте это бѣглецу, мой милый,— сказалъ сержантъ, передавая матросу мундиръ Блэя.—Онъ очень красивый молодой человѣкъ, съ великолѣпными усами!

— Ихъ больше нѣтъ!—сказала грустнымъ голосомъ дочь.

— У него очень темный цвѣтъ лица!— продолжалъ хохотать, какъ сумасшедшій, сержантъ.—Я хотѣлъ, было, задержать его за кражу моего угля, — но теперь раздумалъ! Думаю—исправится! Да и моя дочь того же мнѣнія! Всего хорошаго, мой милый негръ!

Онъ поцѣловалъ кончикъ своего жирнаго мизинца и отправился съ миссъ Пильбимъ дальше. Капитанъ наблюдалъ за ними, пока они не дошли до угла... тамъ они внезапно остановились, и сержантъ зашагалъ обратно.

— Я чуть не забылъ,—медленно сказалъ онъ,—передайте вашему капитану, что, если онъ хочетъ извиниться предо мной за кражу у меня угля,—я буду дома въ 5 часовъ, къ чаю.

Онъ показалъ пальцемъ въ сторону миссъ Пильбимъ и многозначительно прибавилъ:—Она также будетъ! Къ свѣдѣнію!

ЖЕНИЛСЯ.

Шхуна «Соколъ» была готова къ отплытію. Нагрузили послѣдніе тюки товаровъ, и матросы подъ главнымъ наблюденіемъ боцмана были заняты послѣдними приготовленіями.

— Все готово? — спросилъ капитанъ, коротенькій человѣкъ лѣтъ 35, съ грубымъ обвѣтреннымъ лицомъ.—Снимайтесь!

— Вы развѣ не будете ждать пассажировъ?—освѣдомился боцманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно возразилъ капитанъ.—Я увѣренъ, что теперь никто не явится. Мы пропустимъ приливъ, если будемъ еще ждать!

Онъ обернулся, чтобы отдать приказаніе, и очутился лицомъ къ лицу съ молодой женщиной, сопровождаемой мальчикомъ съ узлами, картонками, чемоданами и т. п. дорожными спутниками.

— Вотъ и мы, капитанъ Эвансъ!—сказала она, легко вспрыгивая на палубу.— Я думала, что мы никогда до васъ не до-

беремся. Извозчикъ не зналъ дороги, но я знала, что вы не уйдете безъ насъ!

— Ну, вотъ вы и здѣсь!—сказалъ, съ кислою улыбкой, капитанъ, подавая дѣвушкѣ правую руку, а лѣвую протягивая къ уху мальчика, который холодно отклонился. —Сойдите внизъ,—боцманъ покажетъ вамъ вашу каюту. Билль, это мой лучшій другъ— миссъ Куперъ, а это ея братъ.

Боцманъ отправился показывать дорогу.

— Славная дѣвушка,—сказалъ боцманъ, поглядывая на капитана, облокотившагося на колесо.

— Э-э! — Билль! — продолжалъ онъ, внезапно повертываясь къ матросу,—я въ чертовскомъ положеніи.

— Ну, конечно!—воскликнулъ боцманъ, не желая показать, что онъ совсѣмъ не понимаетъ, въ чемъ дѣло.—Всякій бы замѣтилъ!—подтвердилъ онъ.

— Теперь—вопросъ, что дѣлать?—сказалъ капитанъ.

— Да—это вопросъ!—осторожно повторилъ боцманъ.

— Я чувствую, что запутался!—сказалъ Эвансъ,—потому и хотѣлъ скорѣй сняться съ якоря. Горе тому, кто встрѣтитъ на своемъ пути двухъ женщинъ.

Боцманъ чуть не свистнулъ, такъ ясно онъ теперь все понялъ.

— Да вы не обручены-ли съ этой? — закричалъ онъ.

— Въ августѣ наша свадьба! — уныло сказалъ капитанъ. — Вѣдь на ея пальцѣ — мое кольцо!

— Но вы же хотѣли въ сентябрѣ жениться на Мэри Джонсъ, — ужаснулся боцманъ. — Вы же не можете жениться на обѣихъ сразу.

— Объ этомъ-то я и говорю, — возразилъ Эвансъ, — но не нахожу никакого выхода. Я слишкомъ нерѣшителенъ во всемъ, что касается женщинъ.

— Зачѣмъ же, праведное небо! — не переставалъ удивляться боцманъ, — вы взяли эту дѣвушку на судно? Вѣдь другая будетъ васъ, какъ всегда, встрѣчать на пристани!

— Я ничего не могъ сдѣлать! — простоналъ капитанъ, — она такъ захотѣла, а она бываетъ иногда очень рѣшительна. Она страшно влюблена въ меня, Билль!

— Повидимому, такъ же, какъ и другая! — сказалъ боцманъ.

— Я даже не могу себѣ представить, что онѣ находятъ во мнѣ хорошаго, — сокрушался капитанъ.

— Я также, — откровенно заявилъ боцманъ, — что же вы теперь будете дѣлать? Которая вамъ больше нравится?

— Въ томъ то и дѣло, что я самъ не знаю, — сказалъ капитанъ.

— Да!—усмѣхнулся боцманъ,—не хотѣлъ бы я быть въ вашей шкурѣ, когда онѣ обѣ встрѣтятся.

Эвансъ съ отчаяніемъ, поникъ головой.

— А что если,—послѣ нѣкотораго раздумія, медленно началъ боцманъ,—а что, если я васъ избавлю хотя отъ этой.

— Вы не можете этого сдѣлать, Билль!—рѣшительно сказалъ капитанъ,—она знаетъ, что я влюбленъ въ нее по́ уши.

— Хорошо, я могу попробовать,—коротко отвѣтилъ боцманъ.—Дѣвушка мнѣ нравится. По рукамъ?

— Идетъ!—воскликнулъ, протягивая обѣ руки, капитанъ,—если вы меня выручите, Билль, я вамъ не забуду этого всю мою жизнь.

Послѣ завтрака пассажиры отправились на палубу, а капитанъ таинственно поманилъ боцмана за собой въ каюту.

— Вы сегодня утромъ не вымылись,—сказалъ онъ, разглядывая боцмана.—какъ же вы произведете впечатлѣніе, если вы не будете даже чистоплотны.

— Я выгляжу чище, чѣмъ вы,—проворчалъ боцманъ.

— Такъ и должно быть!—сказалъ предпріимчивый капитанъ,—я вамъ даю всѣ

шансы выиграть дѣло! Теперь пойдите выбрейтесь и возьмите вотъ это!...

Онъ протянулъ удивленному боцману великолѣпный шелковый шейный платокъ съ зелеными горошинками.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвергъ тотъ подарокъ.

— Возьмите,—повторилъ Эвансъ,—если вы и сможете чѣмъ-нибудь прельстить ее, такъ именно этимъ платкомъ; вотъ вамъ еще пара новыхъ воротничковъ!

— Это значитъ обкрадывать васъ!—сказалъ боцманъ.—Да къ тому же у меня для моей цѣли нѣтъ и подходящаго платья.

Ихъ глаза встрѣтились. Эвансъ задумался, потомъ отправился къ своему шкафу, вытащилъ новую пару, пріобрѣтенную для окончательнаго покоренія сердца миссъ Джонсъ, и молча протянулъ ее боцману.

— Я не могу принять этой вещи, не давъ вамъ чего-нибудь взамѣнъ!—сказалъ боцманъ.—Подождите минуту.

Онъ бросился въ свою каюту и также поспѣшно вернулся, положивъ на столъ передъ своимъ командиромъ часть своего гардероба.

— Я не возьму, потому что это невозможно одѣть!—сказалъ тотъ бросивъ взглядъ на костюмъ своего подчиненнаго—это даже неприлично.

— Это еще лучше!—сказалъ боцманъ,—по крайней мѣрѣ контрастъ между нами будетъ еще больше!

Капитанъ послѣ легкаго раздумья удалился, а боцманъ, занявшись основательно своимъ туалетомъ, во всемъ блескѣ поднялся на палубу. . .

— Гдѣ же капитанъ?—спросила миссъ Куперъ, такъ какъ продолжительное отсутствіе Эванса стало уже замѣтнымъ.

— Онъ, должно быть, внизу, переодѣвается,— просто отвѣтилъ боцманъ.

Взглянувъ на него, миссъ Куперъ улыбнулась про себя и приготовилась къ чему-нибудь необыкновенному. Она получила это удовольствіе: такого растеряннаго и глупо выглядѣвшаго капитана, какъ Эвансъ одѣтаго въ подарокъ боцмана,—«Соколъ», должно быть, никогда не видалъ. Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ миссъ Куперъ взглянула на него съ негодованіемъ.

— Откуда вы взяли эти вещи?—прошептала она.

— Работа, моя милая, работа! — возразилъ капитанъ.

— Все-таки недурно было бы пріодѣться,—сказала язвительно «милая»,—не можете же вы вѣнчаться въ подобномъ платьѣ!

— Хорошо, я объ этомъ подумаю!—покраснѣлъ капитанъ, — прошу прощенія, я занятъ.

Послѣ этого случая холодность, возникшая между капитаномъ и дѣвушкой, возрастала не по днямъ, а по часамъ.

Временами капитанъ колебался, но рука бдительнаго боцмана постоянно и неуклонно направляла его на путь истины. Онъ былъ теперь постоянно занятъ и постоянно грубъ, и миссъ Куперъ, привыкшая къ большему вниманію съ его стороны, выходила все больше изъ себя.

Наконецъ, въ четвертую ночь, когда шхуна проходила мимо Корнуэлля, боцманъ подошелъ къ стоящему у руля Эвансу и хлопнулъ его по плечу.

— Готово, капитанъ!—сказалъ онъ,—вы потеряли самую хорошенькую дѣвушку во всей Англіи!

— Что?! — недовѣрчиво сказалъ капитанъ.

— Это фактъ!—отвѣтилъ боцманъ.—Вотъ ваше кольцо. Я не хотѣлъ, чтобы она его дольше носила.

— Какъ же вамъ это удалось?—спросилъ Эвансъ, со страннымъ чувствомъ беря кольцо.

— О, такъ легко, какъ нельзя болѣе,—воскликнулъ боцманъ.—Я ей больше понравился, вотъ и все!

— Но что же вы ей говорили?—настаивалъ Эвансъ.

Билль размышлялъ.

— Я не могу вамъ на это точно отвѣтить,—сказалъ онъ, наконецъ,—но могу

только сказать, что я очернилъ васъ, какъ только могъ. Но, оказывается, вы ей не очень и нравились. Она сама мнѣ сказала.

— Желаю вамъ только всего хорошаго,—послѣ долгой паузы торжественно проговорилъ Эвансъ.

— Что вы подъ этимъ подразумѣваете,—рѣзко спросилъ боцманъ.

— Такая дѣвушка, какъ эта,—сказалъ съ дрожью въ голосѣ капитанъ,—которая можетъ увлекаться двумя мужчинами сразу, никуда не годится. Для меня она гроша мѣднаго не стоитъ.

Боцманъ смотрѣлъ на него съ живѣйшимъ негодованіемъ.

— Запомните мои слова, — медленно продолжалъ капитанъ,—вы будете раскаиваться. Эта дѣвушка никогда не броситъ якоря, она всегда будетъ гоняться за новыми побѣдами.

— Вы приписываете все это жаждѣ побѣдъ?—фыркнулъ боцманъ.

— Да, и моей старой одеждѣ,—отвѣтилъ капитанъ.

— Ну, такъ вы ошибаетесь!—отрѣзалъ боцманъ.—И вы совсѣмъ не знаете дѣвушекъ. Ни вашъ невозможный костюмъ, ни ваше не менѣе невозможное обращеніе не довели бы до подобнаго конца... Ну, да, въ концѣ концовъ, должны же вы когда-нибудь узнать: несмотря на все, она не обра-

щала на меня ни малѣйшаго вниманія, пока я не разсказалъ ей про Мэри Джонсъ!

— Вы ей разсказали! — свирѣпо закричалъ капитанъ.

— Конечно,—возразилъ боцманъ. — Она сперва была ужасно зла, но потомъ, сообразивъ смѣшную сторону всей исторіи и увидѣвъ, какъ вы «работали» въ старомъ платьѣ, она больше не выдержала и убѣжала въ сьою комнату, вдоволь нахохотаться. Странныя существа эти дѣвушки. Ш-ш-ш. Вотъ она!

М-съ Куперъ вышла на палубу, но, видя, что они заняты серьезнымъ разговоромъ, остановилась недалеко отъ нихъ.

— Все идетъ хорошо, Джэнъ,—сказалъ боцманъ,—я ему все сказалъ.

— О!—слегка вскрикнула она.

— Я не могъ дольше скрывать,—продолжалъ Билль,—ну, и онъ такъ счастливъ, что не помнитъ себя отъ радости!

Послѣднее трудно было услѣдить, но Эвансъ постарался, какъ можно презрительнѣе сморщить носъ въ знакъ нескрываемого счастья и, передавъ колесо боцману, отправился гулять по палубѣ. Небо блестѣло безчисленными звѣздами, но мысли капитана были слишкомъ заняты юной парой у колеса, чтобы любоваться безподобной ночью.

Они обмѣнивались восклицаніями и улыб-

ками и думать забыли о немъ. Нѣсколько разъ онъ былъ недалекъ отъ вмѣшательства, какъ хозяинъ и командиръ судна, но вó-время сдерживался. Наконецъ, приказавъ боцману быть насторожѣ, онъ отправился спать. На другой день между 3-мя главными дѣйствующими лицами царило сперва легкое смущеніе, но оно скоро разсѣялось. Всѣхъ тревожнѣе былъ непосвященный Виллььямъ, который, видя сестру подъ руку съ боцманомъ, бросалъ на капитана безпокойные взгляды.

— Я бы очень хотѣла видѣть Мэри Джонсъ!—любезно заявила миссъ Куперъ, садясь обѣдать.

— Она будетъ на пристани съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ,—сказалъ боцманъ.— Завтра вечеромъ вы ее увидите.

На другой день въ назначенное время «Соколъ» въ полной тьмѣ, руководимый двумя фонарями, входилъ въ маленькую гавань.

Пристань при скудномъ освѣщеніи немногочисленныхъ лампъ, была совершенно пуста за исключеніемъ двухъ, трехъ неясныхъ фигуръ. Вдали болѣе ясно обозначались безчисленные огни города. Шхуна плавнымъ движеніемъ встала на якорь.

— Великолѣпная ночь!—сказалъ боцманъ.

Капитанъ пробормоталъ что-то неясное. Онъ тревожно смотрѣлъ на пристань.

— Теперь слишкомъ поздно,— продолжалъ боцманъ,—вы не должны были ждать ее въ такое время. Теперь 10 часовъ.

— Я поѣду туда завтра утромъ! — сказалъ Эвансъ, который былъ втайнѣ недоволенъ, что миссъ Куперъ не присутствовала при встрѣчѣ. Если вы не пойдете на берегъ, мы можемъ, какъ всегда, сыграть въ карты.

Боцманъ согласился, и всѣ трое принялись за карты.

Капитанъ въ этотъ день былъ въ особенномъ ударѣ,и только что блестяще выигралъ первую игру, какъ въ дверь просунулась чья-то голова и громоподобный басъ называлъ его по имени.

— Э-э,—закричалъ Эвансъ, протягивая руку.

— Старикъ Джонсъ,—успѣлъ шепнуть миссъ Куперъ боцманъ. Въ каюту ввалился богатырскаго сложенія человѣкъ и обмѣнялся энергичнымъ пожатіемъ съ капитаномъ и боцманомъ. Взглянувъ на даму, онъ остановился, тяжело дыша.

— Невѣста боцмана, — непринужденно заявилъ Эвансъ, — миссъ Куперъ! Садитесь капитанъ.—Принесите джину, Билль!

— Для меня не надо,—съ усиліемъ, но рѣшительно сказалъ капитанъ Джонсъ.

Боцманъ и капитанъ обмѣнялись удивленнымъ взглядомъ, незамѣченнымъ Джон-

сомъ, занятымъ рѣшеніемъ какой-то трудной задачи. Послѣ продолжительнаго молчанія, во время котораго всѣ тревожно на него смотрѣли, онъ полѣзъ черезъ столъ и снова обмѣнялся съ Эвансомъ рукопожатіемъ.

— Много обязанъ, капитанъ!—сказалъ Эвансъ, польщенный такимъ вниманіемъ.

Старикъ всталъ, посмотрѣлъ на него и положилъ руку на плечо; затѣмъ онъ снова пожалъ его руку и ободряюще потрепалъ по спинѣ.

— Случилось, что-нибудь? — спросилъ въ концѣ концовъ встревоженный подобными манипуляціями капитанъ.—Что Мэри... Она больна?

— Гораздо хуже! — возразилъ тотъ,— гораздо хуже, мой бѣдный мальчикъ. Она вышла замужъ за полицейскаго.

Впечатлѣніе отъ его сообщенія было потрясающее.

Самъ Джонсъ больше всѣхъ былъ удивленъ, взглянувъ на миссъ Куперъ, которая, вскочивъ со своего мѣста, дико на него уставилась.

— Когда это случилось?—глухимъ голосомъ спросилъ, наконецъ, Эвансъ.

— Въ четвергъ вечеромъ, — сказалъ старикъ. Онъ—сержантъ! Я хотѣлъ сперва вамъ написать, но потомъ рѣшилъ, что лучше ужъ самому объясниться. Мужай-

тесь, мой мальчикъ,—не одна Мэри Джонсъ на свѣтѣ!

Съ этимъ неоспоримымъ доводомъ капитанъ Джонсъ удалился. Послѣ его ухода настало молчаніе, изрѣдка прерываемое перешептываніемъ миссъ Куперъ съ боцманомъ. Въ концѣ концовъ, они не выдержали и покинули безмолвнаго капитана.

Онъ долго сидѣлъ за столомъ, неподвижно, глядя въ уголъ, наконецъ, лампа сама собой потухла, онъ вздохнулъ и отправился спать.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА „САТИРИКОНА“

7

О. Л. Д'ОРЪ.

САМОРОДОКЪ.
КРУГОВОРОТЪ.
ПРОТЕКЦІЯ.
ПЛАГІАТЪ.
ТЕЛЕГРАММА.
УСЛУЖЛИВЫЕ ДРУЗЬЯ.
ПРАВОЖИТЕЛЬСТВО.

ИЗДАНІЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1911

ТИПОГРАФІЯ ЖУРНАЛА «САТИРИКОНЪ»
М. Г. КОРНФЕЛЬДА. СПБ., БАССЕЙНАЯ, 3—5.

САМОРОДОКЪ.

Мужичокъ Пантелей сидѣлъ на заваленкѣ и смотрѣлъ на рѣявшихъ въ небѣ птицъ.

— Ишь, шельмы, какъ крыльями дѣйствуютъ!—думалъ онъ съ уваженіемъ.

Смотрѣлъ онъ, смотрѣлъ и вдругъ озлился:

— Неразумная тварь въ небѣ летаетъ, а крещенный человѣкъ долженъ сидѣть на заваленкѣ, и ни но ему, ни тпру...

Сердитый вошелъ въ хату Пантелей, взялъ топоръ, пилу, рубанокъ, снова вышелъ во дворъ и принялся за работу.

— Такъ вотъ же и я полечу! — шепталъ онъ сквозь зубы.

Три дня онъ что-то рубилъ, пилилъ, стругалъ.

Три дня онъ ковалъ; три дня онъ вгонялъ во что-то аршинные гвозди.

И только на десятый день онъ, самодовольно усмѣхнувшись, сказалъ:

— Слава Богу! Машина готова. Теперь и я полечу.

Слухъ о готовящемся полетѣ въ одну минуту облетѣлъ деревню, и всѣ, отъ мала до велика, сбѣжались во дворъ Пантелея.

— Вотъ на этомъ полетишь? — спрашивали съ изумленіемъ крестьяне, тыча заскорузлыми пальцами въ летательный снарядъ, похожій не то на бочку, не то на лодку, не то на клѣть.

— Вотъ на этомъ и полечу.

— Вверхъ или внизъ?

— Понятно, вверхъ.

— Разсказывай!

Пошли шутки, смѣхъ, издѣвательства. Изобрѣтатель огрызался.

Началась, наконецъ, перебранка, которая неизвѣстно чѣмъ бы кончилась, если бы не появилось новое лицо—самъ старшина.

— Что за шумъ? — сердито рявкнуло начальство.

Ему объяснили въ чемъ дѣло.

Старшина съ кулаками набросился на Пантелея:

— А, такъ ты у меня летать! А на какомъ основаніи летать собираешься? «Бумага» есть?

Изобрѣтатель хотѣлъ что-то сказать,

но помѣшалъ старшина, давъ ему въ ухо.

— А ну-ка, братцы,—приказалъ старшина десятскимъ, — покажите ему, какъ мужики летаютъ.

Десятскіе растянули изобрѣтателя на изобрѣтенномъ имъ аппаратѣ, а старшина велѣлъ принести кнутъ и сталъ крестить его имъ, приговаривая:

— Будешь летать, чертовъ сынъ? Будешь?!

— Ой, не буду!—кричалъ, дрыгая ногами, воздухоплаватель: — ей-Богу, не буду!

Уставъ, старшина швырнулъ въ сторону кнутъ и приказалъ:

— Отвести въ станъ вмѣстѣ съ машиной...

Пантелея повели въ станъ пѣшкомъ. Для машины же пришлось запрячь въ подводу пару крѣпкихъ воловъ. Потомъ припрягли еще одну пару, т. к. одна пара не могла сдвинуть аппаратъ съ мѣста.

На слѣдующій день становому почтительно докладывали:

— Бомбиста привели.

— Бо-о-мбиста?

— Такъ точно, вашескородіе. Бонбу смастерилъ да на ней и полетѣть хотѣлъ.

— Что за глупости. Кто же на бомбѣ летаетъ?

— А вотъ, посмотрите, вашескородіе. Бонба на дворѣ лежитъ. Двѣ пары воловъ еле приволокли.

Становой подошелъ къ окну, увидѣлъ подводу, а на ней какой-то громадный деревянный предметъ и, пожавъ плечами, произнесъ:

— Ничего не понимаю!

— Это еще, вашескородіе, летательной машиной называется.

— Что-о-о!

Становой подскочилъ отъ неожиданности.

— Что же вы, дураки, молчали!—закричалъ онъ: — вѣдь, это воздушный корабль. Я сразу замѣтилъ... Вы, дураки, изобрѣтателя арестовали, великаго человѣка. Можетъ быть, гордость отечества? Сейчасъ освободить его и привести ко мнѣ!

Пантелея привели. Становой обласкалъ его, далъ двугривенный на чай и сталъ размышлять, куда бы направить его.

— Направлю къ предводителю дворянства. Онъ человѣкъ образованный и все сдѣлаетъ для блага отечества.

Становой отправилъ Пантелея къ предводителю, снабдивъ его слѣдующей запиской:

«Честь имѣю сообщить вашему гуманному высокородію, что сей мужичокъ, изобрѣтеніе коего превосходитъ всѣ изобрѣтенія Цеппелина, отысканъ мною. На мои, можно сказать, средства онъ и построилъ свою замѣчательную машину, летающую во сто разъ лучше всякой птицы, даже заграничной. Думаю, что было бы несправедливо, еслибы сіе осталось неизвѣстнымъ отечеству».

Двѣ пары воловъ флегматично потащили воздушный корабль въ уѣздный городъ.

Изобрѣтатель уже не шелъ пѣшкомъ, а гордо возсѣдалъ на своемъ аппаратѣ, какъ важный генералъ...

Однако, предводитель посмотрѣлъ на дѣло нѣсколько иначе.

— Если всѣ мужики начнутъ изобрѣтать дирижабли,—подумалъ онъ съ досадой,—то кто же будетъ землю пахать? Это не порядокъ.

Принялъ онъ поэтому Пантелея сурово.

Ты, что же это, братецъ, пустяками занимаешься? — спросилъ онъ изобрѣтателя.

Послѣдній молчалъ.

— Изобрѣтать воздушные корабли—

не твое, братецъ, дѣло. Твое же дѣло— землю пахать, а не въ небо смотрѣть.

Пантелей заикнулся было:

— Да какъ же ее пахать-то, землю-то ежели ея нѣту...

Но предводитель, нахмуривъ брови, закричалъ:

— А, такъ ты вотъ какія слова говоришь? Хорошо. Эй, люди! Отвезти его къ земскому.

Черезъ часъ двѣ пары воловъ снова тащили воздушный корабль по пыльной дорогѣ.

Изобрѣтатель снова плелся пѣшкомъ, окруженный стражниками.

Гдѣ теперь Пантелей, и что сталось съ его воздушнымъ кораблемъ—неизвѣстно.

Въ газеты проникъ слухъ о новомъ изобрѣтеніи русскаго самородка Пантелея, и поднялся шумъ.

Одни репортеры утверждали, что изобрѣтеніе это геніально, и корабль летаетъ, какъ птица.

Другіе, наоборотъ, вышучивали воздушный корабль и увѣряли, что самъ изобрѣтатель разочаровался въ своемъ изобрѣтеніи и продалъ свою машину на сломъ.

О мѣстопребываніи Пантелея ходятъ разнорѣчивые слухи.

Одни говорятъ, что живетъ на всемъ готовомъ у министра финансовъ и работаетъ 24 часа въ сутки надъ своимъ дѣтищемъ.

Другіе утверждаютъ, что Пантелей живетъ на всемъ готовомъ въ... тюрьмѣ.

Одни вѣрятъ въ успѣхъ русскаго самородка и хвастливо говорятъ:

— О, нашъ Пантелей еще утретъ носъ всѣмъ вашимъ Райтамъ и Цеппелинамъ.

— Дай Богъ нашему теляти волка поймати!—скептически язвятъ другіе.

Цеппелинъ же и Райтъ пока ждутъ и ходятъ съ неутертыми носами.

КРУГОВОРОТЪ.

Тайный совѣтникъ Вѣткинъ, бывшій директоръ очень важнаго департамента, уже лежалъ въ кровати, когда въ дверяхъ раздался робкій звонокъ.

— Кто тамъ?—послышался тоненькій, пискливый голосъ горничной.

— Телеграмма!— отвѣтилъ вкрадчивый баритонъ.

Послышался скрипъ открываемой двери, и черезъ минуту роскошная квартира тайнаго совѣтника Вѣткина наполнилась полицейскими, молодыми людьми въ гороховыхъ пальто, понятыми.

Впереди всѣхъ былъ самъ главный прокуроръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бамбуковъ.

Увидѣвъ Вѣткина, онъ низко поклонился и смущенно сказалъ!

— Извините, ваше превосходительство. Сами знаете, долгъ службы...

— Исполняйте свои обязанности, ваше

превосходительство! — спокойно и почти начальнически произнесъ Вѣткинъ.

Оба превосходительства пожали другъ другу руки.

Обыскъ продолжался всю ночь. Въ 7 часовъ утра отъ квартиры тайнаго совѣтника Вѣткина почти одновременно отъѣхали ломовикъ и карета.

Ломовикъ увезъ куда слѣдуетъ большой тюкъ книгъ и бумагъ.

Карета увезла въ «Кресты» тайнаго совѣтника Вѣткина.

II.

Ну, и усталъ же я, — думалъ прокуроръ Бамбуковъ, поднимаясь по лѣстницѣ въ свою квартиру:—была работа!

Онъ отперъ имѣющимся у него ключемъ дверь и... остолбенѣлъ.

Въ корридорѣ навстрѣчу ему поднялись два великана въ голубыхъ мундирахъ, звеня шпорами и шашками.

— Вамъ что угодно?—хотѣлъ спросить Бамбуковъ.

Но онъ сразу понялъ все, улыбнулся и прошелъ въ столовую.

Тамъ его съ обворожительной улыбкой встрѣтилъ еще сравнительно молодой генералъ въ новенькомъ голубомъ мундирѣ.

— Генералъ-маіоръ Ушатовъ! — отрекомендовался нежданный гость.

— Очень пріятно. Чѣмъ могу служить?

Генералъ какъ-то криво улыбнулся.

— Ваше превосходительство!—заговорилъ онъ, немного путаясь и сбиваясь:—наша служба... Сами знаете... Наша обязанность...

Бамбуковъ наклонилъ голову. Лицо его было спокойно, точно каменное, и ровно прозвучали его слова:

— Приступайте къ дѣлу, ваше превосходительство!..

Все было кончено только къ вечеру.

Въ 7 часовъ вечера генералъ Ушатовъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Бамбуковъ спускались по лѣстницѣ.

У подъѣзда стояли ломовикъ и карета.

— Кажется, тѣ самые, — промелькнуло въ головѣ у Бамбукова.

Черезъ минуту ломовикъ тащилъ «куда слѣдуетъ» новый тюкъ книгъ и бумагъ, а карета быстро мчала въ «Кресты» прокурора Бамбукова.

Не успѣлъ новый узникъ разглядѣть свою камеру, какъ услышалъ стукъ въ стѣнку.

— Вы кто? — спрашивалъ сосѣдъ по камерѣ:—я тайный совѣтникъ Вѣткинъ.

— А я дѣйствительный статскій совѣтникъ Бамбуковъ, — простучалъ прокуроръ.—Какъ пріятно!

И долго за полночь затянулось перестукиванье ихъ превосходительствъ.

III.

Прошло три дня. Генералъ-маіоръ Ушатовъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и думалъ грустную думу.

— Кажется, собирается надо мною гроза, — думалъ онъ, съ остервенѣніемъ теребя свой усъ.

Дѣйствительно, за послѣднее время косились на Ушатова.

— Кто изъ провокаторовъ набрехалъ?—ломалъ голову генералъ.

— Но всѣ провокаторы были одинаково ненадежны, одинаково подлы и одинаково готовы на предательство.

И генералъ отлично понималъ, что трудно опредѣлить, кто изъ нихъ наиподлѣйшій.

— А все-таки узнаю!—упорно рѣшилъ Ушатовъ.

Онъ нервно зашагалъ по комнатѣ. Вдругъ раздался звонокъ. Генералъ вздрогнулъ и прошепталъ, поблѣднѣвъ:

— Неужели?

Онъ не ошибся. Когда онъ вышелъ изъ кабинета, онъ лицомъ къ лицу стол-

кнулся съ тайнымъ совѣтникомъ Вѣткинымъ.

— Какъ, вы на свободѣ? — изумился генералъ.

— Да, на свободѣ. Сегодня освободили и вернули мнѣ департаментъ. Я къ вашему превосходительству...

Ушатовъ выпрямился по-военному, звякнулъ шпорами и почтительно произнесъ:

— Повиновеніе—мой девизъ...

Въ 7 часовъ утра тайный совѣтникъ Вѣткинъ и генералъ-маіоръ Ушатовъ распростились у подъѣзда.

Ломовикъ хлесталъ свою лошадь и помогалъ ей двинуться съ мѣста, подпирая сзади телѣгу.

— А вотъ и карета, — указалъ любезно тайный совѣтникъ Вѣткинъ — она очень удобна. Я ее знаю.

Генералъ Ушатовъ сѣлъ въ карету. Послѣдняя покатила въ «Кресты»...

Часа черезъ два онъ услышалъ стукъ въ стѣнку.

— Я дѣйствительный статскій совѣтникъ Бамбуковъ. А вы кто?

— Я генералъ-маіоръ Ушатовъ. Какъ я радъ.

— Вы сидите въ камерѣ Вѣткина, — сообщилъ Бамбуковъ.

— Вотъ какъ!—удивился генералъ.

Къ вечеру камера Бамбукова опустѣла.

— Прощайте, генералъ! — простучалъ Бамбуковъ:—меня освободили.

Генералъ смекнулъ:

— Должно быть, для ареста тайнаго совѣтника Вѣткина...

ПРОТЕКЦІЯ.

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ КАРТИНКА).

Молодой человѣкъ въ поношенной курткѣ съ блѣднымъ испитымъ лицомъ подалъ мнѣ письмо.

— Отъ Александрова! — сказалъ онъ, скромно улыбнувшись.

— А, отъ Александрова! Очень пріятно. Садитесь...

Съ Александровымъ, артистомъ съ весьма извѣстнымъ именемъ, я уже нѣсколько лѣтъ находился въ тѣснѣйшей дружбѣ, и я искренно обрадовался его письму.

Я нервно разорвалъ конвертъ и прочелъ:

«Милый! Горячо рекомендую тебѣ подателя сего. Онъ талантливый поэтъ, превосходно пишетъ фельетоны и передовицы; знаетъ отлично бухгалтерію; играетъ на скрипкѣ. Пристрой его куда-нибудь. У тебя большія связи въ газетномъ, артистическомъ и даже плутократическомъ

мірахъ. Я увѣренъ, что ты для меня сдѣлаешь это... Цѣлую тебя. Александровъ».

Пока я читалъ письмо, молодой человѣкъ скромно сидѣлъ противъ меня и улыбался.

— Вы давно знакомы съ Александровымъ?—спросилъ я.

— Съ Александровымъ?..

Молодой человѣкъ густо покраснѣлъ.

— Недавно... Вчера познакомились...

— Неужели только вчера? Вѣдь онъ пишетъ о васъ такъ, какъ будто знаетъ васъ съ дѣтства... Кто же васъ познакомилъ?

Молодой человѣкъ виновато опустилъ глаза.

— Это цѣлая исторія... Позволите взять папироску?

— Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе.

Молодой человѣкъ придвинулъ къ себѣ мой портсигаръ и нѣсколько секундъ выбиралъ папиросу, хотя всѣ онѣ были одинаковы и похожи другъ на дружку, какъ... одна папироса на другую.

— Если хотите, я вамъ разскажу все сначала.

— Пожалуйста.

Молодой человѣкъ закурилъ папиросу, съ наслажденіемъ затянулся дымомъ и сталъ разсказывать.

...Пріѣхалъ я сюда недѣли двѣ тому

назадъ и привезъ съ собой рекомендательное письмо къ одному земляку отъ его близкаго друга.

Землякъ принялъ меня очень любезно. Угостилъ чаемъ, предложилъ папиросу и сказалъ:

— Я человѣкъ маленькій. Я всего на всего биржевой маклеръ. Что я могу для васъ сдѣлать? Напишу вамъ письмо къ моему доброму знакомому — помощнику пристава. Онъ черезъ меня купилъ когда-то бумаги и выигралъ на нихъ нѣсколько тысячъ. Ради меня онъ для васъ все сдѣлаетъ.

Мой землякъ написалъ очень горячее рекомендательное письмо. Прочитавъ его, помощникъ пристава воскликнулъ:

— А, а, очень радъ! Къ сожалѣнію...

Помощникъ пристава наморщилъ лобъ.

— Къ сожалѣнію, у насъ все занято... Положительно, ничего придумать не могу. Впрочемъ...

Лицо помощника пристава просіяло.

— Впрочемъ, я вамъ могу написать письмо къ Антонову... Онъ директоръ театра. У него, вѣроятно, мѣсто найдется, а для меня онъ все сдѣлаетъ...

Директоръ театра принялъ меня очень любезно, но искренно сокрушался:

— Для г. помощника пристава все го-

товъ сдѣлать, но положительно ничего не могу придумать... Развѣ...

Антоновъ вдругъ радостно воскликнулъ:

— Знаете что? Я вамъ напишу письмо къ Эльвирѣ Альбертовнѣ. Это наша примадонна. Въ нее влюбленъ банкиръ Архиплутовъ. Вотъ счастливая мысль! Для меня Эльвира Альбертовна все сдѣлаетъ.

Примадонна приняла меня очень любезно. Угостила чаемъ, предложила папироску и даже погладила по волосамъ.

— У васъ,—сказала она съ грустью,— лицо такое молодое, а волосы сѣдые. А у Архиплутова моего наоборотъ — лицо старое, старое, а волосы, какъ вороново крыло. Впрочемъ...

Она мило разсмѣялась.

— Впрочемъ, это отъ того, что онъ парикъ носитъ...

Полчаса она разспрашивала меня о моихъ родныхъ, о житьѣ-бытьѣ... Потомъ написала очень горячее письмо и, вручая его мнѣ, съ увѣренностью сказала:

— Онъ васъ устроитъ. Будьте спокойны!

Сначала Архиплутовъ меня принялъ очень не ласково, но, прочитавъ письмо Эльвиры Альбертовны, обнялъ меня за

талію и усадилъ противъ себя и предложилъ папиросу.

— Какъ мнѣ хочется васъ устроить! Какъ мнѣ хочется васъ устроить!—искренно повторилъ нѣсколько разъ банкиръ:— Къ сожалѣнію, все у меня переполнено. Право, не знаю, что мнѣ дѣлать съ вами.

Я поднялся, чтобы уйти, но банкиръ схватилъ меня за руку.

— Постойте!—почти съ испугомъ закричалъ онъ,—я такъ отпустить не могу. Желаніе Эльвиры Альбертовны я долженъ исполнить... Знаете что?

Банкиръ повеселѣлъ.

— Я вамъ напишу письмо къ Ратмирову... Знаете Ратмирова? Это извѣстный театральный рецензентъ. У него большія связи... А мнѣ ради Эльвирочки онъ обходится... виноватъ, приходится кумомъ... Онъ для меня все сдѣлаетъ.

Ратмировъ принялъ меня очень любезно. Угостилъ чаемъ предложилъ папиросу...

— Очень хочется мнѣ вамъ помочь!— сказалъ онъ искренно:—вижу, вы молодой человѣкъ талантливый, да и рекомендація у васъ отличная. Архиплутовъ! Знаете, у него больше пяти милліоновъ... Но что-же придумать для васъ?..

Онъ сталъ тереть свой лобъ, и, наконецъ, радостно воскликнулъ:

— Я вамъ дамъ письмо къ Александрову. Онъ послѣ завтра выступаетъ въ отвѣтственной роли... Думаю, что мнѣ онъ не откажетъ...

Александровъ принялъ меня очень любезно. Угостилъ чаемъ, предложилъ папиросу.

— Для Ратмирова все сдѣлаю!—воскликнулъ онъ съ паѳосомъ:—все...

Но тутъ-же онъ смутился.

— Но у насъ положительно ничего нѣтъ,—добавилъ растерянно: — На мѣсто сторожа двадцать кандидатовъ...

Александровъ сталъ шагать по комнатѣ. Вдругъ онъ просвѣтлѣлъ.

— Знаете что,—воскликнулъ онъ радостно,—я вамъ напишу письмо...

И вотъ онъ написалъ вамъ...

— Бѣдный молодой человѣкъ! — вырвалось у меня.

Мнѣ было отъ души жалко этого несчастнаго молодого человѣка въ потертой курткѣ.

— Надо ему помочь!—рѣшилъ я мысленно.

Я спросилъ его:

— Вы пишите стихи?

Молодой человѣкъ улыбнулся.

— Пишу слабо. Это г. Александровъ прибавили отъ себя, чтобы васъ заин-

тересовать. Бухгалтерію дѣйствительно знаю.

— Это и чудесно! У меня есть знакомый коммерсантъ... Я вамъ напишу къ нему письмо...

Молодой человѣкъ опустилъ глаза.

— Не думайте,—сталъ я горячиться,— что это письмо будетъ похоже на всѣ тѣ письма, которыя вамъ до сихъ поръ никакой пользы не принесли. Я вамъ напишу письмо къ скромному честному коммерсанту. Онъ не богатъ, но у него крупныя коммерческія связи. Кромѣ того, у него прекрасное чуткое сердце. Словомъ, вы увидите...

Я нервно сталъ набрасывать на бумагу строчку за строчкой. Письмо вышло теплое, убѣдительное.

— Вотъ вамъ!—сказалъ я, запечатывая письмо:—пойдите сегодня-же. Я увѣ...

Но въ эту секунду глаза молодого человѣка скользнули по адресу, и губы его сложились въ ироническую улыбку.

— Вы знаете адресата? — спросилъ я не безъ огорченія.

— Знаю... Вѣдь это мой землякъ... Тотъ самый биржевой маклеръ, къ которому я привезъ первое письмо...

Нѣсколько секундъ мы сидѣли съ опущенными глазами, боясь встрѣтиться взглядами...

ПЛАГІАТЪ.

I.

Отъ редактора популярнаго журнала «Ни къ чему» я получилъ слѣдующее письмо:

«Дорогой Иголкинъ!

Завтра къ семи часамъ вечера мнѣ необходимо имѣть Вашъ разсказъ въ 3—4 печатныхъ листа. Пожалуйста, по полученіи сего немедленно садитесь писать. Надѣюсь, что не подведете. Чтобы пріохотить Васъ къ работѣ, — посылаю то, что Вамъ дороже всего въ мірѣ—авансъ. Посылаю 10 рублей. Вмѣстѣ съ прежними авансами теперь будетъ считаться за Вами 18 рублей.

Вашъ Иванъ Хапугинъ».

Писатель бездарный на моемъ мѣстѣ растерялся-бы, но я, славу Богу, человѣкъ талантливый и съ увѣренностью въ себѣ сейчасъ же приступилъ къ работѣ.

Открывъ книжный шкафъ, я вынулъ прошлогоднія книжки того-же журнала «Ни къ чему», взялъ первый попавшійся подъ руку разсказъ, одного изъ нашумѣвшихъ, а потомъ забытыхъ, «молодыхъ» и, не теряя времени, принялся его списывать.

Всю ночь я вдохновенно переписывалъ чужой разсказъ. Къ утру кончилъ, подписалъ свою фамилію и послалъ редактору.

Разсказъ былъ прочитанъ съ восхищеніемъ и напечатанъ съ удовольствіемъ.

Назывался онъ «Пучекъ розогъ» и былъ взятъ изъ жизни мазохистовъ и садистовъ.

II.

Прошло мѣсяца два, въ теченіе которыхъ критики, съ одной стороны, находили меня невѣроятно бездарнымъ, но, съ другой стороны, признавали во мнѣ геніальный талантъ.

Нѣсколько ученыхъ прочли лекціи о «Пучкѣ розогъ» въ университетѣ, на акушерскихъ курсахъ, въ гинекологическомъ институтѣ и въ Зоологическомъ саду.

Одни доказывали, что мнѣ нужно поставить памятникъ; другіе приглашали истинныхъ любителей литературы выве-

сти меня на площадь и сжечь вмѣстѣ съ моимъ «Пучкомъ розогъ».

А въ началѣ третьяго мѣсяца, случайно открывъ книжку одного почтеннаго журнала, я наткнулся на слѣдующія строки.

«Нахальный плагіатъ».

Г. Иголкинъ, писатель довольно извѣстный, можно сказать — знаменитый, оказался просто на-просто наглымъ воришкой. Его разсказъ «Пучекъ розогъ»...

— Неужели, все раскрыто?—подумалъ я съ тоской:—Самъ авторъ не догадался...

Сердце сжалось у меня. Я продолжалъ читать:

... «Его разсказъ «Пучекъ розогъ»— обыкновенное воровство. Г. Иголкинъ слово въ слово перекаталъ его у американскаго писателя Джонъ-Вонъ-Лая, современника Колумба».

— У американца укралъ... Ну, слава тебѣ, Господи!

Я облегченно вздохнулъ.

— Такъ вотъ почему обворованный мною «молодой» молчалъ! Ха-ха-ха! Онъ самъ его слямзилъ... Вотъ мерзавецъ!

Я весело дочиталъ статью. Критикъ писалъ:

... «Авторъ «Пучка розогъ» только перемѣнилъ имена героевъ. Все же осталь-

ное онъ оставилъ по-прежнему. У Джона-Вона написано: «Мистеръ Самъ-Клопъ со злостью пригнулъ къ землѣ голову мистриссъ Бэби Клопихи и, пожираемый ревностью, закричалъ: «Признайся, ты измѣняешь мнѣ. Тебя поретъ другой». Мистриссъ Клопиха молчала».

У г-на же Иголкина такъ: «Со злостью Викторъ Капуста пригнулъ къ землѣ голову Элеоноры Капусты и, пожираемый ревностью, зарычалъ: «Признайся, тварь, что ты измѣнила мнѣ съ Аркадіемъ Варенькомъ. Я самъ видѣлъ, какъ ты зашла въ его комнату, изъ которой сейчасъ же сталъ доноситься свистъ розогъ».

— Чертъ съ нимъ!—сказалъ я равнодушно:—У американца украсть не грѣхъ. Конвенціи литературной нѣтъ.

И успокоился.

III.

Прошло еще два мѣсяца. Я сталъ уже забывать исторію съ плагіатомъ, какъ вдругъ мнѣ напомнила о ней прекрасная Франція.

Одинъ французскій журналистъ вдругъ ни съ того, ни съ сего выпалилъ въ своей газетѣ слѣдующее:

«Въ одномъ изъ русскихъ журналовъ разбирается разсказъ американскаго писателя Джонъ-Вонъ-Лая, прославившагося

тѣмъ, что онъ умеръ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Разсказъ называется «Пучекъ розогъ» и появился въ Россіи въ переводѣ какого-то Иголкина.

Можемъ сообщить почтенному русскому журналу, что американскій писатель совершилъ гнусную кражу у нашего соотечественника, современника Хлодвига.

Имя этого писателя—Жанъ де-Валяй. Нужно обладать американской наглостью, чтобы безсовѣстно воровать.

Французы! Рекомендуемъ вамъ при встрѣчѣ съ американцами беречь карманы».

— Это возмутительно!—вырвалось у меня: Такъ нагло красть! Протянулъ руку чрезъ океанъ — и обокралъ француза. Этому преступленію нѣтъ имени.

IV.

— Слышалъ?—спросилъ меня пріятель, встрѣтивъ въ редакціи журнала «Плюнь да выпиши».

— Нѣтъ, не слышалъ. Въ чемъ дѣло?

— Германія изобличаетъ Францію въ литературномъ воровствѣ.

— Это интересно. Разскажи.

Пріятель началъ разсказывать:

Какой-то французъ написалъ разсказъ...

— «Пучекъ розогъ»? — вырвалось у меня.

Пріятель удивился.

— А ты почему знаешь?

Я прикусилъ языкъ.

— Да такъ, кое-что слыхалъ... Продолжай.

Пріятель продолжалъ:

— Оказывается, что этотъ разсказъ украденъ французомъ у нѣмецкаго писателя Бирвурста, погибшаго въ войнѣ германцевъ съ гуннами. Вотъ каковы веселые французы!

— Да, нравы!—согласился я.

Болѣе часа мы возмущались безцеремонностью французскихъ писателей.

V.

Между Германіей и Англіей пробѣжала черная кошка.

Политическій горизонтъ все больше и больше заволакивался грозными тучами.

Искали причинъ, но не находили. И Германія, и Англія хранили строгое молчаніе.

Сосѣднія державы почти на колѣняхъ умоляли враговъ:

— Только безъ войны! Война—пережитокъ варварства. Культурные народы не смѣютъ воевать.

Втихомолку-же сосѣди шептались между собой:

— Вы думаете, что эти трусы подерутся? Куда имъ! Только пѣтушиться умѣютъ, а драться не посмѣютъ.

Наконецъ, стала извѣстна и причина. Одной большой австрiйской газетѣ удалось узнать ее. Вотъ, что она сообщила:

— «Невѣроятную гадость совершила Германiя по отношенiю къ Англiи. Одинъ нѣмецкiй писатель Бирвурстъ забрался ночью въ лондонскую публичную библiотеку,—укралъ разсказъ популярнаго англiйскаго писателя сэра Стэда-Велоси-Пэда «Пучекъ розогъ» и напечаталъ его за своею подписью. Оскорбленная Англiя двинула свой флотъ въ нѣмецкiя воды. Будетъ война...»

Обошлось къ явной радости и тайной горечи народовъ, безъ войны.

Состоялась, только дуэль между двумя представителями англiйскихъ и нѣмецкихъ писателей.

Стрѣлялись. Дистанцiя была—Ламаншъ. Къ счастью, противники не ранили другъ друга, хотя долго цѣлили другъ другу въ грудь.

Благодаря чуду, оба остались живы.

VI.

Недѣли чрезъ три послѣ кровавой англогерманской дуэли я получилъ отъ редактора журнала «Ни къ чему» новое письмо. Онъ писалъ:

«Дорогой Иголкинъ!

Вы теперь прославились на весь міръ. Посылаю вамъ итальянскую газету «Джузепие Ансельми». Прочитайте, что пишутъ про васъ. Да не возгордитесь!..

Вашъ Хапугинъ».

Я взялъ газету и прочелъ:

«Надѣлавшій столько шуму разсказъ «Пучекъ розогъ» чуть не вызвалъ войны между Германіей и Англіей.

Францція, Америка, Англія, Германія, Австрія и Испанія едва не перегрызлись, доказывая, что «Пучекъ розогъ» написанъ впервые ихъ соотечественникомъ. Оказывается, всѣ народы врали.

Какъ намъ удалось установить, «Пучекъ розогъ» впервые появился въ Россіи, въ странѣ медвѣдей и клюквы. Авторъ этого разсказа — Иголкинъ, жившій въ Петербургѣ за два вѣка до Рождества Христова».

— Сколько-же мнѣ лѣтъ! — воскликнулъ я съ изумленіемъ.

Но раздумывать мнѣ было некогда. Нужно было ковать желѣзо, пока горячо... Нужно было немедленно бѣжать въ «Ни къ чему» и требовать, въ виду моей популярности, прибавки гонорара...

ТЕЛЕГРАММА.

Въ 12 часовъ ночи въ квартирѣ свободнаго россійскаго гражданина Антона Антоновича Обывателева раздался рѣзкій звонокъ.

— Кто это можетъ быть?—подумалъ Обывателевъ.

— Можетъ быть, экспропріаторы!—въ ужасѣ прошептала г-жа Обывателева.

Обывателевъ подошелъ къ двери и, не открывая ее, спросилъ:

— Кто тамъ?

— Телеграмма!—послышалось за дверью

Обывателевъ, какъ ошпаренный, отпрянулъ отъ двери.

— Затопите печь! — закричалъ онъ женѣ и горничной. — Да скорѣй, поворачивайтесь.

Женщины подняли на Обывателева недоумѣвающіе глаза.

— Скорѣй, говорю вамъ!—волновался Антонъ Антоновичъ.—Это обыскъ. Всегда

это такъ. Когда приходятъ для обыска говорятъ, что телеграмма...

Г-жа Обывателева поблѣднѣла, какъ полотно.

— Нечего мѣшкать, — торопилъ Обывателевъ,—вы разводите огонь, а я начну отбирать нелегальныя книги и рукописи.

— Да у насъ вѣдь ничего нѣту...

Обывателевъ презрительно усмѣхнулся.

— Это ты такъ думаешь. Откуда въ наше время извѣстно, что легально и что нелегально.

Огонь въ печкѣ быстро запылалъ. Обывателевъ принесъ нѣсколько книгъ и швырнулъ ихъ въ огонь.

— Это какія книги? — спросила г-жа Обывателева.

— Толстого «Анна Каренина», «Война и миръ», «Дѣтство».

— Такъ они вѣдь разрѣшены.

— Мало, что разрѣшены. И портреты его разрѣшены къ печати, а повѣсь портретъ въ какой-нибудь библіотекѣ или чайной! Покажутъ тебѣ Толстого.

Жена вздохнула.

— Теперь мы Лермонтова въ огонь...

— Лермонтова!? Господь съ тобою. Академія издаетъ...

— И пусть себѣ издаетъ на здоровье. Академію въ тюрьму не посадятъ, а меня

могутъ посадить. Кому же не извѣстно, что Лермонтовъ былъ въ ссылкѣ.

Огонь охватилъ Лермонтова со всѣхъ сторонъ и быстро превратилъ въ пепелъ.

Еще рѣзче затрещалъ звонокъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!—закричалъ Обывателевъ.—Одѣваемся.

Новая охапка книгъ полетѣла въ печку.

— «Ниву» принеси,—командовалъ Обывателевъ.—Скорѣе «Ниву». Она за 1905 годъ. Понимаешь, за 1905 годъ! За это одно въ «Крестахъ» сгніешь. Живѣе въ огонь.

«Ниву» лизнулъ огонь и потухъ, точно встрѣтилъ бочку съ водой.

— Спички, спички! Гдѣ спички? — заоралъ Обывателевъ.

Огонь снова затрещалъ и съ изумленіемъ сталъ пожирать «Ниву».

— Теперь подавай письма! — приказалъ Обывателевъ.

Г-жа Обывателева развела руками.

— Какія же у насъ письма? Отъ Коли нѣсколько писемъ.

— Давай эти письма. Коля—студентъ. Не хочу, чтобы знали, что у меня сынъ студентъ. За это не похвалятъ. Давай письма.

Пачка писемъ полетѣла въ огонь.

— Что еще есть?

— Письма Олечки, — упавшимъ голосомъ сказала г-жа Обывателева.—Пишетъ, что уроковъ нѣтъ. Денегъ проситъ.

— Денегъ проситъ? «А на что,—скажутъ,—молодой дѣвушкѣ деньги? Бомбы, вѣроятно, дѣлаетъ». Въ огонь Олечкины письма. Больше ничего нѣтъ?

— Есть...

Г-жа Обывателева покраснѣла.

— Есть твои письма... Тѣ, которыя ты писалъ, когда былъ моимъ женихомъ...

— Давай сюда.

Г-жа Обывателева принесла толстую пачку, перевязанную розовой ленточкой. Слезы дрожали на ея рѣсницахъ.

— Антоша! — умоляюще прошептала она. — Вѣдь въ этихъ письмахъ ничего нѣтъ противъ правительства...

— Ничего нѣтъ? А это что?

Обывателевъ сорвалъ розовую ленточку и прочелъ:

— «Дорогая моя, возлюбленная! Съ каждымъ днемъ моя любовь къ тебѣ растетъ»...

Онъ побѣдоносно посмотрѣлъ на жену.

— Слышишь, что написано моей рукой: «Любовь моя къ тебѣ растетъ». Любить нужно только свое отечество. А ты мнѣ не отечество, а жена... За это, братъ, по головкѣ не погладятъ.

За дверью послышался нетерпѣливый стукъ.

— Что, они вымерли всѣ!—произнесъ грубый голосъ.

— Ломаютъ дверь!—пронеслось въ головѣ Обывателева.

Онъ бросилъ послѣднюю охапку книгъ въ огонь и закричалъ:

— Сію минуту открываемъ.

Антонъ Антоновичъ поправилъ усы.

— Теперь волноваться нечего! — сказалъ онъ женѣ.—Одинъ Мартынъ Задека остался. Это не опасно. Впрочемъ...

Обывателевъ схватилъ Мартына Задеку и бросилъ въ огонь.

— Этакъ все-таки безопаснѣе! — сказалъ онъ, улыбнувшись. — Теперь пусть войдутъ. Не блѣднѣй только, милая. Увидятъ блѣдность и подумаютъ Богъ знаетъ что. Да и блѣднѣть нѣтъ причины. Жандармы очень вѣжливы при обыскахъ. Никакихъ нехорошихъ словъ не услышишь отъ нихъ.

Обывателевъ открылъ двери и, низко наклонившись, произнесъ пріятнымъ голосомъ:

— Милости просимъ господа!

— Распишитесь!—услышалъ онъ грубый отвѣтъ.

Обывателевъ поднялъ голову и вмѣсто

жандармовъ увидѣлъ предъ собой настоящаго всамдѣлишняго почтальона.

— Получите телеграмму и распишитесь!—повторилъ почтальонъ.

— Дуррракъ!—закричалъ въ сердцахъ Обывателевъ. — Какъ ты смѣешь людей обманывать! Кричишь «телеграмма», чтобы думали, что обыскъ. Но вѣдь у тебя, чортъ побери, дѣйствительно телеграмма. Что же ты, дуракъ, молчалъ?

Почтальонъ стоялъ красный, какъ ракъ, ничего не понимая.

Въ углу всхлипывала г-жа Обывателева. Многострадальная русская женщина оплакивала Толстого, «Ниву» за 1905 годъ, пачку писемъ, перевязанную розовой ленточкой, Мартына Задеку и Лермонтова въ академическомъ изданiи.

УСЛУЖЛИВЫЕ ДРУЗЬЯ.

Писатель Иванъ Ивановичъ Окуровъ, краса и гордость «молодой» литературы, отправился путешествовать.

До Вильны Окуровъ доѣхалъ благополучно, безъ всякихъ приключеній. Потомъ началось...

Прежде чѣмъ подойти къ вокзалу, локомотивъ, по своей глупой привычкѣ, свистнулъ.

Свистъ услышалъ одинъ изъ репортеровъ мѣстныхъ газетъ, который и сказалъ себѣ:

— Надо пойти на вокзалъ. Можетъ быть, прибывшій поѣздъ привезъ мнѣ нѣсколько строчекъ.

На вокзалѣ репортеръ увидѣлъ Окурова и, не говоря худого слова, бросился къ телеграфу, и черезъ четверть часа болтливый телеграфъ сообщилъ Петербургу слѣдующую сенсаціонную новость:

«Вильна. Равнодушный поѣздъ куда-то везетъ знаменитаго Ивана Окурова.

Воспользовавшись двадцатиминутной остановкой поѣзда, писатель прослѣдовалъ въ буфетъ, чтобы на мѣстѣ изучить бытъ и нравы Полѣсья.

Выпивъ пять рюмокъ водки и такое же количество бутылокъ пива, талантливый Окуровъ прослѣдовалъ обратно въ вагонъ, вполнѣ довольный своими наблюденіями.

Носятся слухи, что подъ Жмеринкой у нашего Окурова зародилась мысль написать повѣсть изъ жизни виленскихъ буфетчиковъ.

Повѣсть будетъ называться «Комета Галлея», или какъ-то иначе, но въ этомъ родѣ.

Газеты съ восторгомъ напечатали телеграмму «отъ собственнаго корреспондента».

— Проснулся нашъ левъ! — говорили съ гордостью у «Давыдки».—Онъ себя покажетъ!

Въ одной газетѣ появилась по этому поводу большая, привѣтственная статья подъ заглавіемъ: «Праздникъ литературы».

— Радуйся, читатель! — приказывалъ авторъ статьи. — На тебя идетъ снова Окуровъ. Онъ покажетъ твою мелкую душенку. Онъ вывернетъ наизнанку твое подлое, заплывшее жиромъ, обыватель-

ское сердце. Онъ сфотографируетъ твой тупой мозгъ. Радуйся, читатель.

«Собственный критикъ» этой газеты немедленно облачился въ ризы и благоговѣйно сталъ служить молебенъ Окурову.

— На-а-шъ пи-са-тель на-пи-салъ повѣсть! Аллилуя!—запѣлъ онъ своимъ небольшимъ, но благоуханнымъ теноркомъ.

А кончивъ молебенъ, онъ смиренно произнесъ небольшое слово:

— Братіе!—изрекъ критикъ.—Не вѣрю я только, чтобы повѣсть называлась «Комета Галлея». Окуровъ—русскій писатель и такъ написать не могъ, т. к. по-русски нужно писать «Галлейская комета». Думаю, что телеграфъ перепуталъ или телеграфная проволока была родственницей Юшкевича Семена...

— Вѣрно! Вѣрно!—закричали вдругъ нѣсколько голосовъ изъ квартиры Ходотова.

Кто-то уже высунулъ изъ окна свое національное лицо и поднялъ кулакъ.

Но тутъ подоспѣла новая телеграмма. Она гласила:

«Царевококшайскъ. Прибылъ И. И. Окуровъ. Желая изучить трактирные нравы, знаменитый писатель отправился въ мѣстныя «Вѣдомости», гдѣ весь-

ма милостиво бесѣдовалъ съ сотрудниками и наборщиками.

Во время бесѣды Окуровъ вдругъ поблѣднѣлъ и, съ перекошеннымъ отъ вдохновенія лицомъ, крикнулъ:

— Бумагу!

Едва успѣли принести бумагу, какъ знаменитый писатель припалъ къ столу и началъ писать нервно, быстро, вдохновенно.

Черезъ полчаса былъ готовъ романъ въ трехъ частяхъ. Въ «Царевококшайскихъ Вѣдомостяхъ» этотъ романъ и будетъ напечатанъ».

— Вотъ это талантъ! — заорали въ «Вѣнѣ» и въ столичныхъ газетахъ.—Шутка ли, въ полчаса романъ въ трехъ частяхъ!..

— Можетъ быть, еще врутъ!—стали сомнѣваться нѣкоторые.

Но вторая телеграмма изъ Царевококшайска быстро зажала ротъ скептикамъ. Собственный корреспондентъ одной газеты сообщилъ:

«Повѣсть Окурова (а не романъ въ трехъ частяхъ, какъ сообщали газеты) уже набирается. Намъ не удалось узнать ея содержанія, но можемъ засвидѣтельствовать, что новая повѣсть Окурова—геніальное произведеніе. Въ два часа (а не въ полчаса, какъ сообщали газеты) на-

писать геніальную повѣсть! Это непостижимо! Это грандіозно!»

Къ этой телеграммѣ редакція сдѣлала примѣчаніе:

«Идя навстрѣчу нашимъ читателямъ, мы рѣшили не останавливаться ни передъ какими расходами и напечатать новую повѣсть Окурова раньше всѣхъ остальныхъ газетъ. Въ день появленія повѣсти въ «Царевококшайскихъ Вѣдомостяхъ» она слово въ слово будетъ намъ передана по телеграфу. Какъ видитъ читатель, мы постоянно стараемся дать ему самые свѣжіе продукты современной литературы».

Не успѣли читатели прійти въ себя отъ щедрости издателя, какъ появилась третья телеграмма:

«Царевококшайскъ. Новый разсказъ (а не повѣсть, какъ сообщали газеты) Окурова будетъ напечатанъ въ ближайшее воскресенье. Эта прелестная миніатюра называется «Въ ресторанѣ». Геніальный Окуровъ написалъ ее, шутя, въ какіе-нибудь 4-5 часовъ (а не въ два часа, какъ сообщали газеты). По телеграфу передамъ немедленно для напечатанія».

И дѣйствительно, написанная шутя, въ 4-5 часовъ, миніатюра Окурова была передана по телеграфу въ Петербургъ.

«Идя навстрѣчу нашимъ читателямъ», мы также помѣщаемъ эту прелестную миніатюру цѣликомъ:

Въ ресторанѣ.

Уголъ Владимірской и Загороднаго проспекта.

Сижу за столикомъ и пью пиво. У лакеевъ подъ мышками салфетки. Между тѣмъ, оттепель, и моросить дождь. Бутербродъ съ икрой—четвертакъ. Икра черная. Хлѣбъ бѣлый.

Лакеямъ за ужинъ всѣ платятъ. Когда-же не платятъ—бьютъ и выкидываютъ изъ ресторана. Таковъ обычай, освященный вѣками. А я сижу и думаю: не ресторанъ-ли и вся наша земля? И Марсъ—ресторанъ; Юпитеръ — ресторанъ. А Венера — еще хуже»...

И еще я думаю: «Вся жизнь—борьба съ лакеями. Всегда имъ надо платить. А когда не платишь лакеямъ, они бьютъ и выкидываютъ изъ ресторана».

Конченъ ужинъ, и самое главное счастье въ моей жизни прошло. Обѣдать тоже хорошо, но это ужъ не то...

П. Окуровъ.

Читатели читали и смаковали каждое слово.

— Какая психологія! — восхищались курсистки.

— А какая великая проповѣдь свободы!—восторгались студенты.

— Сколько мученичества сквозитъ въ каждомъ словѣ!—благоговѣйно шептали старые шестидесятники.

Критики хотѣли написать что-то ругательное, но жены ихъ пронюхали про это и спрятали перья, чернила и бумагу.

— Семьи тебѣ не жалко!—укоряла каждая жена Богомъ даннаго ей критика:— Противъ Окурова идешь... Тоже смѣльчакъ выискался.

А «услужливые друзья» въ это время сидѣли и выдумывали новую сенсацію.

«ПРАВОЖИТЕЛЬСТВО»

Въ вагонѣ тѣсно и душно. Пахнетъ селедкой, кожей и потомъ. На скамьяхъ пыль, грязь и копоть. Копоть и на лицахъ, и на рукахъ пассажировъ.

— Во второмъ классѣ куда лучше! — говоритъ, ни къ кому не обращаясь, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати съ черной небольшой бородкой на блѣдныхъ и впалыхъ щекахъ.

— Почему же вы не поѣхали во второмъ?—спрашиваетъ съ усмѣшкой сидящій рядомъ съ нимъ юноша лѣтъ двадцати:—должно быть, ошиблись классомъ...

Черный съ улыбкой смотритъ на юношу.

— Почему я не поѣхалъ вторымъ... Поѣдешь вторымъ классомъ, когда тебя въ 24 часа изъ города.

— А васъ выслали?

Черный заерзалъ на скамьѣ.

— Выслали?.. Тоже вопросъ. Какой же еврей теперь самъ куда-либо выѣзжа-

етъ по своей собственной волѣ?.. Вотъ и я ѣду.

— За что же васъ выслали?

— За то, что торговлей занимался.

— Вы шутите, конечно.

— Ничуть.

Онъ закурилъ папироску и сталъ объяснять причины своей высылки.

— Я, — началъ онъ, — дантистъ. Но такъ какъ семья у меня большая, а денегъ на покупку кабинета у меня не было, нѣтъ и не будетъ, то я и взялъ представительство отъ одной фирмы. Не все ли равно, думалъ я, министрамъ и губернаторамъ, чѣмъ я занимаюсь — рву зубы или распространяю товары почтенныхъ торговыхъ фирмъ. Оказалось, однако, что не все равно... Въ одинъ прекрасный день меня позвали въ участокъ и говорятъ: «или рви зубы, или же маршъ изъ города въ 24 часа».

— Позвольте, — говорю, — ваше благородіе! Какъ же я буду зубы рвать, когда у меня ни кресла, ни щипцовъ, ни паціентовъ нѣтъ.

— Намъ нѣтъ дѣла до этого, — отвѣтили тамъ мнѣ. — Разъ ты еврей — занимайся зубоврачеваніемъ. Впрочемъ, вы, евреи, всегда мошенничаете. Говорите, что у васъ благородныя занятія, а на самомъ дѣлѣ, торговлей занимаетесь.

Разсказчикъ затянулся папироской, выпустилъ изъ носа дымъ и спросилъ юношу:

— А васъ за что выслали?

Юноша съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Позвольте, изъ чего вы взяли, что меня выслали?

— Неужели вы думаете, что для этого нужно быть пророкомъ? Вѣдь, вы еврей, значитъ, высланы.

Юноша улыбнулся.

— Вы угадали, — сказалъ онъ,—меня выслали. Знаете за что?

— Скажите, тогда я буду знать.

— Выслали за то, что торговлей не занимался.

Дантистъ подпрыгнулъ отъ изумленія.

— Какъ! — воскликнулъ онъ:—Меня выслали за то, что занимался торговлей, а васъ за то, что вы не занимались торговлей. Что же это такое!..

Юноша придвинулся ближе къ дантисту и началъ:

— Я—экстернъ. Пріѣхалъ я учиться, но такъ какъ права жительства у меня не было, то я и взялъ у знакомаго купца довѣренность и приказчичье свидѣтельство. Пріѣхалъ, послалъ въ участокъ документы, а на слѣдующій день получаю повѣстку: пожалуйте, молъ, господинъ ку-

пецъ, въ участокъ. Пришелъ. Выходитъ помощникъ пристава. Спрашиваетъ:

— Чѣмъ изволите торговать?

— Бѣльемъ «монополь», ваше высокородіе. Вотъ и въ довѣренности написано: «Разрѣшаю продавать и покупать за наличныя» и т. д.

— Покупаете, значитъ и продаете?

— Покупаю и продаю.

— А гдѣ думаете покупать?

Тутъ я немного смутился. Но сейчасъ же оправился. Все одно, думаю, пропадать. Дай хоть посмѣюсь надъ его высокородіемъ. Спокойно отвѣчаю:

— Покупаю-съ у Леонида Андреева.

Сошло.

— А кому продаете?

— Куприну, Сологубу, Арцыбашеву.

Начальство подумало и отпустило меня съ миромъ. Но черезъ два дня меня опять пригласили въ участокъ и заявили:

— Извольте убраться изъ города.

— За что, помилуйте?..

— По наведеннымъ нами справкамъ оказалось, что такихъ фирмъ, какія вы назвали, и на свѣтѣ нѣтъ.

И добавилъ убѣжденно:

— Впрочемъ, вы всѣ мошенники. Говорите, что торговлей занимаетесь, а на самомъ дѣлѣ чортъ знаетъ чѣмъ занимаетесь, учитесь... Надувалы!

Къ разговаривающимъ въ это время подошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ. Когда экстернъ кончилъ, онъ кашлянулъ и заговорилъ:

— Васъ, г. дантистъ, выслали за то, что вы да занимались торговлей; васъ г. экстернъ, выслали за то, что вы торговлей таки не занимались, а я купецъ, занимался торговлей, и... меня тоже выслали.

— Не можетъ быть! за что же васъ выслали?

— Меня?.. За то, что крестился. Экстернъ и дантистъ недовѣрчиво переглянулись.

— Не вѣрите!—сказалъ купецъ:—Такъ слушайте. Все вамъ станетъ сейчасъ ясно.

Онъ грузно опустился на скамью.

— Жилъ я,—началъ онъ,—въ городѣ больше десяти лѣтъ, платилъ гильдію и производилъ торговлю готовымъ платьемъ. Вотъ это-то и не понравилось околоточному.

— То, что вы торговали готовымъ платьемъ?

— Нѣтъ, не это. Ему не понравилось то, что я занимаюсь своимъ дѣломъ. Однажды онъ мнѣ прямо и сказалъ: «Еврей долженъ быть неправильно прописаннымъ. Отъ этого намъ доходъ». И сталъ онъ меня изводить. Каждую ночь съ облавой.

Къ дочкамъ въ спальню лѣзетъ, будитъ, издѣвается... А дочери мои въ пансіонахъ воспитывались. По-французски говорятъ. На рояли играютъ...

— За что вы меня преслѣдуете? — спрашиваю.

— За то, — отвѣчаетъ, — что у васъ всѣ бумаги въ исправности. Запишитесь ремесленникомъ въ цехъ, а потомъ и занимайтесь торговлей. По крайней мѣрѣ, выгода будетъ отъ васъ и мнѣ, и ремесленной управѣ.

Терпѣлъ я терпѣлъ и, наконецъ, рѣшилъ... принять православіе.

— Ну, думаю, теперь, братъ - околоточный, сунься ко мнѣ съ облавой.

Что же, вы думаете, вышло? Черезъ мѣсяцъ зовутъ въ участокъ и говорятъ:

— Извольте убираться въ 24 часа...

Я опѣшилъ.

— Какъ! На какомъ основаніи.

А на томъ, говорятъ, основаніи, что жена ваша еврейка, а православный, женатый на еврейкѣ, теряетъ свои права. Разведитесь съ женой, а потомъ живите сколько угодно.

Легко сказать, разведись. А жена мнѣ глаза выщарапаетъ...

Купецъ поникъ головой.

— Что же вы теперь намѣрены дѣлать?—спросилъ экстернъ.

— Ѣду хлопотать о томъ, чтобы снова въ іудейство разрѣшили перейти. Ужъ лучше облава, чѣмъ разводъ...

Наступило молчаніе. Поѣздъ грохоталъ, пыхтѣлъ, свисталъ и, какъ старикъ, еле-еле подвигался впередъ.

Русскіе поѣзда, какъ русскія культура, цивилизація и конституція, спѣшить не любятъ...

ГЛАДІАТОРЫ.

Чемпіонъ Америки Иванъ Шкворень «припечаталъ къ ковру» своего послѣдняго противника, чемпіона Африки, Кузьму Оглоблю.

Публика устроила ему шумную овацію. Оркестръ заигралъ изъ «Веселой Вдовы», и подъ звуки его, жюри поднесло чемпіону міра первый призъ—двѣ тысячи рублей, поясъ и золотой жетонъ.

Иванъ Шкворень выходилъ на вызовы гордый, сіяющій, бодрый.

Но домой онъ пріѣхалъ усталый и нѣсколько раздраженный.

— Ну, что?—спросила выбѣжавшая настрѣчу жена.

Это была худосочная зеленая женщина небольшого роста съ грустными испуганными глазами.

На вопросъ ея Иванъ Шкворень ничего не отвѣтилъ. Вытянувъ впередъ руки, онъ буркнулъ:

— Снимай мускулы!

Жена принялась отстегивать на рукахъ трико. Отстегнула и начала выгребать вату.

— Ну и наложилъ ты сегодня ваты!— сказала она, запыхавшись: — зачѣмъ столько?

— Что-же мнѣ, жалѣть ее, что-ли? Публикѣ нравится...

— Особливо дамамъ?..

— Ну, и дамамъ!—огрызнулся Шкворень. А дамы не публика, по твоему?

Жена тихо вздохнула.

— Снимай скорѣе, поторапливайся.

Жена повиновалась. Вскорѣ руки чемпіона міра стали похожи на жерди и безпомощно повисли по сторонамъ.

— Теперь съ Богомъ за ноги! — приказалъ Шкворень.

Черезъ нѣсколько секундъ ноги чемпіона стали не толще рукъ.

— Это что за синякъ?—спросила жена, ткнувъ пальцемъ въ спину своего знаменитаго мужа.

— Это?

Чемпіонъ міра провелъ пальцемъ по синяку.

— Это Англія сдѣлала. Чтобы ее чертъ побралъ!

— Какъ же онъ, дуракъ, это сдѣлалъ? Развѣ не условились?

— Условились! Какъ же не условить-

ся! Сказано было ему: «На тридцатой минутѣ ложись на лопатки». Онъ и легъ. Только на двадцать девятой минутѣ публика стала нервничать. Пошли крики:

— Америка, чего спишь?

— Не поддавайся Англія!

— Лупи ее въ Ирландію.

— А ты ее по соединеннымъ штатамъ. Англія не вытерпѣла и впилась въ спину ногтями, какъ клещъ.

— Проклятая Англія!—съ ненавистью выругала жена Америки.

— Да какъ впилась! Данія и Финляндія насилу его оторвали отъ меня.

— Подлая! — снова выругалась m-me Шкворень.

Наконецъ, мускулы были сняты съ чемпіона міра. Онъ сѣлъ за столъ, на которомъ уже привѣтливо шипѣлъ самоваръ.

— Проклятая задышка! — сказалъ съ досадой чемпіонъ міра, — прямо жить не даетъ. Сегодня меня съ чемпіономъ Бельгіи, Алешкой Мордоворотомъ заставили у директора комодъ переставить. Страшно уморились. Теперь еле дышу.

Жена безпокойно задвигалась на стулѣ.

— Вѣдь, я говорила тебѣ, Ваня, сходи къ доктору.

— Къ доктору? Былъ. Да что доктора понимаютъ! У васъ, говоритъ, мало-

кровіе. Въ дѣтствѣ, говоритъ у васъ рахитъ былъ. Лечиться, говоритъ, надо.

Чемпіонъ Америки опустилъ голову на грудь.

А волжскій богатырь сегодня выступалъ?—спросила жена.

— Выступалъ, какъ же! Рельсы гнулъ. Сто пудовъ одной рукой поднималъ.

Чемпіонъ міра вдругъ закатился веселымъ хохотомъ.

— Ты чего?—удивилась жена.

— Да ужъ смѣшно очень! По окончаніи своего номера волжскій богатырь вошелъ въ уборную къ пѣвичкѣ изъ оперетки. А она его, какъ схватитъ за шиворотъ, да какъ швырнетъ въ дверь. Какъ мячикъ полетѣлъ.

— А онъ ничего?

— Какъ, ничего! Страшно разсердился. Кинулся къ пѣвичкѣ да какъ крикнулъ: «Я тебя, какъ рельсу согну».

— Что же она?

— Пѣвичка? Ничего! Скрутила волжскому богатырю руки на спину и какъ перышко выкинула изъ уборной. Минутъ десять лежалъ бѣдный богатырь, пока отдышался. Да еще съ негромъ Тарабумбія вышла исторія.

— Разскажи, Ваничка!

— Въ сущности ничего интереснаго не было.

Предъ поднятіемъ занавѣса приходитъ околоточный и спрашиваетъ: «Здѣсь находится Моисей Лейбовичъ Гоценклоцъ?» Услышавъ это негръ поблѣднѣлъ.

— А онъ-же тутъ, Ваничка, причемъ?

Чемпіонъ Америки залился снова хохотомъ.

— Въ томъ-то и дѣло! — выкрикнулъ онъ, давясь отъ смѣха: — въ томъ-то и дѣло, что нашъ негръ - то и оказался этимъ самымъ лицомъ:

— Что ты?

— Что-же, я врать тебѣ стану.

Тѣмъ временемъ Шкворень успѣлъ переодѣться и сѣсть за столъ.

Жена чепіона міра подала ужинъ. Король борцовъ съ аппетитомъ сталъ уплетать его.

Кончили ужинъ.

— Денегъ бы немного мнѣ на завтра, —робко замѣтила жена.

— Денегъ? Гдѣ же взять-то ихъ! Недѣлю тому назадъ получилъ свое жалованье—сорокъ рублей. Всѣ тебѣ и отдалъ. Откуда теперь новыя деньги возьму?

-- А—призъ?—заикнулась жена.

Чемпіонъ міра разсердился.

— Все еще о призахъ вспоминаешь! Изъ двухъ тысячъ, что сегодня получилъ, 1999 рублей отдалъ обратно. Правда, рубль мнѣ подарилъ директоръ, но я его

на извозчика истратилъ. Ужъ очень усталъ.

Наступило грустное молчаніе.

— Спать пора! — прервалъ молчаніе чемпіонъ міра.

Онъ всталъ и направился къ двери. Въ эту минуту раздался звонокъ.

-- Телеграмма!—доложила кухарки.

Чемпіонъ міра взялъ телеграмму и сталъ читать.

— Откуда?—спросила жена.

— Изъ Лондона! — отвѣтилъ чемпіонъ:—Тамъ составляется чемпіонатъ исключительно изъ чемпіоновъ міра. Предлагаютъ двѣ тысячи въ мѣсяцъ.

— А на самомъ дѣлѣ это сколько же—40 или 50 рублей въ мѣсяцъ?—спросила нерѣшительно жена.

— Должно быть сорокъ... А можетъ быть, и пятьдесятъ... Дай Богъ, чтобы пятьдесятъ...

— Дай Богъ! — со вздохомъ сказала жена.

Чемпіонъ міра также вздохнулъ и прошепталъ:

— Дай Богъ, чтобы пятьдесятъ!

На слѣдующій день предъ началомъ борьбы арбитръ, онъ-же хозяинъ всемірнаго чемпіоната борцовъ съ гордостью объявилъ со сцены:

— Всемірно извѣстный борецъ, чемпіонъ Америки и Хорола Иванъ Шкворень получилъ приглашеніе въ Лондонъ на 12 тысячъ въ мѣсяцъ со столомъ и квартирой. По этой причинѣ чемпіонъ Америки, принявшій столь лестное и выгодное для него приглашеніе, выбываетъ изъ нашего чемпіоната.

Слова арбита были покрыты апплодисментами.

РЕДАКТОРА ПОСАДИЛИ.

Къ редактору пришли и сказали:

— Пожалуйте въ тюрьму!

Редакторъ немедленно изъявилъ согласіе. Надѣлъ пальто, шапку, калоши и послѣдовалъ за пришедшими.

У подъѣзда редактора ждала карета. Онъ сѣлъ въ нее молча, надвинувъ шапку на брови.

И только когда карета тронулась въ путь, онъ спросилъ:

— Кстати... За что вы меня хотите посадить?

Другому за такой вопросъ по законамъ конституціонаго времени наклали бы въ шею...

Но редакторъ былъ все-таки не кто-нибудь, а редакторъ, и шея его не только осталась неприкосновенной, но ему отвѣтили:

— Для заключенія васъ въ тюрьму имѣется сто причинъ.

— Ого!

— Первая причина та, что вы редакторъ...

— Довольно! — прервалъ везомый въ тюрьму.

Онъ понялъ, что эта причина—главная, а всѣ остальныя только придатокъ...

Редактора посадили.

Другой, конечно, отсидѣлъ бы спокойно положенное ему отъ начальства время.

Но у редактора были друзья, которые рѣшили, что «такъ оставить нельзя».

— Помилуйте! — удивлялись друзья.— Вѣдь редакторы — партія легализованная. Какъ же можно за принадлежность къ ней сажать въ тюрьму!

И друзья стали дѣйствовать. Рѣшили обратиться къ одному важному сановнику. Сановникъ принялъ друзей редактора ласково, выслушалъ и снисходительно спросилъ:

— За что посадили?

Друзья отвѣтили:

— Въ томъ-то и дѣло, ваше высокопревосходительство, что почти безъ причины.

— Не можетъ быть, чтобы безъ причины!—внушительно произнесъ сановникъ. —А кто приказалъ посадить?

Друзья назвали имя посадившаго.

— Ахъ, этотъ!

Сановникъ весело улыбнулся и прибавилъ:

— Этотъ и безъ принины можетъ... Онъ исправный служака.

Лучъ надежды закрался въ сердца друзей редактора.

— Такъ какъ же, ваше высокопревосходительство, прикажете освободить?

— Что вы! Этого нельзя...

— Но вы сами изволили согласиться, что «этотъ и безъ причины можетъ». Ваша священная обязанность...

Сановникъ задумался.

— Видите ли,—сказалъ онъ послѣ небольшой паузы, — такъ неудобно. Одинъ сановникъ будетъ сажать, а другой будетъ освобождать... Выйдетъ такъ, какъ будто шьютъ безъ узла.

Тутъ сановникъ посмотрѣлъ на друзей редактора добрымъ, почти просительнымъ взглядомъ и тихо произнесъ:

— Пусть ужъ лучше досидитъ... Эка важность—три мѣсяца! Отсидитъ и пусть себѣ выходитъ изъ тюрьмы, если не понравится... Вѣдь всего три мѣсяца... А?

Друзья не вняли просьбѣ сановника и продолжали хлопотать объ освобожденіи. Пошли къ другому сановнику.

Послѣдній принялъ ихъ сдержанно, хотя и вѣжливо.

— Вы говорите, что ни за что, ни про что человѣка посадили?

— Совершенно вѣрно изволили сказать, ни за что, ни про что посадили человѣка. Онъ былъ честнымъ редакторомъ...

Сановникъ прервалъ говорившихъ:

— Позвольте, вы раньше сказали, что человѣка посадили, а теперь говорите, что редактора... Говорите толкомъ, кого посадили, человѣка или редактора?..

— Ррразвѣ... развѣ редакторъ не человѣкъ?

— Ну, конечно, не человѣкъ. Человѣку свойственно сидѣть дома, а не въ тюрьмѣ...

Тутъ сановникъ вспомнилъ, что онъ недавно въ бесѣдѣ съ интервьюерами высказался за свободу печати, и, смягчивъ тонъ, спросилъ:

— Что же я могу сдѣлать для вашего редактора?

— Прикажите освободить...

— Вотъ этого-то и не могу слѣлать?

— Почему-же?

— Не могу вамъ сказать, почему. Скажу вамъ только слѣдующее. У меня одинъ хорошій знакомый сидитъ въ тюрьмѣ.

— Тоже редакторъ?

Сановникъ вспылилъ.

— Прошу безъ оскорбленій!.. Мой знакомый порядочный человѣкъ. Онъ сидитъ

за солдатскіе сапоги... И то ничего сдѣлать не могу. Придется мнѣ обратиться къ союзникамъ чтобы они сдѣлали мнѣ запросъ, почему такой-то, прекрасный патріотъ, заключенъ въ тюрьму. И лишь тогда, на основаніи этого запроса, я освобожу своего знакомаго. Можетъ быть, и у васъ есть протекція къ «Союзу».

Друзья редактора вышли отъ сановника, удрученные, но рѣшили не сложить оружія.

Третій сановникъ ихъ не принялъ, четвертый...

Только шестой сановникъ принялъ участіе въ судьбѣ редактора и обѣщалъ собрать справки.

Когда справки были собраны, онъ позвалъ друзей редактора и сказалъ имъ:

— Я убѣдился, что вашъ другъ, дѣйствительно, невинно пострадалъ. Даю вамъ слово, что похлопочу...

— Спасибо!—отвѣтили друзья.—Только уже хлопотать не надо. Еще два мѣсяца тому назадъ кончился срокъ заключенія, и редакторъ вышелъ на свободу.

— Неужели?

— Да, вышелъ на свободу. За эти два мѣсяца онъ уже успѣлъ даже заплатить три штрафа...

Сановникъ просіялъ:

— Вотъ видите!—воскликнулъ онъ восторженно. — Освободили! Редакторъ, а освободили! А еще говорите, что у насъ нѣтъ свободы печати...

Друзья редактора, боясь свободы печати, молчали.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА „САТИРИКОНА"

ДЖЕРОМЪ К. ДЖЕРОМЪ.

ЖЕРТВА УВЛЕЧЕНІЙ.
ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ НЕ ВѢРИЛЪ ВЪ СЧАСТЬЕ.
РАБЪ ПРИВЫЧКИ.
РАЗСѢЯННЫЙ ПРОФЕССОРЪ.
ЖИЗНЬ ДЛЯ ДРУГИХЪ.
КОТЪ ДИКА ДЕНКЕРМАНА.

ИЗДАНІЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1911

Типографія журнала «Сатириконъ»
М. Г. Корнфельда. СПБ., Бассейная, 3—5.

ЖЕРТВА УВЛЕЧЕНІЙ.

Бумъ. Бумъ. Бумъ-бумъ. Бумъ. Я внимательно прислушался.

Казалось, кто-то молоткомъ выбивалъ камни изъ стѣны.

— Воры—подумалъ я (принято думать, что всякій шумъ въ неурочное время непремѣнно производятъ воры).

Моя кровать стояла около окна. Протянувъ руку, я отдернулъ край занавѣски и слабый утренній свѣтъ проникъ въ комнату. Я взглянулъ на часы; было десять минутъ шестого.

— Неудобное время для воровъ; полдень настанетъ прежде чѣмъ они проберутся сюда сквозь стѣну. — Раздался сильный трескъ... черезъ разбитое окно ворвался какой-то предметъ и упалъ на полъ.

Испуганный, я выскочилъ изъ кровати и выглянулъ въ окно.

Передо мной стоялъ рыжеволосый юно-

ша, мило одѣтый въ курточку и бѣлые фланелевые панталоны.

— Съ добрымъ утромъ!—весело привѣтствовалъ онъ меня—не откажите вернуть мнѣ мой мячикъ.

— Какой мячъ?

— Мой мячикъ для тенниса. Онъ гдѣ нибудь въ вашей комнатѣ. Я попалъ прямо въ окно.

Розыскавъ злополучный мячъ, я кинулъ его внизъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? — спросилъ я—играете въ теннисъ?

— О нѣтъ! Я только кидаю мячикъ въ стѣну. Знаете, это удивительно улучшаетъ игру.

— Нельзя-ли этимъ заняться днемъ,—строго замѣтилъ я.—Ради вашей игры я вовсе не намѣренъ лишаться сна.

— Днемъ! засмѣялся онъ.—Да вѣдь цѣлыхъ два часа уже день. Ну, все, равно, я могу пойти на другую сторону.

Онъ исчезъ за угломъ и возобновилъ свою работу. Проснулась и завыла собака, зазвенѣли разбитыя стекла, кто-то громко кричалъ... затѣмъ я, вѣроятно, заснулъ.

Нѣсколько недѣль я провелъ въ Дилѣ, на берегу моря.

Рыжеволосый юноша оказался моимъ единственнымъ сосѣдомъ. Онъ былъ весе-

лый, даже геніальный юноша, но, чрезмѣрное увлеченіе лаунъ-теннисомъ, дѣлало его не совсѣмъ пріятнымъ товарищемъ.

Днемъ, на плацу, онъ игралъ въ теннисъ десять часовъ подрядъ. При свѣтѣ луны онъ устраивалъ романтическія партіи, причемъ большая часть времени, конечно, уходила на поиски партнеровъ. Въ дождливые дни я находилъ его за тѣми-же занятіями, только костюмъ свой онъ дополнялъ зонтикомъ и калошами.

Я спросилъ его, какъ ему понравилось въ Т..., гдѣ онъ съ родными провелъ зиму.

— Охъ, что за дрянная дыра! отвѣтилъ онъ.—Представьте себѣ, ни одного тенниса во всемъ городѣ. Мы пробовали играть на крышахъ, но это показалось моимъ партнерамъ опаснымъ.

Воспоминанія о Швейцаріи вызывали въ немъ самые бурные восторги. Онъ горячо уговаривалъ меня съѣздить въ г. Церматтъ.—Вамъ будетъ казаться, то вы въ Вимбледонѣ! — Изъ дальнѣйшаго я узналъ, что на вершинѣ Юнгфрау есть маленькое плато, окруженное глубокими пропастями.

— Клянусь Богомъ! Великолѣпный будетъ теннисъ. Конечно придется быть осторожнымъ и не подходить близко къ обрывамъ.

Когда онъ не игралъ въ теннисъ, не тренировался, не читалъ о теннисѣ—онъ говорилъ о теннисѣ.

Реншо (Renshow), чэмпіонъ тенниса былъ предметомъ его безконечныхъ восторговъ и похвалъ. Я такъ много слышалъ о Реншо, что въ моей душѣ выросла непобѣдимая потребность уничтожить его, убить и похоронить.

Въ одно злополучное утро, послѣ трехъ-часовой бесѣды о теннисѣ, въ которой имя Реншо было упомянуто, если не ошибаюсь, тысяча девятьсотъ тринадцать разъ, за чаемъ, подвинувъ вплотную свой стулъ къ моему, онъ снова началъ:

Обратили ли вы вниманіе на пріемъ Реншо при...

— Предположимъ,—прервалъ я его, что кто нибудь возьметъ ружье и будетъ цѣлиться въ Реншо и стрѣлять въ Реншо, пока не убьетъ Реншо.

— О! Кто - же посмѣетъ стрѣлять въ Реншо?!—недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Предположимъ, что кто нибудь посмѣетъ.

— Въ такомъ случаѣ останется его братъ!

Этого я не ожидалъ.

— Хорошо,—продолжалъ я, но предположимъ, кто нибудь убьетъ ихъ всѣхъ; перестануть-ли тогда говорить о Реншо?

— Никогда!—съ увѣренностью сказалъ онъ. Никогда не будетъ забыто имя Реншо тамъ, гдѣ говорятъ о теннисѣ!

Черезъ годъ онъ слышать больше не хотѣлъ о теннисѣ. Напрасно пытались занять его анекдотами о Реншо, разсказами о теннисѣ,—онъ ни о чемъ не хотѣлъ слышать. Страстный поклонникъ фотографіи, онъ забылъ все на свѣтѣ ради нея. Гдѣ-бы онъ ни находился, что-бы ни встрѣчалось на его пути, онъ все снималъ безъ разбору. Снимая друзей—онъ дѣлалъ ихъ своими врагами. Снимая дѣтей—преисполнялъ скорбью нѣжныя сердца матерей. Снимая молодыхъ женъ—нарушалъ безоблачное счастье семейнаго очага.

Молодой человѣкъ неразумно любилъ молодую дѣвушку. Чѣмъ больше уговаривали его родные и друзья, тѣмъ менѣе онъ ихъ слушалъ. Счастливая мысль пришла наконецъ въ голову его родителей.

Они попросили Боба снять «ее» въ нѣсколькихъ видахъ.

Когда влюбленному показали первый снимокъ онъ—сказалъ:

— Какая ужасная тварь! Кто это такой?

Когда ему показали второй снимокъ—онъ сказалъ:

— Но эта старуха совсѣмъ не похожа на «нее»!

Когда ему показали третій снимокъ— онъ заплакалъ.

Что у нея за ноги! онѣ не могутъ быть такими!

Когда ему показали четвертый снимокъ—содрогаясь, онъ прокричалъ.

— Что за звѣрское выраженіе! Откуда у нея такая пасть!

На остальные снимки онъ больше не могъ смотрѣть.

Бобъ былъ глубоко оскорбленъ такимъ отношеніемъ къ его искусству, но отецъ юноши мягко и убѣдительно сказалъ:

Не огорчайтесь, мой другъ. Это не ваша вина. Что такое фотографъ? Фотографъ только послушное орудіе въ рукахъ науки. Онъ ставитъ аппаратъ и, что-бы ни находилось передъ объективомъ, все воспроизводится съ неоспоримой точностью.

Мнѣ было жаль молодую дѣвушку. Она искренно любила юношу и только злой духъ, сидѣвшій въ аппаратѣ Боба, могъ превратить ее въ такое чудовище.

Этотъ злой духъ немилосердно относился къ малѣйшимъ недостаткамъ людей. Такъ, изъ человѣка съ бородавкой— онъ дѣлалъ бородавку съ человѣкомъ.

человѣка съ большимъ носомъ—превращалъ въ носъ съ человѣкомъ въ придачу.

Старичекъ 14 лѣтъ носилъ парикъ о существованіи котораго никто не зналъ.

Зоркій глазъ аппарата тотчасъ подмѣтилъ и разоблачилъ эту тайну. Казалось, что злой духъ поставилъ себѣ цѣлью показывать міръ въ его худшемъ видѣ.

Невинные младенцы выходили съ выраженіемъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Нѣжныя молодыя дѣвушки казались безнадежными идіотками или голодными шакалами. Благообразныя и строгія лица почтенныхъ дамъ пріобрѣтали выраженіе разнузданнѣйшаго цинизма.

Нашего, всѣми чтимаго священника, Бобъ представилъ въ видѣ гнуснаго исчадія полу-человѣческой породы. Портретъ главы города былъ воплощеніемъ ехидства, лицемѣрія и прочихъ пороковъ. Не думаю, что-бы видѣвшіе, хоть разъ этотъ портретъ, рѣшились-бы довѣрить ему свои дѣла и нужды.

Я видѣлъ такъ-же и свой портретъ. Можетъ быть, я не буду безпристрастнымъ судьей въ сужденіи о немъ, но скажу одно. Если я дѣйствительно имѣю сходство съ этимъ портретомъ, то вполнѣ оправданы мои критики во всемъ, что они когда либо говорили обо мнѣ. Я утверждаю—хотя вовсе не считаю себя обладателемъ

фигуры Аполлона — что нога моя не перевиваетъ другую ногу, а такъ-же и не перегибается въ обратную сторону. Все это я вполнѣ могу доказать, а потому не могу не чувствовать, что со мной поступили несправедливо.

Перспектива фотографіи Боба кажется не признавала ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ. Я видѣлъ фотографію его дяди, стоящаго около вѣтрянной мельницы и очень затрудняюсь сказать кто былъ больше—дядя или мельница.

Былъ случай, кончившійся очень печально. Вдова, извѣстная своимъ прекраснымъ поведеніемъ, была изображена съ молодымъ человѣкомъ, лежащимъ на ея колѣнахъ.

Лицо его было нѣсколько неясно. Ростъ этого мужчины (приблизительно 6 фт. 4 дм.) странно не соотвѣтствовалъ его дѣтскому костюмчику. Одна рука обнимала плечи вдовы, а, другую, улыбаясь, она держала въ своей.

Напрасно несчастная женщина старалась доказать, что молодой человѣкъ ея шести-лѣтній племянникъ. Факты были противъ нее и фотографія ясно подтверждала обратное.

Всюду ходилъ Бобъ съ небольшой сумкой черезъ плечо, напоминавшей сумку миссіонеровъ. Эта сумка заключала въ

себѣ новое порожденіе злого духа—кодакъ. Стоило нажать невидимую кнопку и все оказывалось готовымъ.

Жизнь превратилась въ каторгу для родныхъ, друзей и знакомыхъ Боба. Не существовало больше тайнъ. Изъ страха быть навѣки запечатлѣнными, многіе не смѣли дѣлать даже весьма необходимаго.

Когда молодой сосѣдъ, по имени Хайтонъ, предложилъ Бобу совершить путешествіе въ Турцію, мы облегченнно вздохнули.

Какой-нибудь Баши-Бузукъ, охраняя честь и тайны своего гарема, конечно сумѣетъ наказать и уничтожить непрошеннаго свидѣтеля.

Но Бобъ вернулся все таки живымъ, однако, убѣжденнымъ противникомъ фотографіи.

Онъ разсказалъ намъ, что всякій, говорящій на англійскомъ языкѣ человѣкъ, будь-то мужчина, женщина или ребенокъ, обязательно носилъ съ собой фотографическій аппаратъ. Подъ конецъ, видъ кодака сталъ приводить его въ бѣшенство. На вершинѣ Татри, въ Карпатахъ, Туристы по очереди снимали «великую панораму», причемъ эту очередь, подъ охраной полиціи, приходилось иногда выжидать четыре часа.

Въ Константинополѣ, нищіе даже особенную таксу выработали:

1	разъ	передомъ или задомъ	2	франка
»	»	съ выраженіемъ	3	»
»	»	съ выраженіемъ удивленія	4	»
»	»	съ выраженіемъ умиленія	4	»
»	»	на молитвѣ	5	»
»	»	въ дракѣ	10	»

Особенно безобразный, искалѣченный нищій могъ повысить свои цѣны до 20-ти франковъ, и, конечно, нашлись-бы любители.

Бросивъ фотографію, Бобъ увлекся канализаціей; онъ превращалъ площадки тенниса въ озера и доказывалъ, что при глубокой ямѣ—здѣсь, и плотинѣ—тамъ, можно создать изъ такой площадки весьма удобную бухту.

Ему удалось убѣдить пожилыхъ дамъ и мужчинъ, что выкапываніе каналовъ и колодцевъ—одно изъ самыхъ разумныхъ развлеченій. Онъ таскалъ ихъ за собой по болотамъ и торфяникамъ, и только поздно вечеромъ отпускалъ домой, истерзанныхъ и исполненныхъ самыми мрачными мыслями. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я встрѣтилъ его въ Швейцаріи.

Онъ относился вполнѣ равнодушно къ канализаціи, но много говорилъ о вистѣ. Я предложилъ ему вмѣстѣ взобраться на Тальхорнъ. Мы отправились. По дорогѣ онъ рѣшилъ отдохнуть.

Залюбовавшись величественной панорамой, я отошелъ въ сторону.

Когда я снова подошелъ къ нему, Бобъ сидѣлъ на травѣ, передъ нимъ лежали карты и онъ весь углубился въ рѣшеніе трудной задачи

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ НЕ ВѢРИЛЪ ВЪ СЧАСТЬЕ.

Онъ вошелъ въ вагонъ, сѣлъ рядомъ со мной и принялся читать газеты. Я замѣтилъ, что въ каждой изъ его семи газетъ, крупной красной чертой были отмѣчены несчастные случаи, пожары, извѣстія о смерти и самоубійства.

Неожиданно, при рѣзкой остановкѣ поѣзда, какой-то тяжеловѣсный предметъ свалился на его голову и, зазвенѣвъ, упалъ на полъ.

Онъ спокойно обвязалъ раненую голову платкомъ, нагнулся, осторожно поднялъ ударившій его предметъ и, съ выраженіемъ укора, выкинулъ его въ окно.

— Вамъ, я думаю было больно,—глупо сказалъ я. Всякій на моемъ мѣстѣ могъ-бы понять, что тяжелая, непомѣрно большая, лошадиная подкова не могла доставить удовольствія своимъ паденіемъ на голову. Я ожидалъ рѣзкаго отвѣта, но вмѣ-

сто того, мягко и ласково улыбаясь, онъ сказалъ.

— Да пожалуй что немножко больно.

— Но зачѣмъ вы везли ее съ собой?

Мнѣ казалось все-таки страннымъ и необъяснимымъ присутствіе подковы въ вагонѣ.

— Я нашелъ ее на дорогѣ и взялъ себѣ на счастье,—объяснилъ онъ.—Въ моей жизни было много счастія, только оно всегда плохо кончалось.

Я родился въ пятницу; вы конечно знаете, что это счастливый день. Моя мать, была вдова. Никто не хотѣлъ помогать ей, воспитывать меня. Мои тетки говорили, что ребенку, рожденному въ такой счастливый день, ничего больше не надо, а дядюшка оставилъ все наслѣдство моему младшему брату, который не имѣлъ счастья родиться въ пятницу.

Все-же тетушки и дядюшки цѣнили, даже любили меня и вѣчно упрашивали не забывать ихъ, когда я буду богатымъ человѣкомъ.

Затѣмъ у меня была черная кошка. Говорятъ это тоже приноситъ большое счастье.

— И кошка дѣйствительно принесла вамъ счастіе?—спросилъ я.

— Должно быть принесла, вѣдь сча-

стье понятіе относительное. — Онъ пристально сталъ смотрѣть въ окно.

— Что такое случилось? полюбопытствовалъ я.

— Да вотъ... Ничего особеннаго не случилось. Кошка съѣла пять канареекъ, которыхъ «она» мнѣ подарила.

— Но это не ваша вина!

— Можетъ быть не моя. Однако «она» сразу разлюбила меня, чѣмъ другіе поспѣшили воспользоваться. Я хотѣлъ подарить ей мою кошку, но «она» все таки не могла простить такой обиды и бросила меня.

Онъ грустно опустилъ голову.

Я тоже сидѣлъ молча, чувствуя себя не въ силахъ утѣшить его.

— Пѣгія лошади тоже счастье приносятъ — послѣ долгаго молчанія, сказалъ онъ.—У меня была такая лошадь.

— Ну и что-же случилось хорошаго?

— Я потерялъ свое положеніе при губернаторѣ—просто сказалъ онъ.—Нельзя вѣдь держать на такой должности вѣчно пьянаго человѣка.

— Конечно—сказалъ я.

У меня очень слабая голова. Послѣ перваго стакана, я тотчасъ пьянѣлъ.

— Но почему-же вы пили? И причемъ тутъ пѣгая лошадь?

— Видите-ли,—началъ онъ, потирая громадную шишку, вскочившую на его головѣ,—до меня эта лошадь принадлежала винному торговцу. Она такъ привыкла останавливаться около ресторановъ и трактировъ, что я ничего подѣлать съ ней не могъ. Стоило увидѣть ей трактиръ, какъ она тотчасъ-же останавливалась. Я пробовалъ бороться съ ней, но все было напрасно. Вокругъ насъ собиралась толпа и мнѣ не оставалось ничего дѣлать, какъ прятаться въ трактирѣ отъ насмѣшекъ и замѣчаній толпы.

Такимъ образомъ мнѣ приходилось ежедневно выпивать столько бутылокъ вина, сколько было трактировъ на пути отъ моего дома до губернатора. Къ сожалѣнію ихъ было не мало и все это кончилось тѣмъ, что я потерялъ свое мѣсто.

Черезъ три дня послѣ этого, губернаторъ подарилъ моему замѣстителю, предназначеный мнѣ выигрышный билетъ. Представьте себѣ: черезъ мѣсяцъ этотъ человѣкъ выигралъ 25 тысячъ!

Къ счастью мнѣ все - таки удалось найти себѣ мѣсто.

Послѣ пяти дней службы, мой любезный патронъ подарилъ мнѣ гуся!

— Вамъ, навѣрно, было пріятно получить такой подарокъ?

— Да, пожалуй. Такъ думали всѣ служащіе и называли меня счастливымъ.

Я взялъ гуся, завернулъ его въ бумагу и пошелъ домой.

По дорогѣ я зашелъ выпить стаканъ пива. Многіе обратили вниманіе на большой свертокъ, лежащій на моемъ столѣ. Я пояснилъ, что это гусь и по общей просьбѣ развернулъ бумагу.

— Какой великолѣпный гусь, — воскликнулъ хозяинъ—но что-же вы, молодой человѣкъ, будете съ нимъ дѣлать?

Тутъ я впервые подумалъ объ этомъ. Рождество я собирался провести за городомъ, въ домѣ родителей моей невѣсты. Они были довольно состоятельные люди и странно было-бы явиться къ нимъ съ этимъ гусемъ.

Это была та дѣвица которая подарила вамъ канареекъ? Прервалъ я его.

— Нѣтъ, она была раньше той, но я ее тоже потерялъ... изъ-за гуся.

Такъ какъ ея родителямъ и ей самой я не могъ подарить гуся, я рѣшилъ продать его. Я предложилъ его хозяину пивной, но оказалось, что у него три жирныхъ гуся бѣгаютъ по двору въ ожиданіи смертной казни.

Тогда подошелъ какой-то господинъ и принялся разсматривать мою птицу. Осматривалъ и нюхалъ онъ ее тщательно и

долго, наконецъ онъ вынулъ изъ кармана полъ кроны и предложилъ мнѣ.

Обозленный, я схватилъ гуся подъ мышку, и выбѣжалъ на улицу, сердито хлопнувъ дверью.

Я шелъ довольно долго и былъ до того раздраженъ, что не замѣчалъ удивленныхъ лицъ прохожихъ и криковъ мальчишекъ, преслѣдовавшихъ меня. Наконецъ я понялъ, въ чемъ дѣло и остановился около фонаря.

Шелъ сильный дождь; придерживая одной рукой зонтикъ, я старался другой завернуть гуся въ бумагу, но кончилось тѣмъ, что гусь, зонтикъ, и бумага оказались въ грязи у моихъ ногъ.

Весь забрызганный, мокрый, съ незавернутымъ, покрытымъ грязью, гусемъ въ рукѣ, мнѣ оставалось только зайти въ ресторанъ, что-бы немного привести въ порядокъ свой туалетъ и попросить бумаги и веревку.

Въ ресторанѣ я пытался продать гуся, котораго почему-то никто не захотѣлъ купить. Завернувъ его въ бумагу и выпивъ немного вина, я снова очутился на улицѣ. Счастливая мысль озарила мою голову. Я рѣшилъ розыграть злополучнаго гуся. Я розыскалъ маленькій мирный ресторанъ и вошелъ въ него.

Разсказавъ о своемъ намѣреніи хозяину ресторана, я показалъ ему гуся.

— У него немного помятый видъ — сказалъ онъ.

Я пояснилъ, что это грязь, которую легко отмыть, и никто не замѣтитъ этого, когда его сварятъ.

— Онъ немного скверно пахнетъ — снова сказалъ хозяинъ, — я по крайней мѣрѣ не стану ѣсть такого гуся. Однако если вамъ удастся разыграть его, ничего не имѣю противъ, только надѣюсь, вы не забудете мой ресторанъ и будете его постояннымъ посѣтителемъ.

Я, конечно, съ восторгомъ пообѣщалъ.

Мой гусь былъ однако довольно холодно принятъ публикой. Билеты покупались очень неохотно. Наконецъ, осталось всего 3 билета, которые я самъ себѣ купилъ.

Къ ужасу моему оказалось, что моего гуся выигралъ я самъ.

Кто-то изъ присутствующихъ предложилъ мнѣ за него семь пэнсовъ, но съ нѣкоторой «hauteur» — я отказался. Продай я тогда несчастную птицу, — вся жизнь моя могла-бы сложиться спокойно и счастливо, но судьба всегда была противъ меня. Я завернулъ гуся; изъ вѣжливости и желанія угодить хозяину, выпилъ бутылку какого-то спирту и снова очутился на

улицѣ. Было уже должно-быть очень поздно. Голова моя кружилась, ноги ныли, гусь, казалось, вѣсилъ цѣлыхъ два пуда, но мысль отдѣлаться отъ назойливой птицы не покидала меня. Мнѣ пришла мысль продать ее въ мясную лавку. Мнѣ довольно долго пришлось ее разыскивать. Наконецъ, въ подвалѣ, я увидалъ убогую лавченку и вошелъ въ нее. Развернувъ птицу, я положилъ ее на прилавокъ передъ соннымъ приказчикомъ.

— Что это такое, зѣвая спросилъ онъ.

— Это гусь, я вамъ могу дешево его продать.

Приказчикъ неожиданно схватилъ гуся за длинную шею и кинулъ его въ мою несчастную голову.

Трудно себѣ представить, какое это было непріятное чувство. Я обозлился и ударилъ его обратно гусемъ, онъ меня, я его и, наконецъ, вошелъ полицейскій съ обычнымъ вопросомъ.

— «Что здѣсь творится?—»

Я добросовѣстно разсказалъ въ чемъ было дѣло.

— Да посмотрите сударь на часы! вдругъ неистово заоралъ лавочникъ. — Почти двѣнадцать ночи и все еще въ лавкѣ висятъ двадцать гусей, — которыхъ никто не хочетъ купить, а тутъ еще этотъ дуракъ лезетъ со своимъ!

Тогда я понялъ, что онъ былъ правъ и покорно вышелъ изъ лавочки со своей драгоцѣнной ношей.

Я рѣшилъ сдѣлать доброе дѣло и подарить кому нибудь моего гуся. Я долго шелъ, встрѣчалъ многихъ людей, но никто не казался мнѣ достойнымъ получить такой подарокъ. Наконецъ я рѣшилъ подарить его ободранному мужчинѣ, нищему, какъ показалось мнѣ съ перваго взгляда. Но, когда я протянулъ ему птицу, онъ оказался до такой степени пьянымъ, что руки его не могли удержать пакетъ. Я поспѣшилъ на лету поймать и человѣка и птицу, но это мнѣ удалось лишь наполовину. Птица лежала въ грязи, а человѣкъ висѣлъ на моей шеѣ.

Я встрѣтилъ запуганнаго ребенка и сунулъ ему въ руки гуся. Не понимая въ чемъ дѣло, ребенокъ заплакалъ и убѣжалъ отъ меня.

Я окончательно потерялъ надежду сдѣлать доброе дѣло и рѣшилъ просто выкинуть гуся и пойти домой, что я тотчасъже исполнилъ. Около угла улицы меня кто-то окликнулъ.

— Вы уронили пакетъ—вѣжливо сказалъ прилично одѣтый господинъ, подавая мнѣ гуся.

Я не имѣлъ силы идти дальше.

Къ счастью, я стоялъ около ресторана

и опять рѣшилъ зайти въ него. Я надѣялся, что вино подкрѣпитъ меня, однако получилось обратное. Я вышелъ, еле волоча ноги и гуся. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ я подошелъ къ каналу, желая бросить гуся въ воду, но тутъ-же замѣтилъ двухъ полицейскихъ, слѣдившихъ за мной. Мнѣ, кажется, что въ эту ночь полиція и обитатели Лондона были заняты моимъ гусемъ. Нѣжно назвавъ «Бобикомъ» одного изъ полицейскихъ я спросилъ его не желаетъ-ли онъ, что-бы я подарилъ ему гуся?

— Я вамъ скажу, что я желаю,—сказалъ онъ строго,—я честный человѣкъ и подкупить меня нельзя! — такой отвѣтъ показался мнѣ очень дерзкимъ и я ему это сказалъ; что произошло дальше—не помню. Кончилось тѣмъ, что онъ арестовалъ меня. По дорогѣ въ полицію, мнѣ удалось чѣмъ-то отвлечь его вниманіе и я бросился бѣжать. Раздались свистки, цѣлая толпа гналась за мной, но никто не догналъ меня и я очутился одинъ на какомъ-то мосту. Съ облегченіемъ вздохнувъ, я наконецъ выбросилъ гуся въ воду. Тутъ меня схватили за руки и я узналъ полицейскаго, арестовавшаго меня. Мы долго спорили и наконецъ, меня все-таки повели въ полицію.

Они спросили, зачѣмъ я убѣжалъ, послѣ того меня арестовали. Я сказалъ, что не хотѣлъ проводить рождественскую ночь въ

полиція. Это показалось очень слабымъ аргументомъ.

Меня спросили, что я дѣлалъ на мосту и куда я дѣлъ свой пакетъ.

Я отвѣтилъ, что бросилъ пакетъ въ воду и, что въ пакетѣ былъ гусь.

Меня спросили, почему я бросилъ гуся въ воду.

Я отвѣтилъ, что гусь былъ тяжелый и я бросилъ его потому-что онъ мнѣ надоѣлъ.

Въ это время вошелъ новый полицейскій съ большой мокрой пачкой въ рукахъ. Осторожно развязали веревку, развернули бумагу и на столѣ передо мной лежалъ весь посинѣвшій мертвый младенецъ. Напрасно я старался доказать, что пакетъ не мой, что малютка не мой, никто мнѣ не вѣрилъ. Въ виду моего нетрезваго состоянія меня на судѣ оправдали, но я все-же потерялъ свою невѣсту и честное имя.

Онъ снова закурилъ сигару и долго молча глядѣлъ въ окно. Наконецъ онъ всталъ, взялъ шляпу и попытался надѣть ее на голову. Шишка однако такъ разрослась, что голова отказалась войти въ шляпу. Онъ покорно положилъ ее на колѣни и со вздохомъ сказалъ.

— И все-таки не могу сказать, чтобы я очень вѣрилъ въ счастье!..

РАБЪ ПРИВЫЧКИ.

Насъ было трое. Мой другъ, я и невзрачный, запуганный человѣкъ, какъ мы потомъ узнали, редакторъ какой-то воскресной газеты.

— Быть святымъ, совсѣмъ не трудно,— сказалъ мой другъ,—послѣ первыхъ мѣсяцевъ это переходитъ въ привычку.

Онъ предложилъ мнѣ сигару.

— Благодарю, торопливо сказалъ я.

— Я не хочу курить.

— Не бойся, ручаюсь, что тебѣ не сдѣлается дурно.

Но я не повѣрилъ ему.

— Эти сигары я курю всегда, — сказалъ онъ;—почему? Конечно только привычка. Когда я былъ молодъ, я курилъ лишь настоящія гаванскія — что окончательно разоряло меня. Вслѣдствіе этого, я былъ вынужденъ курить болѣе дешевыя. Въ Бельгіи мнѣ предложили эти сигары. Не знаю, изъ чего онѣ сдѣланы, вѣроятно изъ листьевъ капусты, пропитанныхъ дегтемъ; но онѣ дешевы и я рѣшилъ полюбить ихъ.

Сознаюсь, что привыкнуть къ нимъ было не легче, чѣмъ въ юношествѣ къ гаванскимъ, однако мнѣ удалось перебороть себя. Черезъ годъ я думалъ о нихъ безъ содраганій, — черезъ два, я привыкъ къ нимъ и теперь предпочитаю ихъ всѣмъ другимъ.

Я замѣтилъ ему, что легче было-бы совсѣмъ бросить курить.

— Я думалъ объ этомъ,—сказалъ онъ, но некурящій мужчина мнѣ кажется дурнымъ товарищемъ.

Онъ откинулся на спинку стула и усердно сталъ наполнять комнату отвратительнымъ ѣдкимъ дымомъ.

— Хочешь вина? Нѣтъ, вижу оно тебѣ тоже не по вкусу. Однако три года тому назадъ, этимъ виномъ я поймалъ двухъ воровъ. Они взломали буфетъ и выпили цѣлую бутылку. Они были въ такомъ состояніи, что полицейскій безъ всякаго труда, какъ покорныхъ овечекъ, погналъ ихъ въ участокъ. Послѣ этого случая, такая бутылка всегда стоитъ на моемъ столѣ. Я люблю это вино. Послѣ двухъ-трехъ стакановъ я новый человѣкъ.

Мнѣ присылаютъ его прямо изъ Женевы за шесть шиллинговъ. Какимъ путемъ они его приготовляютъ за такую цѣну и изъ чего оно состоитъ—я не знаю и знать не хочу.

—Да—продолжалъ онъ, закуривая но-

вую сигару—много значитъ на этомъ свѣтѣ привычка! Я зналъ человѣка, жена которой, неумолкая, говорила цѣлый день, мало того, говорила цѣлую ночь, и онъ ѣлъ, читалъ и спалъ подъ звуки ея безпрерывной болтовни. Мы радовались за него, когда она скончалась, но онъ не былъ счастливъ. 22 года подрядъ, голосъ ея наполнялъ весь домъ, сквозь стѣны проникалъ въ садъ, былъ слышенъ даже на улицѣ, и наступившая тишина казалась ему тишиной могилы. Ему не доставало утреннихъ головомоекъ,—неизсякаемыхъ упрековъ въ длинные осеннiе вечера. Онъ тосковалъ, плакалъ днемъ, а ночью не могъ заснуть.

— Ахъ!—воскликнулъ онъ— вотъ она старая истина.

— Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши—плачемъ.—Наконецъ онъ не выдержалъ и заболѣлъ. Доктора сказали ему, что для сохраненiя жизни необходимо найти женщину, могущую замѣнить ему первую жену. Это оказалось болѣе труднымъ, чѣмъ предполагали. Конечно, весь околотокъ изобиловалъ болтливыми женщинами, по способности эти не были достаточно развиты.

Къ счастью, во время полнаго отчаянiя родныхъ и врачей, по сосѣдству умеръ человѣкъ, преждевременную смерть ко-

тораго приписывали болтливости его супруги.

Черезъ день послѣ похоронъ ей было сдѣлано предложеніе.

Старушка была настойчива, не соглашалась, и лишь, послѣ 6-ти мѣсяцевъ упорнаго ухаживанія, несчастному вдовцу удалось назвать ее своей.

Но старушка не оправдала его надеждъ. Ея слабый голосъ съ трудомъ проникалъ въ сосѣднія комнаты и совсѣмъ не былъ слышенъ въ саду. Приходилось проводить цѣлый день въ комнатѣ или въ кухнѣ. Удобно усаживаясь въ кресло, онъ бралъ газету, надѣвалъ очки, но стоило только развернуть газету—какъ вдругъ,—старушка смолкала. Газета падала на полъ... Долго, чутко прислушиваясь, онъ наконецъ спрашивалъ.

— Ты здѣсь, моя крошка?

— Конечно, я здѣсь, старый дуракъ, гдѣ-же мнѣ быть?!—отвѣчала она.

Лицо его сіяло отъ удовольствія. — Продолжай, продолжай, дорогая, я такъ люблю когда ты говоришь.—Но старушка молчала. Онъ грустно покачивалъ головой.

— Ахъ, нѣтъ у бѣдняжки таланта Сусанны! О, что за женщина она была!

Ночью старушка старалась говорить, но что это было по сравненію съ усопшей!

Поворчавъ часа три, она въ изнеможеніи падала на подушки и тотчасъ же засыпала.

Осторожно дотрагивался онъ до ея плеча.—Дорогая, ты говорила, что за обѣдомъ я слишкомъ пристально смотрѣлъ на кухарку!...

— Это удивительно! — добавилъ мой другъ — до какой степени мы—рабы привычки.

Невзрачный человѣкъ, все время молчавшій, неожиданно подошелъ къ намъ и, обращаясь къ моему другу, сказалъ:

— Позвольте разсказать Вамъ, милостивый государь, исторію относительно силы привычки. Ручаюсь, вы не повѣрите ей.

— Увидимъ—сказалъ мой другъ.

— Человѣкъ, о которомъ я собираюсь разсказать вамъ, былъ очень почтенный человѣкъ.

Онъ вставалъ ежедневно въ семь часовъ утра, молился до семи съ половиной, пилъ чай въ восемь, на службу шелъ въ девять, въ четыре возвращался домой, до половины седьмого игралъ съ дѣтьми (онъ былъ хорошій семьянинъ) и обѣдалъ въ семь. Въ клубѣ проводилъ время за картами до десяти часовъ, возвращался домой, мо-

лился и въ одинадцать ложился спать. Такъ прожилъ онъ двадцать пять лѣтъ.

Дальній родственникъ, имѣвшій крупное дѣло въ Индіи, неожиданно скончался и оставилъ ему все свое состояніе, благодаря чему ему пришлось покинуть родной городъ и переселиться въ Индію.

Всю дорогу онъ былъ боленъ и съ трудомъ доѣхалъ до Б... Однако нѣсколько дней, проведенныхъ въ постели, возстановили его здоровье и въ среду онъ рѣшилъ взяться за дѣло. Но въ среду онъ проснулся только въ часъ дня. Жена сказала ему, что боялась разбудить его раньше, думая что отдыхъ принесетъ ему пользу. Чувствуя себя прекрасно, онъ всталъ, одѣлся, и не желая начать новую жизнь, не совершивъ привычной молитвы, позвалъ жену и дѣтей и въ половинѣ второго была произнесена утренняя молитва.

Выпивъ чаю, онъ поѣхалъ въ городъ и приступилъ къ своимъ занятіямъ въ три часа пополудни.

Въ десять часовъ вечера онъ возвратился домой. Обѣдать онъ не могъ и съѣлъ одинъ лишь сухарь. Весь вечеръ онъ чувствовалъ себя очень странно. Онъ объяснилъ это привычкой проводить эти часы въ клубѣ за картами. Въ одиннадцать онъ,

какъ всегда, легъ въ кровать, но не могъ заснуть.

Въ двѣнадцать, ему пришло въ голову пожелать дѣтямъ покойной ночи. Не будучи въ состояніи перебороть себя, онъ одѣлся, пошелъ въ дѣтскую и разбудилъ дѣтей.

До часу онъ разсказывалъ имъ нравоучительныя сказки, затѣмъ, онъ побрелъ въ кухню и съѣлъ все, что могъ въ ней найти. Немного успокоеный, онъ вернулся въ спальню, но пролежалъ безъ сна, думая о своихъ дѣлахъ до пяти часовъ утра.

Ровно въ часъ дня онъ проснулся, что очень разсердило его. Будь онъ не столь добродѣтельнымъ мужемъ, онъ навѣрно поколотилъ-бы жену за то, что она не разбудила его во время. Какъ и въ среду, онъ помолился въ половинѣ второго и только въ три доѣхалъ до города.

Такое положеніе вещей длилось около мѣсяца. Онъ боролся съ собой, но ни до чего не могъ добиться.

Онъ просыпался каждое утро, то есть каждый день, ровно въ часъ. Каждую ночь, ровно въ часъ, онъ пробирался въ кухню и съѣдалъ все, что находилъ. Каждое утро, ровно въ пять часовъ онъ засыпалъ.

Онъ и родные его—не могли понять что такое съ нимъ совершилось. Доктора

посылали его на воды, лечили гипнозомъ отъ наслѣдственнаго лунатизма, летаргіи, истеріи, неврастеніи. Ничего не помогало. Онъ продолжалъ жить наоборотъ. Казалось, дни его не имѣли ни начала ни конца, а постоянно были чѣмъ то среднимъ.

Когда онъ становился веселымъ и разговорчивымъ, всѣ зѣвали и уходили спать. Когда онъ начиналъ работать, остальные люди кончали и уходили домой.

Когда онъ приходилъ въ клубъ, двери были заперты, и его немилосердно прогоняли.

Наконецъ, случайно явилась разгадка всего этого.

— Мамочка, который теперь часъ въ Нью-Юркѣ? — Спросила маленькая дочь отрываясь отъ учебника географіи.

— Семь часовъ въ нашемъ Д...,—отвѣтила мать,—слѣдовательно въ Нью-Іоркѣ на двадцать минутъ меньше.

— Должно быть такъ,—сказала дочь,— Нью-Іоркъ лежитъ двумя градусами восточнѣе Д...

— Два градуса... повторялъ отецъ, — два градуса... значитъ теперь у насъ...

— Я знаю! знаю!! знаю!!!—вдругъ закричалъ онъ, падая къ ногамъ жены.

— Что такое? что случилось,—спросила перепуганная женщина.

— Я знаю, все знаю! Я только-что всталъ, потому-что теперь въ Д... семь часовъ утра!

Въ этомъ не могло быть больше сомнѣнія. 25 лѣтъ онъ аккуратно жилъ по часамъ родного Д..., которые на цѣлыхъ шесть часовъ не совпадали съ часами его нынѣшняго мѣста жительства. Онъ могъ перемѣнить городъ, но не могъ перемѣнить привычки, пріобрѣтенныя въ теченіи полстолѣтія, изъ-за болѣе ранняго восхода солнца.

Онъ назначилъ рабочее время отъ трехъ до десяти вечера. Въ одиннадцать, совершалъ прогулку верхомъ, причемъ, въ очень темныя ночи, бралъ съ собой зажженный фонарь.

Въ часъ ночи обѣдалъ, а затѣмъ шелъ въ клубъ. Ему все-же удалось разыскать клубъ, гдѣ играли до четырехъ часовъ утра. Въ половинѣ пятаго, онъ будилъ семью для вечерней молитвы, и крѣпко засыпалъ въ пять.

Весь городъ смѣялся надъ нимъ и самъ губернаторъ покачивалъ головой, но все это производило очень небольшое впечатлѣніе. Единственно, что ему не доставало, это духовной пищи. Въ пять часовъ пополудни, въ воскресные дни, онъ чувствовалъ потребность слушать гимны и проповѣди, но приходилось обходиться безъ

нихъ. Въ семь онъ завтракалъ, въ одиннадцать—пилъ чай, а въ полночь—опять жаждалъ быть въ церкви. Въ три часа ночи—онъ обѣдалъ и ложился спать печальный и недовольный собой.

— Воистину этотъ человѣкъ — былъ рабомъ привычки!

РАЗСѢЯННЫЙ ПРОФЕССОРЪ.

Вы приглашаете его къ обѣду въ четвергъ.

— «Непремѣнно приходите, мы всѣ будемъ васъ ждать»—

— «Я не могъ-бы придти въ среду»,— говоритъ онъ, прохаживаясь для пищеваренія по комнатѣ.—«Въ пятницу тоже не могу, такъ-какъ уѣзжаю въ Шотландію. Въ четвергъ какъ разъ самый удобный для меня день. Непремѣнно, буду у васъ къ обѣду». Онъ вынимаетъ записную книжку, что-то записываетъ, и вы вполнѣ увѣрены, что онъ придетъ къ вамъ непремѣнно, о чемъ сообщаете, придя домой, вашей женѣ.

Въ четвергъ собраются гости, которые терпѣливо сидятъ до 8-ми часовъ въ ожиданіи обѣда и профессора. Жену неоднократно вызываютъ въ переднюю, гдѣ она таинственно шепчется съ горничной, и, возвращаясь въ гостинную, все грознѣе и грознѣе глядитъ на васъ.

Наконецъ, она заявляетъ, что ждать больше нельзя, и что обѣдъ окончательно испортится, если тотчасъ-же не сѣсть за столъ.

За обѣдомъ вы старательно разсказываете анекдоты о разсѣянности профессора, заставляя, изъ вѣжливости, смѣяться и себя и гостей, но пустое кресло и приборъ невольно наводитъ мысли о покойникѣ и вечеръ заканчивается разговорами о гробахъ, похоронахъ и умершихъ родныхъ.

На другой день, въ половинѣ девятаго раздается сильный звонокъ.

Профессоръ, запыхаясь, вбѣгаетъ въ гостинную.

— Простите, что немного опоздалъ, обращается онъ къ вашей женѣ, цѣлуя ея ручки.—Болванъ извощикъ повезъ меня на площадь Альфреда, вмѣсто...

—Что-же вамъ угодно?—дѣланно строго спрашиваете вы его.—

— Какъ, что? Обѣдать! я страшно голоденъ!

— Къ сожалѣнію ничего не могу вамъ предложить.—

— Кой чертъ вы тогда меня звали къ обѣду? Сердится онъ.

— Ничего подобнаго,—не особенно любезно говорите вы.—Васъ просили придти къ обѣду въ четвергъ, а не въ пятницу.

— Да какъ-же я могъ перепутать четвергъ съ пятницей?

Не знаю, но вы обѣщали быть у насъ именно въ четвергъ, а въ пятницу собирались ѣхать въ Шотландію.—

— Да, да, вѣрно... въ Шотландію, и поѣздъ отходитъ ровно въ девять!—кричитъ онъ и быстро, хватая цилиндръ и пальто, убѣгаетъ.

Вы возвращаетесь въ кабинетъ и думаете о человѣкѣ, которому придется совершить такое длинное путешествіе во фракѣ съ цилиндромъ на головѣ.

Но еще хуже бываетъ, когда вы у него въ гостяхъ.

Мнѣ пришлось провести на его дачѣ цѣлый день.

Въ полдень мы поѣхали кататься на лодкѣ. Мѣсто было пустынное, день жаркій и, снявъ чулки, мы черезъ край лодки болтали ногами въ водѣ.

Это пріятное занятіе было прервано появленіемъ двухъ лодокъ, переполненныхъ нарядными людьми.

Люди махали платками, кричали что-то, чего мы не могли разслышать. Не поднимая головы, профессоръ посовѣтовалъ мнѣ не обращать на нихъ вниманія, говоря, что на дачѣ существуетъ обычай отмахиваться платкомъ отъ комаровъ.

Когда лодки съ машущими платками

людьми приблизились къ намъ, профессоръ поднялъ голову и неожиданно вскочилъ, чуть не опрокинувъ лодку.—Господи, Господи я вѣдь совершенно забылъ!

— Что забыли? — испуганно спрашиваю я.

— Забылъ! совсѣмъ забылъ!—Кричитъ онъ. На сегодня я пригласилъ къ обѣду семью Палмеровъ, Грахамовъ, Хандерсоновъ и ничего не приготовилъ для нихъ, а слугу своего отпустилъ гулять!

Однажды, я съ нимъ обѣдалъ въ ресторанѣ. Къ намъ подошелъ хорошій знакомый профессора и спросилъ, что мы намѣрены дѣлать послѣ обѣда.

— Я останусь здѣсь писать письма,— отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ—поѣзжайте со мной, профессоръ, сказалъ Мистеръ Ки.— Я покатаюсь съ Леной («Лена» была одна изъ трехъ барышень, съ которой онъ былъ, какъ и съ остальными двумя, обрученъ). Въ каретѣ есть мѣсто для васъ.

Черезъ полтора часа Халліардъ вернулся. У него былъ разочарованный, усталый видъ.

— Развѣ вы не поѣхали кататься съ Ки?—

— Поѣхалъ!—отвѣтилъ онъ.

— Случилось что нибудь?

— Да!—былъ короткій отвѣтъ.

— Перевернулась карета?

— Нѣтъ, но я самъ. Мы благополучно доѣхали до Путни,—началъ онъ,—на поворотѣ карета задѣла столбъ фонаря, дверцы открылись и я очутился сидящимъ посрединѣ дороги, съ толпой зѣвакъ вокругъ меня. Въ такомъ положеніи человѣку не сразу удается понять, что съ нимъ случилось. Когда я всталъ, карета была уже далеко. Четверть версты я бѣжалъ за ними, за мной бѣжала толпа мальчишекъ, я кричалъ и звалъ, мальчишки повторяли мой крикъ, но ничего не помогло! Карета мчалась и не могла остановиться благодаря тому, что сидѣвшіе въ ней люди совсѣмъ потеряли головы.

Тогда мнѣ оставалось только вернуться домой, что я и сдѣлалъ.

Вечеромъ въ театрѣ, я встрѣтилъ мистера Ки.

— Какъ я радъ васъ видѣть!—сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку. — Скажите, ради Бога, поѣхалъ-ли я сегодня кататься съ профессоромъ?

— Да.

— Тоже самое говоритъ Лена, но клянусь вамъ я нигдѣ не могъ его найти.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ я, — вы обронили его около Путни.

— Обронилъ профессора! Но я совсѣмъ не помню, какъ это случилось!

— Но зато профессоръ это хорошо помнитъ.

Всѣ увѣряли, что профессоръ никогда не женится. Казалось невозможнымъ заставить его запомнить день, церковь и дѣвушку, на которой онъ женился. Но, я предполагаю, что профессоръ былъ женатъ, но конечно забылъ объ этомъ на второй день послѣ свадьбы.

Однако, никто изъ насъ не былъ правъ. Профессоръ женился, и я видѣлъ его прелестную маленькую жену, которая, мнѣ кажется, сумѣетъ напомнить ему о себѣ.

Послѣ свадьбы, которая прошла почти благополучно, я потерялъ ихъ изъ виду.

Путешествуя по Шотландіи, я остановился на нѣсколько дней въ Скарборо. Погода была отвратительная. Шелъ сильнѣйшій дождь; тѣмъ не менѣе, одѣвъ макинтошъ и галоши, я отправился на прогулку.

Было почти темно. Вѣтеръ дулъ такъ сильно, что я съ трудомъ могъ подвигаться впередъ, и, неожиданно, я споткнулся обо что-то живое. Это оказался, весь мокрый, продрогшій маленькій человѣкъ, пытавшійся защитить себя отъ бури подъ деревомъ.

— Извините—сказалъ я ему—въ темнотѣ я не замѣтилъ васъ.—

— Да это-ли это, старикъ?

— Профессоръ!

— Боже мой!—никогда не былъ я такъ радъ встрѣтить человѣка, какъ въ эту минуту,—и онъ чуть не оторвалъ мнѣ руки.

— Но что вы дѣлаете здѣсь?—сказалъ я.—Вы вѣдь насквозь промокли!

Да,—согласился онъ,—утро было такое чудное и я никогда не думалъ, что будетъ дождь.

Я сталъ опасаться относительно его умственныхъ способностей. Человѣкъ, который такъ много работаетъ, какъ онъ, никогда не застрахованъ отъ такихъ болѣзней.

— Зачѣмъ вы не идете домой?—спросилъ я.

— Не могу, я не знаю, гдѣ я живу: я потерялъ адресъ! Ради Бога, сведите меня куда нибудь, дайте чаю, я совсѣмъ окоченѣлъ!

— По дорогѣ въ гостинницу, я спросилъ его, есть-ли у него деньги?

— Ни гроша!—отвѣтилъ онъ.—Мы съ женой пріѣхали сюда въ одиннадцать. Вещи остались на вокзалѣ, а жена пошла искать помѣщеніе. Какъ только мы устроились, я переодѣлся и пошелъ гулять,

сказавъ женѣ, что приду обѣдать въ часъ и, какъ врожденный болванъ, не замѣтилъ ни улицы ни дома откуда вышелъ.

Какъ мнѣ теперь найти жену?—продолжалъ онъ.

— Я надѣялся, что она придетъ на набережную, погулять и цѣлый день прокараулилъ здѣсь, но она не пришла.

— Неужели вы совсѣмъ не помните какъ выглядѣлъ вашъ домъ или улица? спросилъ я.

— Конечно нѣтъ—отвѣтилъ онъ.

Пробовали-ли вы обратиться въ меблированные дома?

— Пробовалъ! — горько воскликнулъ онъ.—Въ каждую дверь я стучался и отовсюду меня выгоняли! Я даже спросилъ полицейскаго, но онъ только засмѣялся и повернулся ко мнѣ спиной.—Это такъ меня взбѣсило, что я кое-чѣмъ отвѣтилъ на это. Они должно-быть розыскиваютъ меня теперь.

— Я вошелъ въ ресторанъ, — продолжалъ онъ свой печальный разсказъ.— Но никто не хотѣлъ накормить меня безъ денегъ. Напрасно молилъ я хозяйку повѣрить мнѣ въ долгъ. При всей публикѣ, она велѣла выгнать меня изъ ресторана.

Перемѣнивъ одежду и немного успокоенный, онъ сталъ обсуждать со мной вопросъ, какъ найти жену. Онъ не

помнилъ ни адреса ея родителей, ни улицы Лондона, гдѣ онъ жилъ до отъѣзда, и мнѣ казалось почти невозможнымъ, что-бы они когда-нибудь встрѣтились на этомъ свѣтѣ.

Сидя на моей постели, и задумчиво стягивая съ ноги носокъ, онъ бормоталъ.

—Я увѣренъ, что ей все это покажется страннымъ, даже очень страннымъ!

Черезъ недѣлю, упорной работы—полиціи все-же удалось вернуть его роднымъ и женѣ, къ великому удивленію и всеобщей радости.

Я спросилъ его, что сказала его жена.

— О, она сказала какъ-разъ то, о чемъ я думалъ!—Но о чемъ именно онъ думалъ, онъ мнѣ такъ и не сказалъ до сегодняшняго дня.

ЖИЗНЬ ДЛЯ ДРУГИХЪ.

Когда я увидѣлъ его впервые, онъ сидѣлъ, прислонившись къ подрѣзанной ивѣ и курилъ трубку. Курилъ онъ очень медленно и по всѣмъ правиламъ, но послѣ каждой затяжки вынималъ трубку изо рта и шапкой отмахивалъ дымъ.

— Вамъ дурно?—спросилъ я изъ-за дерева, въ полной готовности удрать, такъ какъ зналъ по опыту, что отвѣты старшихъ учениковъ, на дерзость младшихъ, обыкновенно такого сорта, что ихъ предпочтительно избѣжать.

Къ моему удивленію и радости — я съ перваго взгляда не обратилъ должнаго вниманія на длину его ногъ—онъ отнесся къ моему вопросу, какъ къ вполнѣ естественному, и чистосердечно отвѣтилъ:

— Пока еще нѣтъ!

Мнѣ казалось, что онъ понялъ мое желаніе помочь ему и былъ за это благодаренъ. Тогда я вышелъ изъ-за дерева, усѣлся противъ своего новаго друга

и впродолженіе нѣсколькихъ минутъ молча смотрѣлъ на него.

Онъ вдругъ спросилъ:

— Пробовали ли вы когда-нибудь пить пиво?

Я признался, что не пробовалъ.

— Ахъ, какая это гадость!—сказалъ онъ съ невольной дрожью.

Подъ вліяніемъ горестнаго воспоминанія о прошломъ, онъ забылъ о настоящемъ и безпечно и не въ мѣру затянулся.

— Вы часто пьете пиво?—спросилъ я.

— Да!—мрачно отвѣтилъ онъ,—мы, пятиклассники, всѣ пьемъ пиво и куримъ трубку.

Вдругъ лицо его позеленѣло. Онъ быстро всталъ и направился къ забору. По пути, не оборачиваясь, онъ сказалъ мнѣ.

— Если вы будете подсматривать за мной, я пробью вамъ голову!—Онъ скрылся съ клокотаньемъ въ горлѣ.

По окончаніи учебнаго года, онъ вышелъ изъ училища, и мы встрѣтились уже взрослыми молодыми людьми. Однажды онъ встрѣтилъ меня на Оксфордской улицѣ и пригласилъ меня погостить у его родныхъ.

Я засталъ его блѣднымъ и грустнымъ; по временамъ онъ тяжко вздыхалъ. Во время прогулки по лугу онъ немного повеселѣлъ, но затѣмъ, какъ только мы подошли къ дому, онъ точно вспомнилъ

что-то и снова сталъ вздыхать. За обѣдомъ онъ ничего не ѣлъ, похлебывалъ только вино и крошилъ хлѣбъ.

Меня все это смущало, но родные его—незамужняя тетка, двѣ старшія сестры и подслѣповатая кузина—были въ восторгѣ. Онѣ все время перемигивались и улыбались. Въ минуты забывчивости онъ проглатывалъ корочку, и онѣ тотчасъ же принимали удивленный и огорченный видъ.

Въ гостиной, подъ звуки сантиментальной мелодіи, которую пѣла кузина, я сталъ разспрашивать тетку.

— Что съ нимъ такое? Онъ боленъ?

Старушка усмѣхнулась:

— Въ свое время вы будете точно такимъ же.

— Когда?—спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Когда влюбитесь!

— Значитъ, онъ влюбленъ?—спросилъ я послѣ паузы.

— Да неужели же вы не видите, что онъ влюбленъ?—отвѣтила она достаточно сердито.

Какъ молодого человѣка, все это меня заинтересовало.

— Неужели онъ не будетъ обѣдать до тѣхъ поръ, пока не покончитъ...

Она пристально посмотрѣла на меня и, очевидно, рѣшила, что я глупъ.

— Подождите!—сказала она, потряхивая локонами.—Не очень-то вы будете думать объ обѣдѣ, когда по настоящему влюбитесь.

Ночью, около одиннадцати, мнѣ послышались шаги въ корридорѣ. Открывъ дверь, я увидѣлъ своего пріятеля, который въ халатѣ и туфляхъ спускался по лѣстницѣ. Въ первую минуту я подумалъ, что отъ усиленныхъ заботъ онъ заболѣлъ лунатизмомъ, а затѣмъ, отчасти изъ любопытства, отчасти изъ безпокойства, я рѣшилъ пойти вслѣдъ за нимъ.

Онъ поставилъ свѣчу на кухонный столъ и скрылся въ кладовой, откуда черезъ нѣсколько времени вышелъ съ блюдомъ холоднаго мяса и кувшиномъ пива.

Я присутствовалъ на его свадьбѣ, и у меня создалось впечатлѣніе, что онъ старался проявить восторгъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ чувствовалъ его въ дѣйствительности.

Пятнадцать мѣсяцевъ спустя, просматривая какъ-то въ Times'ѣ списокъ родившихся, я узналъ, что у моего друга увеличеніе семьи. По дорогѣ домой я заглянулъ къ нему съ цѣлью поздравить.

Со шляпой на головѣ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по корридору и изрѣдка останавливался, чтобы закусить неважной на видъ, холодной бараниной и выпить

лимонаду. Меня съ перваго же взгляда удивило то обстоятельство, что онъ ѣстъ и пьетъ въ корридорѣ, въ то время, какъ столовая совершенно убрана и пуста. Впрочемъ, размышленія свои я оставилъ при себѣ и, не медля, справился о здоровьѣ матери и ребенка.

— Лучше не можетъ быть!—отвѣтилъ онъ со вздохомъ.

— Это очень пріятно!—отозвался я.—Я полагалъ, что вы очень волнуетесь...

— Волнуюсь-ли я?—воскликнулъ онъ.—Другъ мой, я до сихъ поръ не знаю, на головѣ я или на ногахъ. За цѣлыя сутки это первый кусокъ у меня во рту.

Наверху лѣстницы показалась сидѣлка. Онъ бросился къ ней, въ возбужденіи опрокинувъ лимонадъ.

— Что случилось?—Все-ли благополучно?

Старушка перевела взглядъ съ него на холодное мясо и одобрительно улыбнулась.

— Оба чувствуютъ себя прекрасно!—отвѣтила она, съ материнскимъ жестомъ хлопнувъ его по плечу.—Не безпокойтесь.

— Я не могу не безпокоиться, мистриссъ Джобсонъ!—сказалъ онъ, усѣвшись на ступеньку и прислонивъ голову къ periламъ.

— Разумѣется, не можете!—ласково отвѣтила мистриссъ Джобсонъ.—Вы не были бы мужчиной, если бы могли.

Только теперь я понялъ, отчего у него была шляпа на головѣ и почему онъ ѣлъ холодное мясо въ коррпдорѣ.

Слѣдующимъ лѣтомъ они наняли живописный, старинный домъ въ Брекшайрѣ и пригласили меня бывать у нихъ еженедѣльно, съ субботы до понедѣльника. Домъ ихъ былъ близъ рѣки, и, захвативъ фланелевый костюмъ въ дорожный мѣшокъ, я отправился налегкѣ. Въ воскресенье утромъ я спустился внизъ во фланелевомъ костюмѣ. Онъ встрѣтилъ меня въ саду и былъ во фракѣ и бѣломъ жилетѣ.

Я замѣтилъ, что онъ съ безпокойствомъ бросилъ на меня косой взглядъ. Когда раздался звонокъ къ завтраку, онъ спросилъ:

— У тебя есть съ собой приличный костюмъ?

— Приличный костюмъ?! Развѣ что нибудь случилось?

— Нѣтъ!—объяснилъ онъ.—Я имѣю въ виду приличный костюмъ для церкви.

— Для церкви? Неужели же вы въ такую восхитительную погоду пойдете въ церковь? Я былъ увѣренъ, что вы будете играть въ теннисъ или кататься на рѣкѣ. Вы всегда такъ дѣлали...

— Да!—отвѣтилъ онъ, нервно ударяя поднятой вѣткой шиповника по кусту. Тутъ, собственно, не мы... Мы съ Модъ

предпочли бы другое, но наша кухарка шотландка и строговата въ своихъ принципахъ.

— И это она требуетъ, чтобы вы посѣщали церковь каждое воскресенье?— воскликнулъ я.

— Ну, не требуетъ... Она только находитъ страннымъ, если мы не бываемъ въ церкви, и мы обыкновенно бываемъ въ церкви утромъ... и вечеромъ. А днемъ приходятъ изъ деревни дѣвушки, и мы всѣ вмѣстѣ поемъ псалмы... Понимаете... Я могу избѣжать это, но не хочу оскорблять ничьи чувства.

Своего мнѣнія по этому вопросу я не высказалъ. Я сказалъ только:

— У меня имѣется костюмъ, въ которомъ я былъ вчера. Если желаете, я могу надѣть его.

Онъ оставилъ хлопать вѣткой по кусту и нахмурился. Было ясно, что онъ старается припомнить мой костюмъ.

— Нѣтъ!—произнесъ онъ, покачивая головой.—Боюсь, что онъ будетъ ее шокировать... Конечно, это моя вина,—прибавилъ онъ.—Я долженъ былъ васъ предупредить.

У него явилась идея.

— Я полагаю,—сказалъ онъ,—что вамъ не трудно будетъ назваться боль-

нымъ и пробыть сегодня въ постели весь день.

Я объяснилъ ему, что совѣсть не позволяетъ мнѣ участвовать въ подобномъ обманѣ.

— Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы она дурно думала о васъ, — продолжалъ онъ.—Я, пожалуй, скажу ей, что вы потеряли вашъ дорожный мѣшокъ.

У него умерла четырнадцатая по счету кузина и оставила ему въ наслѣдство большое состояніе. Онъ купилъ имѣніе въ Іоркшайрѣ, и вотъ когда, дѣйствительно, наступили для него тяжелые дни.

Съ мая, до половины августа, жизнь его протекала довольно мирно; онъ изрѣдка лишь простужался на рыбной ловлѣ съ удочкой. Но съ начала осени, до конца весны, существованіе для него положительно превратилось въ пытку. Онъ былъ полнымъ мужчиной, невыносившимъ огнестрѣльнаго оружія, и шестичасовое странствованіе по вспаханнымъ полямъ, съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ, въ обществѣ безпечныхъ бездѣльниковъ, то и дѣло стрѣлявшихъ подъ самымъ его носомъ, надоѣдало и сильно утомляло его. Ему приходилось вставать въ сырыя октябрьскія дни. Зимой—два раза въ недѣлю—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда благодѣтель-морозъ давалъ передышку—онъ вынужденъ былъ ѣхать

на охоту съ собаками. Благо еще, что благодаря своей полнотѣ, онъ серьезно не страдалъ и отдѣлывался незначительными ушибами да болью въ спинѣ.

И все же онъ никогда не жаловался.

— Если вы помѣщикъ,—часто говорилъ онъ—то вы должны вести себя, какъ помѣщикъ, и принимать дурное наравнѣ съ хорошимъ.

Роковая судьба, случайной спекуляціей, удвоила его состояніе; вслѣдъ затѣмъ выяснилась необходимость выступить въ парламентѣ и завести яхту.

Отъ парламента у него всегда болѣла голова, а отъ яхты началась морская болѣзнь, которая частенько мучила его и на сушѣ. Несмотря на это, онъ, регулярно, каждый годъ наполнялъ яхту дорого стоющими гостями и отправлялся на мѣсячную страду въ Средиземное море.

Однажды, во время плаванья, гости за картами учинили крупный скандалъ. Онъ былъ въ своей каютѣ и ничего не зналъ объ этомъ, но оппозиціонная печать воспользовалась этой исторіей и назвала яхту «плавучимъ адомъ», а «Полицейскія Извѣстія» помѣстили его портретъ на самомъ видномъ мѣстѣ, какъ выдающагося преступника за недѣлю.

Затѣмъ онъ попалъ въ «кружокъ культурныхъ людей», которымъ заправлялъ

толстогубый студентъ. До сихъ поръ любимымъ его чтеніемъ была литература въ духѣ Корелли и «Tit Bits», а теперь—его заставили читать Мередитъ. Вмѣсто абонемента въ «Gaiety», онъ купилъ абонементъ въ «Театръ Независимости».

Ему заявили, что картины старыхъ мастеровъ никуда не годятся, и заставили купить картины импрессіонистовъ, которыя болѣзненно уязвляли его печень своими зелеными коровами на красныхъ холмахъ при алой лунѣ или же красноволосыми головами съ шеями въ три фута длины.

Онъ кратко возражалъ, что все это неестественно, но ему вполнѣ резонно отвѣчали, что въ данномъ вопросѣ природа не имѣетъ права голоса; добавляли при этомъ, что художникъ видѣлъ предметы именно таковыми и то, что онъ изобразилъ—независимо отъ состоянія того, въ которомъ онъ творилъ—и есть подлинное искусство.

Его возили на празднества въ честь Вагнера и на выставки Бернъ-Джонса. Его обезпечивали мѣстами на всѣ пьесы Ибсена и ввели въ артистическую среду.

Однажды утромъ я встрѣтился съ нимъ; онъ выходилъ изъ артистическаго клуба и выглядѣлъ очень утомленнымъ. Онъ только что былъ на частной выставкѣ картинъ. Послѣ завтрака ему предстоялъ

любительскій спектакль, на которомъ необходимо было присутствовать.

Послѣ того—три обязательныхъ, литературныхъ визита,—обѣдъ съ индійскимъ набобомъ, который ни слова не понималъ по англійски,—«Тристанъ и Изольда» въ Ковентгарденскомъ театрѣ и, для завершенія дня—балъ у лорда Сальсбюри.

Я опустилъ руку на его плечо.

— Поѣдемте-ка въ лѣсъ!—сказалъ я.—Четырехмѣстная карета уходитъ въ одиннадцать часовъ. Сегодня суббота, и въ лѣсу будетъ много народу... Мы сыграемъ партію въ кегли и пострѣляемъ въ кокосовые орѣхи... Вы когда-то славились стрѣльбой по кокосовымъ орѣхамъ. Тамъ мы сможемъ позавтракать, пообѣдать, вечеръ провести въ театрѣ Empire и поужинать въ Савойской гостинницѣ. Что вы скажете на мое предложеніе?

Въ большой задумчивости стоялъ онъ на ступеняхъ подъѣзда. Во взглядѣ его сквозила нерѣшительность.

Но подкатившій экипажъ, вывелъ его изъ неопредѣленнаго состоянія.

— Дорогой другъ мой, а что скажутъ мои знакомые?—отвѣтилъ онъ, крѣпко пожалъ мнѣ руку и сѣлъ въ экипажъ.

Лакей захлопнулъ за нимъ дверцу кареты.

Мы съ Ричардомъ Денкерменомъ были школьными товарищами. Въ первые годы знакомства, въ нашихъ отношеніяхъ замѣчалась нѣкоторая холодность, которая имѣла причиной слѣдующій случай.

Я написалъ поэму приблизительно слѣдующаго содержанія:

Дики, Дики, Дакъ,
Попался въ просакъ.
Выпилъ онъ стаканъ вина
И оралъ, какъ пьяный
По пути... и т. д.

Свое отношеніе къ моимъ стихамъ, Денкерманъ выразилъ пинкомъ колѣна, но, несмотря на подобный способъ критики литературнаго произведенія, мы впослѣдствіи сошлись и даже подружились. Я сталъ заниматься журналистикой, а онъ— адвокатурой, которую затѣмъ промѣнялъ на драматургію.

Какъ-то разъ ему удалось написать пьесу, крайне неудачную въ структурномъ

отношенiи, но очень значительную по вложенной въ нее вѣрѣ въ человѣка.

Спустя два мѣсяца послѣ постановки своей комедiи, онъ познакомилъ меня съ Пирамидой. Въ то время я былъ влюбленъ. Насколько мнѣ помнится, ее звали Ноами, и у меня была потребность говорить о ней по цѣлымъ днямъ.

Дикъ слылъ за человѣка, живо интересующагося чужими любовными дѣлами. Онъ предоставлялъ влюбленнымъ часами изливаться предъ нимъ, а самъ, въ это время, заносилъ коротенькiя замѣчанiя въ свою записную книжку въ красномъ переплетѣ. Однажды я отправился къ нему.

Съ четверть часа мы говорили о самыхъ безразличныхъ для насъ вещахъ, а затѣмъ я перешлъ на свою тему. Я досыта наговорился о красотѣ Ноами, о добротѣ ея, и, вслѣдъ затѣмъ, сталъ описывать свои собственныя чувства. Я говолилъ о безумiи, убѣждая Дика въ томъ, что люблю; говорилъ о полнѣйшей невозможности полюбить когда-нибудь другую женщину и о пламенномъ желанiи своемъ умереть съ ея именемъ на устахъ.

Дикъ вдругъ поднялся съ мѣста, и я подумалъ, что онъ пошелъ за своей записной книжкой. Вмѣсто того онъ прiоткрылъ дверь и впустилъ въ комнату громаднаго, рѣдкой красоты кота, который

прыгнулъ на колѣни къ Дику и усѣлся прямо противъ меня. Я продолжалъ свой разсказъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Дикъ перебилъ меня:

— Мнѣ кажется, вы назвали ее «Ноами»

— Да.. А что такое?

— Ничего! Но вы только что назвали ее «Энидой».

Странно, если вспомнить, что я не видѣлъ Эниды цѣлую вѣчность и совершенно забылъ про нее. Мой паѳосъ какъ будто поостылъ. Черезъ двѣнадцать фразъ, Дикъ опять перебилъ меня.

— Кто это Джулія?

Я припомнилъ, что Джулія служила кассиршей въ ресторанѣ и чуть было не связала меня съ собой до гробовой доски. Я содрогнулся теперь при воспоминаніи о томъ, какъ, держа въ своихъ рукахъ ея дряблую руку, я напѣвалъ въ напудренное ухо сантиментальныя мелодіи.

— Развѣ я сказалъ «Джулія»?

— Да, вы назвали Джулію!—кротко отвѣтилъ онъ.—Но не смущайтесь и продолжайте, я буду знать о комъ вы говорите.

Но я потухъ. Пытался еще раздуть пламя, но оно немедленно гасло, какъ только я встрѣчался глазами съ зелеными глазами Чернаго Тома. Мнѣ вдругъ при-

помнится трепетъ, который прошелъ по всему моему тѣлу, когда въ оранжереѣ рука Ноами коснулась моей руки,—не было ли сдѣлано это съ намѣреніемъ? Я вспомнилъ, съ какой кротостью обращалась она съ этой старой вѣдьмой—своей матерью и подумалъ: настоящая эта мать или наемная? Я представилъ себѣ ея корону золотистыхъ каштановыхъ волосъ, и мнѣ захотѣлось узнать, были ли это ея собственные волосы.

Голосъ Дика вывелъ меня изъ тяжелой задумчивости.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ—я полагаю, что вы не можете этого сдѣлать. Никто не можетъ!

— Чего никто не можетъ?—спросилъ я, начиная сердиться на Дика, на кота Дика, на себя и на множество самыхъ разнородныхъ вещей.

— Развѣ можно говорить о любви или о другомъ какомъ-нибудь чувствѣ въ присутствіи Пирамиды?—спросилъ онъ, поглаживая кота, который вдругъ всталъ и выгнулъ дугою спину.

— Какое отношеніе ко всему этому имѣетъ котъ?—огрызнулся я.

— Точно не могу отвѣтить, но это замѣчательно. Какъ-то на дняхъ, зашелъ ко мнѣ старикъ Леменъ и въ обычномъ своемъ духѣ сталъ разглагольствовать о въ

Ибсенѣ, о судьбахъ человѣческаго рода, о соціалистическихъ идеалахъ и т. д.— вѣдь вы знаете его манеру. Пирамида сидѣла на краю стола и глядѣла на него точно такъ, какъ глядитъ теперь на васъ. И черезъ часъ Лименъ вдругъ пришелъ къ убѣжденію, что обществу выгоднѣе быть безъ всякихъ идеаловъ, и что самая вѣроятная участь человѣческаго рода въ томъ, чтобы обратиться въ прахъ. Впервые онъ произвелъ на меня впечатлѣніе вполнѣ здравомыслящаго человѣка.

Я склонился надъ столомъ и сталъ глядѣть въ громадные зеленые глаза; и котъ, не моргая, тоже глядѣлъ въ мои глаза до тѣхъ поръ, пока мною не овладѣло чувство, словно я опускаюсь въ бездну вѣчности.

Панорама вѣковъ проходила предъ моими помутившимися глазами—вся любовь, всѣ надежды и желанія человѣчества, всѣ истины, которыя послѣ тысячелѣтій существованія въ одинъ часъ были признаны ложными,—всѣ вѣры и измышленія, изобрѣтенныя для спасенія, но оказавшіяся безплодными.

Странное, черное существо все росло, все росло, стало заполнять собой всю комнату, въ которой мы съ Дикомъ казались безплотными, рѣющими духами.

Я принудилъ себя разсмѣяться, и это

отчасти разрушило чары. Затѣмъ я спросилъ у Дика, какъ попалъ къ нему котъ.

— Онъ явился ко мнѣ ночью, шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Мнѣ въ то время не везло. Двѣ моихъ пьесы, на которыя я возлагалъ большія надежды, совершенно не удались мнѣ, и было нелѣпо надѣяться, чтобы какой-нибудь антрепренеръ согласился поставить ихъ. Положеніе мое было очень скверное, и дѣло дошло до того, что однажды вечеромъ, я рѣшилъ застѣлиться Я зарядилъ револьверъ и положилъ его передъ собой на столъ. Но вдругъ услышалъ, какъ кто-то царапаетъ дверь. Сперва я не обращалъ на это вниманія, но звуки стали раздражать меня,—я всталъ, открылъ дверь, и въ комнату вошелъ котъ, который тотчасъ же усѣлся рядомъ съ заряженнымъ револьверомъ и сталъ въ упоръ глядѣть на меня. И вотъ, какъ разъ въ это время меня извѣстили, что въ Мельбурнѣ убитъ быкомъ человѣкъ, о которомъ я никогда не слышалъ, но который завѣщалъ мнѣ 3000 фунтовъ. Револьверъ былъ спрятанъ въ ящикъ.

— Какъ вы думаете, не согласится ли Пирамида погостить у меня съ недѣльку?— спросилъ я, тихо поглаживая кота, который мурлыкалъ на колѣняхъ Дика.

— Можетъ быть, когда-нибудь согласится! — отвѣтилъ Дикъ и затѣмъ про-

должалъ— Я привыкъ съ нимъ разговаривать, какъ съ человѣкомъ.—Мы обсуждаемъ съ нимъ самые разнообразные вопросы. Моя послѣдняя пьеса написана въ сотрудничествѣ съ нимъ, и, пожалуй, она ему принадлежитъ больше, чѣмъ мнѣ.

Не сиди здѣсь котъ, я счелъ бы Дика сумасшедшимъ. Но Пирамида не спускала съ меня глазъ, и слова Дика меня заинтересовали.

— Въ первоначальномъ своемъ видѣ это была почти что циническая пьеса. Для артистовъ она была достаточна выигрышна, но для публики она представляла мало интересу. Три дня спустя, послѣ прибытія ко мнѣ Пирамиды, я снова прочелъ пьесу. Котъ сидѣлъ на ручкахъ кресла и не спускалъ глазъ со страницы тетради. Пьесу я читалъ съ восхищеніемъ, потому что она безусловно была полна жизни.

Вдругъ позади меня раздался голосъ

— Очень, очень умно, милый мой! Если только вы немного передѣлаете ее.

Голосъ продиктовалъ мнѣ цѣлый рядъ поправокъ. Я съ гнѣвомъ оглянулся, желая узнать, кто говоритъ со мной и выражаетъ самое типичное антрепренерское мнѣніе. Но въ комнатѣ, кромѣ меня и кота, никого не было. Ясно было, что это я самъ

говорилъ, но голосъ показался мнѣ принадлежащимъ другому.

— Передѣлать пьесу? — воскликнулъ я—но согласитесь, что женщина, рожденная и цѣлыхъ тридцать лѣтъ прожившая въ атмосферѣ грѣха, не исправляется. Въ жизни этого не бываетъ.

— А эта должна исправиться,— и больше ничего!—послѣдовалъ насмѣшливый голосъ.—Добиваться чего—то исключительнаго не слѣдуетъ. Дайте публикѣ то, что ей въ настоящее время нужно, и со своей стороны она дастъ вамъ то, что вамъ нужно. Такъ-то, милый другъ. Такъ слѣдуетъ поступать, если хотите жить.

— И такъ, имѣя Пирамиду подлѣ себя, день за днемъ я передѣлывалъ пьесу. Когда я чувствовалъ, что то или иное мѣсто фальшиво, я писалъ со скрежетомъ зубовнымъ. Свои мнѣнія я отставилъ въ сторону. Подъ мурлыканье кота, я заботился писать такъ, чтобы каждая изъ моихъ маріонетокъ выражалась и дѣйствовала такъ, какъ того требуютъ милорды и милэди и вообще люди избраннаго круга. Пьесу я совсѣмъ передѣлалъ, и старый Гьюсонъ говоритъ мнѣ, что она выдержитъ не меньше пятисотъ представленій.

— Но кто такой вашъ котъ?—со смѣхомъ спросилъ я.—Не злой-ли духъ?

Котъ прошелъ въ сосѣднюю комнату

и прыгнулъ въ открытое окно. Его зеленые глаза больше не притягивали меня, и ко мнѣ вернулся мой здравый смыслъ.

— Вы не прожили съ нимъ шести мѣсяцевъ! — спокойно отвѣтилъ Дикъ — Вы знаете Вичерли, знаменитаго проповѣдника?

А въ чемъ дѣло?

— Втеченіе девяти лѣтъ, Вичерли работалъ самымъ достойнымъ образомъ и велъ геройскій, благородный образъ жизни, на который мало людей способно въ наши дни. Теперь же, Вечерли—пророкъ моднаго неохристіанства и пріѣзжаетъ въ церковь на парѣ чистокровныхъ арабскихъ лошадей. Онъ былъ у меня на дняхъ по одному дѣлу, хочетъ поставить мою пьесу въ пользу фонда заштатныхъ викаріевъ.

— А Пирамида отсовѣтовала?—съ оттѣнкомъ ироніи спросилъ я.

— Нѣтъ! Насколько я понялъ, она одобрила эту затѣю. Дѣло въ томъ, что какъ только Вичерли вошелъ ко мнѣ, котъ ласково потерся объ его ноги. Вичерли погладилъ его и сказалъ:

— Значитъ, онъ теперь къ вамъ перешелъ?

Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ не было нужды. Все было ясно.

Дика я потерялъ изъ виду, но очень много слышалъ о немъ. Онъ слыветъ теперь выдающимся драматургомъ нашего

времени. Про Пирамиду я совсѣмъ забылъ. Но, зайдя какъ-то къ художнику, которому недавно стало улыбаться счастье, я, въ темномъ углу его студіи, увидѣлъ знакомые зеленые глаза.

— Конечно! — воскликнулъ я — Котъ Дика Денкермена перешелъ къ вамъ.

Художникъ отвелъ глаза отъ мольберта и взглянулъ на меня.

— Да! — сказалъ онъ — Одними идеалами не проживешь.

Съ тѣхъ поръ мнѣ часто приходится встрѣчать Пирамиду у моихъ друзей. Они называютъ кота разными именами, но я увѣренъ, что это все тотъ же котъ. Онъ неизмѣнно приноситъ счастье, но обладатели его радикально мѣняются.

Иногда я сижу въ ожиданьи: не послышится ли за дверью знакомое царапанье.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА „САТИРИКОНА“

ВЛАД. АЗОВЪ.

ИСТИННО-РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

СОНЪ ИЗДАТЕЛЯ.

НЯНЬКА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

ИЗЪ СКАЗОКЪ ДОБРАГО ДЯДИ.

I. ПРО УМНАГО ПОПА И БѢДНАГО МУЖИКА.

II. НЕУДАЧНИКЪ.

III. ПРО НѢМЦА-ПЕРЦА-КОЛБАСУ.

НЕСЧАСТНЫЙ СТУДЕНТЪ.

ЗАБАСТОВКА СОФЬИ ИВАНОВНЫ.

ИЗДАНІЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1911.

ТИПОГРАФІЯ ЖУРНАЛА «САТИРИКОНЪ»
М. Г. КОРНФЕЛЬДА. СПБ., БАССЕЙНАЯ, 3—5.

ИСТИННО-РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

ПРО КАВКАЗЪ.

За горами, за долами, за широкими морями, какъ разъ насупротивъ Думбадзіи, лежитъ проклятая страна Кавказъ.

Ужъ такая страна, что хуже и не сыскать: вся перекареженная, повсюду горы, словно шишки торчатъ, а промежъ горами страшныя пропасти. Такая страна! Словно на ней черти овесъ молотили.

Казенныхъ винныхъ лавокъ разъ-двѣ и обчелся. А замѣсто казенокъ духаны, и въ нихъ сидятъ ефіопы, черные, страшные, глаза выпученные, за поясомъ кинжалъ огромнѣйшій, баранину жрутъ.

А пироговъ нашихъ для нихъ хоть бы и не было.

Русскому человѣку на этомъ самомъ Кавказѣ жить все равно, что въ пеклѣ. Чуть выпилъ лишнее, глядь и скатился съ горы кубаремъ. А тамъ ужъ, подъ горою, безпремѣнно дикій армянинъ тор-

читъ, зубы скалитъ, кинжалъ точитъ, русскаго человѣка рѣзать хочетъ.

Перерѣжетъ такъ армянинъ русскому человѣку горло, оботретъ кинжалъ о персидскій коверъ, либо о турецкую шаль, и бѣжитъ въ духанъ къ пріятелю своему грузину хвастаться, да чпхирь пить. А русскому человѣку и пожаловаться-то некуда пойти.

Пойдетъ русскій человѣкъ къ князю въ Тифлисъ, а князя-то армяне да грузины давно вокругъ пальца оплели.

— Ступай!—крикнетъ князь, — откуда пришелъ! Нѣтъ у меня для русскаго человѣка на армянъ, да на грузинъ управы.

Да еще подмигнетъ своему Петерсону изъ нѣмецкихъ тоже армянъ:

— Накостыляй-ка русскому человѣку шею.

Такъ и уйдетъ русскій человѣкъ съ перерѣзаннымъ горломъ не солоно хлебавши, а кругомъ армяне съ грузинами стоятъ, да еще надсмѣхаются.

— Хады, русскій, на наша лавка: рѣзать тебэ будэмъ!

— Видалъ миндалъ?

И шваркъ въ него бомбой, благо тамъ на Кавказѣ бомбы просто на деревьяхъ растутъ, вродѣ какъ у насъ яблоки.

Долго ли, коротко ли, надоѣло русскому народушкѣ рѣзаться, да калѣчиться.

Собрался народъ въ кругъ—триста тридцать три милліона и три тысячи—и повалилъ въ Измайловскій ли полкъ, да на тотъ ли широкій дворъ, да къ атаману ли своему любезному, къ Александрѣ ли Иванычу.

Вышелъ Александра Иванычъ на крылечко свое на косящатое, подбоченился и говоритъ:

— Ужъ ты, гой еси, русскій православный народъ, ужъ вы, гой еси союзнички младые, ужъ вы гой еси, хулиганчики! Подавайте вы мнѣ, атаману вашему, челобитныя, да не почтовыя, а телеграфныя, а ужъ я васъ изъ той бѣды вызволю, а ужъ я армянамъ, да грузинамъ поганымъ не дамъ кинжалами пыряться, да бомбами швыряться.

Сѣлъ на бѣлаго коня красоты судебнымъ приставомъ не описанной, да и поѣхалъ прямо на Кавказъ.

Только и взялъ съ собой оружія, что мечъ-кладенецъ одесскій, браунингъ теріокскій, да по бутылочкѣ живой, да мертвой воды, святыми старцами іоаннитами изготовленной.

Самъ ѣдетъ, а за нимъ Булацель труситъ*). А сзади триста тридцать три

*) Трусить или трусить? Удареніе точно не установлено.

милліона и три тысячи удалыхъ союзничкомъ идутъ, инда земля трясется.

Пришли на Кавказъ, да какъ дернутъ! Гдѣ духанъ стоялъ—казенка стала, гдѣ школа стояла—стала съѣзжая, гдѣ политехникумъ стоялъ — стала для ученыхъ медвѣдей академія.

Горы сравняли, пропасти засыпали, армянъ съ грузинами на нѣтъ свели, — только и оставили, что осетиновъ немножко, да и то Марковъ 2-й упросилъ:

— Русскому,—говоритъ, — помѣщику безъ осетиновъ никакъ невозможно. Вотъ ужо зулусовъ выпишемъ, тогда и осетиновъ можете уничтожить.

Князя убрали, Петерсона въ нѣмецкую Арменію выслали, туркамъ показали свиное ухо (страсть не любятъ!), а какъ кончили уборку,—продали, что осталось отъ Кавказа, англичанамъ. Англичанинъ дуракъ. Всякую дрянь купитъ: лишь бы дешево...

ПРО ЧУХОНЦА.

Жилъ былъ чухонецъ. Ѣлъ салаку, курилъ трубку, носилъ шапку съ ушами и имѣлъ какую-то конституцію. Жилъ тихо, лопоталъ что-то тамъ по-своему — рицъ копекъ да рицъ копекъ — и такъ бы еще можетъ тысячу лѣтъ прожилъ,

если бы не дернула его нелегкая взбунтоваться.

И шутъ его знаетъ, съ чего это онъ вздумалъ бунтовать. То ли его жидъ подговорилъ, то ли ему русскій ненарокомъ на любимую конституцію наступилъ да не извинился.

— Эге, братъ!—сказалъ русскій, увидѣвъ, что чухонецъ взбунтовался.—Такъ ты бунтовать, чухонская твоя образина? А по шеѣ не хочешь?

И малость стукнулъ его по потылицѣ, такъ, слегка, безо всякаго сердца.

Чухонцу бы пасть русскому въ ноги да повиниться. А онъ, глупый, еще пуще сталъ бунтовать.

— Конституція,—лопочетъ,—у меня.— Конституція. Я,—говоритъ,—имѣю право.

А русскій, извѣстно, самъ правъ не держитъ и смерть не любитъ, когда ему какія-то тамъ права въ носъ тычутъ.

Не въ правахъ, вѣдь, счастье и не съ правомъ жить, а съ добрыми людьми.

Ну и, извѣстное дѣло, далъ чухонцу тумака.

А онъ, чухонецъ-то,—надо вамъ, братцы, знать, — такой карахтерный, такой злющій—чистая ехида. Ему слово, а онъ два! Прямо чертъ какой-то болотный, а не человѣкъ.

Русскій это, значитъ, осерчалъ да

праву этому самому чухонскому, конституціи-то этой самой чухонской въ морду и плюнулъ.

— На,—говоритъ,—разотри.

Чухонецъ-то, дуракъ, чѣмъ бы въ шутку все это дѣло оборотить, вломился въ амбицію.

— Я,—говоритъ, —не могу! Я,—говоритъ,—не позволю. Моему,—говоритъ,—народу лучше не жить, чѣмъ оплеваннымъ ходить.

Не понимаетъ, дуракъ, что плевокъ обтереть можно.

А въ ту пору въ столицѣ ихней, въ чухонской,—такъ себѣ, завалящій городокъ,—жилъ русскій дьяконъ.

И начали чухонцы,—это въ отместку-то—на него плевать.

Выйдетъ о. дьяконъ на улицу, или, по-ихнему, на «гатанъ», а они сейчасъ же плеваться. Все полукафтанье дьякону оплюютъ и сами въ подворотню.

Пришелъ дьяконъ въ русскій магазинъ, самъ плачетъ:

— Что-жъ это такое, — говоритъ. — Что же это за мода такая — плеваться? Вѣдь этакъ полукафтаньевъ не напасешься!

И, значитъ, въ Россію сейчасъ письмо: защитите, русскіе люди! Чухонцы

прохода не даютъ русскому человѣку! Плюются, какъ бѣсы какіе.

Тутъ ужъ русскій окончательно, значитъ, осерчалъ.

Тамъ потомъ о. дьяконъ телеграммы въ газеты давалъ, что все это враки, что никто на него и не думалъ плевать, но русскому уже все равно.

— Дудки!—говоритъ.—Стану я, — говоритъ, — для какого-нибудь дьякона репутацію «Новаго Времени» марать! Ужъ коли напечатано, что плевали, стало быть, плевали. А дьяконъ самъ не знаетъ, что говоритъ.

— Да вѣдь вашъ же дьяконъ опровергаетъ,—сказали чухонцы.—Вѣдь вотъ онъ самъ на-лицо.

— Мало ли! —возразилъ русскій—Вы думаете, мы своимъ дьяконамъ больно ужъ вѣримъ? У насъ не то, что съ дьяконами, а съ архимандритами безо всякихъ церемоніевъ! Чуть не по-нашему — значитъ: жидъ! Хоть будь ты самъ архимандритъ Михаилъ!

И, долго не думая, схватилъ чухонца въ охапку.

Чухонецъ попищалъ, попищалъ да и Богу душу отдалъ: не подвертывайся, болотный чортъ, подъ сердитую руку...

СОНЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Лука Лукичъ Глытай або-жъ Павукъ, извѣстный издатель иллюстрированнаго журнала «Вымя» и библіотеки для самообразованія подъ общимъ названіемъ «Ниверситетъ для всѣхъ», повалился на диванъ и забылся тревожнымъ сномъ.

Лука Лукичъ цѣлый день провелъ въ размышленіяхъ. Ноябрь близится къ концу. Загорается предподписочная заря. Что обѣщать въ качествѣ преміи? Чѣмъ заманить подписчика? Журналовъ развелось видимо-невидимо, избалованъ подписчикъ преміями до чрезвычайности. Какъ быть? Чѣмъ-бы это утереть носъ всѣмъ конкурентамъ?

Цѣлый день Лука Лукичъ не выходилъ изъ кабинета, думая свою тяжкую думу. Жена звала его обѣдать, но онъ грозно закричалъ на нее. Сынишка приходилъ звать его къ вечернему чаю, но Лука Лукичъ только отмахнулся отъ него. Смятеніе воцарилось въ семьѣ. Жена на цыпочкахъ ходила мимо плотно захлоп-

нутой двери, и только слышны были ея тяжкіе вздохи. Дѣти пригорюнились и тихо-тихо играли въ самомъ дальнемъ углу квартиры въ «дурачки» и «пьяницы». Даже неугомонная «Мушка» прониклась общимъ настроеніемъ и тихо, словно тяжело-больная, ворочалась на своемъ тюфячкѣ. Электрическій звонокъ—и тотъ испортился, и когда пришелъ изъ лавки старшій сынъ Луки Лукича, редакторъ «Ниверситета для всѣхъ», ему долго пришлось скрестись въ дверь, словно мышонку.

Около 10-ти часовъ вечера все утихло. Погасли во всѣхъ комнатахъ огни, и всѣ домашніе полегли спять. Только въ кабинетѣ Лука Лукичъ, до одурѣнія накурившійся, продолжалъ думать и вздыхать. А голова была точно пустая, и сколько ни напрягался Лука Лукичъ, не могла породить ни одной путной мысли. Лука Лукичъ разсердился, ударилъ кулакомъ по столу, отъ чего пепельница, переполненная окурками, растеряла половину своего содержимаго, и повалился на диванъ.

Вѣки его сами собою опустились, тяжелая, хоть и пустая голова зарылась въ подушку, и онъ заснулъ нехорошимъ, нездоровымъ сномъ человѣка, ничего цѣлый день не ѣвшаго и накурившагося до безобразія.

Уголъ комнаты, гдѣ стоялъ книжный шкапъ, наполненный собственными изданіями Луки Лукича, утопалъ въ тѣни. За большими зеркальными стеклами книги, большія и маленькія, въ переплетахъ и безъ переплетовъ, стояли темными рядами. Массивный томъ «Домашняго скотолечебника», заключенный въ роскошный переплетъ, тѣсно прижался къ рыхлому словарю «300.000 неприличныхъ словъ, а къ нимъ, словно чайки къ скалѣ, лѣпились бѣленькіе выпуски сенсаціоннаго романа «Макарка-душегубъ или предводитель бутырскихъ хулигановъ». Словно облачко какое закурилось надъ этимъ шкапомъ, заколебалось, и изъ него, чрезвычайно неожиданно для Луки Лукича, вынырнулъ человѣкъ.

«Караулъ! Держите жулика!»—хотѣлъ-было закричать Лука Лукичъ, но во время спохватился. Человѣкъ приблизился, и Лука Лукичъ увидѣлъ, что это вовсе не жуликъ, а просто подписчикъ.

— Если-бы вы только знали, какъ вы кстати!—вскричалъ Лука Лукичъ.—Садитесь, пожалуйста, сдѣлайте милость... Я какъ-разъ о васъ думалъ. Время, знаете-ли, горячее, предподписочное, преміи надо изобрѣтать, а посовѣтоваться не съ кѣмъ. Приказчики у меня народъ продувной — жуликъ на жуликѣ. Сынъ—орясина. Кро-

мѣ «полныхъ собраній сочиненій» ничего не можетъ придумать, хоть выжми его. А ужъ какія тамъ нынче «полныя собранія»? Послѣ Достоевскаго съ Тургеневымъ, да послѣ Чехова! Вѣрите-ли, голова кругомъ идетъ... Сдѣлайте милость, вы сами подписчики... Авось, вы что-нибудь присовѣтуете.

— Картиночки, можетъ быть, какія-нибудь,—сказалъ подписчикъ.

— Картиночки!—подхватилъ Лука Лукичъ.—Нѣтъ, ужъ какія нынче картиночки! Испортили это дѣло. Нешто вамъ, — хоть васъ взять, къ примѣру, — олеографіей какой-нибудь нынче угодишь? Трактирщики, такъ и тѣ нынче на олеографіи, извините, плевать хотятъ. Было времячко да прошло. Богатый урожай этими самыми картиночками собирали. А нынче, извините за выраженіе, кухарецъ какой-нибудь, такъ и тотъ отъ первѣющей картиночки морду воротитъ. «У меня,—говоритъ, — и такъ весь сундукъ оклеенъ»... Нѣтъ, ужъ, господинъ подписчикъ, вы мнѣ настоящее скажите... Къ чему у васъ душа, стало быть, лежитъ... Можетъ быть, въ какихъ-нибудь новыхъ стиляхъ чего-нибудь такого этакаго?

Лука Лукичъ впился глазами въ физіономію подписчика, но ликъ послѣдняго былъ ясенъ, какъ майскій день, и не отражалъ ничего затаеннаго въ душѣ.

— Господомъ Богомъ прошу васъ, господинъ подписчикъ! — возопилъ Лука Лукичъ.

— Можетъ быть, альбомчикъ какой-нибудь, — сказалъ подписчикъ, подумавъ, —какія-нибудь, тамъ, канашечки, хе... хе... въ однѣхъ рубашечкахъ... Оно-бы ничего, знаете... во французскомъ, этакомъ вкусѣ... хе... хе... хе... попикантнѣе... хе... хе... хе...

— Опять вы не настоящее говорите,— возразилъ Лука Лукичъ, покачивая головой. — Было уже, все было. И на канашечкахъ нажили мы деньгу, очень даже порядочную деньгу. А теперь не наживешь. Испортили и эту линію. Бывало, пообѣщаешь это какую-нибудь «одалиску» или тамъ «Фрину», такъ добавочную типографію нанимаешь. А что въ ней—въ этой самой одалискѣ? Никакого соблазну! Ну, ужъ нынче за-то одалиской никого не взманишь. «Больно прѣсно», — скажутъ. Разбаловался нынче подписчикъ пикантными сюжетцами, т. е. такъ разбаловался, что и не опишешь. Гимназиста, и того не поймаешь на одалиску. «На что мнѣ,— говоритъ,—твоя одалиска, когда я въ любомъ писчебумажномъ магазинѣ могу открытку за пятачекъ пріобрѣсти почище всякой одалиски. Такое ле ню о салонъ продаютъ, что пальчики оближешь, и всего-то по пяточку каждая ню»... Нѣтъ,

господинъ подписчикъ, канашечками въ однѣхъ рубашечкахъ нынче не сторгуишь... У меня вонъ словарь—«300.000 неприличныхъ словъ», по общедоступной цѣнѣ изданъ, такъ и тотъ бумаги не окупилъ... Вѣкъ за васъ Бога молить буду: присовѣтуйте что-нибудь настоящее...

Подписчикъ съ сосредоточеннымъ видомъ почесалъ затылокъ.

— Право, не знаю, — началъ онъ нерѣшительно. — Положеніе ваше и въ самомъ дѣлѣ тяжелое... «Полное собраніе сочиненій» могло-бы васъ выручить, — такъ все стоющее мы уже получили. Не Сумарокова-же, въ самомъ дѣлѣ, издавать. На парижскій манеръ что-нибудь попробовали-бы: клады тамъ какіе-нибудь, или опять-же взять бутылку изъ-подъ водки и зерномъ ее насыпать... Можетъ быть, оно, того, и пройдетъ!

— Не пройдетъ!—категорически возразилъ Лука Лукичъ. Съ нашимъ подписчикомъ нешто можно? Заграничный подписчикъ — онъ имѣетъ деликатную образованность. Увидитъ обманъ—стерпитъ или, въ крайнемъ случаѣ, обругается, а ужъ непріятности онъ никакой себѣ не позволитъ. Нашъ-же подписчикъ, извините, необразованный мужикъ и больше ничего. Ты его еще и не обманулъ, а онъ уже

норовитъ скулу тебѣ на сторону своротить. Ко мнѣ захаживаетъ тутъ одинъ подписчикъ изъ Весьегонска. Мужчинище, можете себѣ представить, съ этотъ шкапъ, такъ отъ него молодцы мои подъ прилавокъ прячутся. Недополучилъ онъ какого-нибудь тамъ номера, — сейчасъ гроза. «Я — говоритъ — вашего хозяина, чтобъ ему пьяный извозчикъ дышломъ въ глотъяу въѣхалъ,—въ песокъ разотру». И кулачищемъ, словно кистенемъ, размахиваетъ. Покажется такому облому, будто его кладомъ обошли, или еще что,—такъ куда я отъ него спрячусь? Вѣдь духъ вышибетъ... И не поморщится — вышибетъ... Нешто съ нашимъ подписчикомъ можно такія деликатныя операціи производить? Упаси, Господи, и связаться-то съ нимъ... Нѣтъ, ужъ на колѣняхъ молю васъ, придумайте вы что-нибудь настоящее... Вѣдь вы сами подписчики,—должны-же вы желать чего-нибудь... Ну скажите, какой преміи душѣ вашей угодно?

Подписчикъ задумался.

— Ну, какую вамъ премію дать, чтобы вы прельстились, чтобы вы сказали: «вотъ это премія—такъ премія... Ай-да Глытай або-жъ Павукъ!...» Какую?

Подписчикъ въ кровь расчесалъ себѣ затылокъ.

— Какую?—вопилъ Лука Лукичъ.—

Ни за чѣмъ не постою для хорошаго подписчика... Самъ разорюсь и другихъ издателей по міру пущу... Раздѣнусь, разорюсь для подписчика, жену, дѣтей безъ хлѣба оставлю... Пущай знаютъ, каковъ есть Лука Глытай або-жъ Павукъ!..

— Такъ вотъ что я вамъ предложу,— встрепенулся подписчикъ.—Знаете, вѣдь у меня идейка явилась, и недурная, по совѣсти сказать, идейка. И не раздѣнетесь вы, и конкурентовъ зашибете, и подписчиковъ удовлетворите. Всѣхъ, сколько есть на Руси нашего брата подписчика къ себѣ переманите...

— Говори!—закричалъ Лука Лукичъ, вскакивая и принимая подписчика въ свои объятія.—Говори! Озолочу!

— Извольте-съ, я вамъ сейчасъ объясню. Дѣло чрезвычайно простое, какъ всѣ великія открытія...

— Говори! Не томи!—рычалъ Лука Лукичъ.

— Сейчасъ поймете. Вы взимаете за журналъ, издаваемый вами, 7 рублей въ годъ, не такъ-ли?

— Такъ.

— И премій при немъ даете на 81 р. съ копѣйками. Не такъ-ли?

— На 81 руб. 76 коп. въ прошломъ году далъ.

— Если считать, что вамъ лично эти

преміи обходятся, ну хоть въ 10% съ ихъ номинальной цѣны, то выйдетъ, что вы приплачиваете каждому подписчику 8 руб. съ копѣйками. Такъ?

— Совершенно вѣрно.

— Такъ вы не давайте никакихъ премій, а вмѣсто этого скиньте 8 руб. съ подписной цѣны на журналъ.

— Т. е. какъ это?

— Да очень просто. Объявите, что вы высылаете журналъ задаромъ и приплачиваете еще каждому подписчику по рублю. Вамъ это чистая экономія, а подписчику — одно удовольствіе. Никакихъ премій не захочетъ...

Лука Лукичъ засмѣялся. Сначала онъ смѣялся тонкимъ смѣшкомъ, какимъ обыкновенно отвѣчалъ на просьбы сотрудниковъ журнала «Вымя» объ авансахъ. Но скоро смѣхъ его перешелъ въ демоническій грохотъ, въ бурю.

Подписчикъ испуганно поднялся съ мѣста и поплелся-было къ двери, но Лука Лукичъ схватилъ его за ногу и бросилъ на полъ.

Затѣмъ онъ ринулся къ шкапу, выхватилъ толстый томъ «Домашняго скотолечебника» въ шагреневомъ переплетѣ и, замахнувшись, ударилъ имъ несчастнаго по головѣ.

Подписчикъ запищалъ, какъ цыпленокъ, и испустилъ духъ свой...

Лука Лукичъ проснулся, блѣдный, дрожащій, облитый холоднымъ потомъ. Онъ вскочилъ съ дивана, и первою мыслью его было позвать людей, послать за полиціей. Залпомъ осушилъ онъ цѣлый графинъ воды и робко обернулся въ тотъ уголъ комнаты, гдѣ долженъ былъ лежать трупъ.

Но трупа никакого не было. Толстый томъ «Скотолечебника» тоже стоялъ на своемъ мѣстѣ, въ шкафу, прижавшись къ рыхлому словарю «300,000 неприличныхъ словъ».

Лука Лукичъ вздохнулъ всей грудью, провелъ рукою по спутавшимся волосамъ и на цыпочкахъ отправился въ спальню, откуда доносился звонкій носовой храпъ его дражайшей супруги.

НЯНЬКА.

Ушла, уѣхала въ деревню нянька. Понадобилось замѣнить ее другой.

Я предложилъ:

— Не съѣздить ли въ рекомендательную контору?

Но жена возразила:

— Что ты! Да развѣ можно брать нянекъ изъ конторы! Развѣ ты не читалъ, какія бываютъ непріятности отъ прислугъ, взятыхъ изъ конторы?

Я не читалъ и жена мнѣ объяснила:

Изъ конторъ присылаютъ неряхъ, воровокъ. Былъ случай, когда нянька, присланная изъ конторы, продала ввѣреннаго ея попеченію ребенка шарманщикамъ. Другая, конторскаго тоже происхожденія, нянька, переночевавъ, на утро безслѣдно скрылась вмѣстѣ съ ротондой и кольцами барыни. Третья оказалась мужчиной, бѣглымъ каторжникомъ. Четвертая...

Но ознакомиться съ похожденіями четвертой я уже не пожелалъ, ибо опасался, какъ бы четвертая не повлекла за собою пятую, шестую и т. д.

Я прервалъ этотъ мартирологъ хозяекъ заявленіемъ:

— Дѣлай, какъ знаешь. Я вѣдь не настаиваю на конторѣ.

Про похожденія четвертой няньки мнѣ всетаки пришлось выслушать, а про пятую я узналъ только, что она выкинула какую-то необыкновенную гадкую штуку, но какую именно — осталось неизвѣстнымъ, ибо вошла горничная.

— Нянька пришла.

— Откуда?

— Ей въ лавочкѣ сказали, что отъ насъ отошла нянька,—вотъ она и пришла.

— Хорошо! — сказала жена. — Пусть она подождетъ.

И добавила, обращаясь лично ко мнѣ:

— Я сама буду нанимать няньку. Ты, пожалуйста, не вмѣшивайся.

— Дорогая моя, — возразилъ я, — ты вѣдь ничего не понимаешь въ физіономистикѣ, а я физіономистъ, поэтому не мѣшало бы показать мнѣ няньку, прежде чѣмъ дать ей рѣшительный отвѣтъ. А затѣмъ, имѣй въ виду, что изъ лавочки могутъ прислать переодѣтаго женщиной

бѣглаго каторжника съ еще большей легкостью, чѣмъ изъ конторы.

Послѣднее соображеніе, повидимому, показалось женѣ очень вѣсскимъ, потому что она моментально согласилась.

Велѣли позвать няньку.

Она вошла, солидно поклонилась и скрестила руки на животѣ.

Жила тамъ-то и тамъ-то, между прочимъ,—у одного генерала. О томъ, что намъ нужна нянька, узнала въ мелочной лавочкѣ, а въ мелочной, въ свою очередь, узнали это изъ мясной. Узнали ли въ мясной изъ зеленной или какъ-нибудь непосредственно, аспирантка на должность няньки не умѣла уже объяснить.

Я выразилъ убѣжденіе, что между нашей кухней и лавками существуетъ безпроволочный телеграфъ. Нянька остроумія моего не поняла, а жена грозно сверкнула стеклами пенснэ и пробормотала:

— Finissez donc! Devant les gens!

Принимать рекрутовъ куда же легче, чѣмъ нанимать няньку. Для пріемки рекрутовъ существуютъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленныя правила. Подходитъ — «лобъ», не подходитъ — мимо. А какъ нанимать нянекъ?

Физіономистика шептала: «гони ее вонъ!» ибо лицо у нея было маленькое, но, надо отдать ей справедливость, въ высшей сте-

пени несимпатичное. Съ другой стороны, у нея были такія мягкія, пріятныя манеры и говорила она такимъ пріятнымъ, глуховатымъ, низкимъ голосомъ.

Аттестаты, представленные ею, тоже говорили въ ея пользу.

Велѣли придти за отвѣтомъ на слѣдующій день.

— Я бы ее взяла,—сказала жена, когда нянька вышла,—если бы меня не смущало то, что у нея красный носъ. Это отчего?

— Можетъ быть, отъ мороза?—предположилъ я.

— Ахъ, нѣтъ,—возразила жена,—у нея не такой красный носъ, какой бываетъ отъ мороза. Можетъ быть, она пьетъ? Какъ ты думаешь, она пьетъ?

Я сказалъ, что я ничего не думаю, но лицо няньки мнѣ несимпатично.

— Однако, тебѣ было симпатично лицо дачнаго дворника, который потомъ ругалъ насъ на всю улицу, какъ собакъ, и даже чуть не избилъ тебя?

Она попала на мое больное мѣсто. Дѣйствительно, физіономистика однажды феноменально меня подвела.

Каналья-дворникъ, котораго я любилъ за его добродушную открытую владимірскую рожу, ни за что, ни про что устроилъ намъ на дачѣ скандалъ.

Я сказалъ:

— Дѣлай, какъ знаешь. Хочешь—бери, хочешь—не бери.

— А ты возьмешь на себя отвѣтственность за ея красный носъ?

— Дорогая моя, я вообще не принимаю на себя отвѣтственность за чужіе носы.

— Я давно знаю, что ты эгоистъ. Тебѣ надоѣло возиться и ты готовъ взять къ своей дочери въ няньки хоть бѣглаго острожника.

— Дорогая...

— Вы, отцы, всѣ такіе. Вы любите дѣтей до тѣхъ поръ, пока они не доставляютъ вамъ никакихъ хлопотъ. А чуть надо подумать, чуть надо позаботиться о ребенкѣ, вамъ уже тошно. У васъ уже скучающій взглядъ и вы уже думаете: «на кой чертъ я женился!»

— Дорогая....

— Я тебя спрашиваю русскимъ языкомъ: берешь ты на себя этотъ красный носъ или не берешь?

— Не беру я на себя никакого носа!

—Ну, и довольно. Скажу сейчасъ Аришѣ, чтобы ей завтра отказали, когда она придетъ за отвѣтомъ.

Вечеромъ Ниночка, по недосмотру горничной, призванной временно замѣнить няньку, запятила себѣ въ ротъ электрическую лампочку.

Позвали доктора. Докторъ посмотрѣлъ и велѣлъ позвать электротехника.

Изъ общества прислали техника. Лампочку онъ благополучно вынулъ, но Ниночка цѣлую ночь не спала.

*

Утромъ жена меня разбудила раньше обыкновеннаго.

— Дорогая моя....

— Ариша говоритъ, что у нея въ деревнѣ есть свекровь, которая отлично умѣетъ ходить за дѣтьми, и предлагаетъ ее выписать. Какъ ты думаешь?

— По моему, не стоитъ.

— По твоему, конечно, не стоитъ. Ты вѣдь отлично спалъ всю ночь. А по моему,—стоитъ, потому что съ трехъ часовъ я глазъ не сомкнула. Нинушка прямо оборалась. Я должна была сидѣть около нее и разсказывать ей сказки.

— Да почемъ ты знаешь, что эта свекровь годится въ няньки? Выпишешь, а потомъ не угодно ли отправлять назадъ. Хлопоты, время, неудовольствія. Зачѣмъ создавать себѣ непріятности?

— Словомъ, ты хочешь, чтобы твой ребенокъ умеръ?

— Умеръ?!?!

— Конечно, ты добиваешься его смерти. Сегодня, пока я причесывалась, она на-

ѣлась извести. Ее тошнило цѣлый часъ. А завтра она гвоздей наѣстся.

— Позволь мнѣ съѣздить въ контору. Авось, достанемъ хорошую няньку. По крайней мѣрѣ, въ конторѣ выборъ есть. Не одна, такъ другая.

— Ты вѣдь всегда поставишь на своемъ. Ты рѣшилъ взять няньку изъ конторы, вотъ и добился своего. Развѣ я хозяйка въ этомъ домѣ? Я пѣшка. Я не имѣю права голоса. Я ничто!

Пока мы парламентировали такимъ образомъ, Ниночка свалилась съ сундука. Было стенаніе и былъ скрежетъ зубовный......

Второй день я ѣзжу по конторамъ. Прихожу, вношу цѣлковый «за запись» и объясняю свои требованія. Меня выслушиваютъ сухія, какъ папки, сѣдыя старыя дѣвы или господа, напоминающіе обличьемъ и ухватками благородныхъ свидѣтелей, ютящихся въ пріемныхъ у нотаріусовъ. Вездѣ я предупреждаю, по просьбѣ жены, чтобы красноносыхъ лучше не присылали.

Вечеромъ—звонки. Являются няньки.

— Тебѣ не кажется, что она будетъ бить Нинушку?—спрашиваетъ жена про одну изъ нянекъ.

— Я не знаю.

— Тебя, очевидно, это очень мало интересуетъ, если ты даже не хочешь подумать.

— Дорогая, но почемъ я могу знать?
— Почему же мнѣ кажется?,..
— Она хороша,—говоритъ жена про другую аспирантку,—но только мнѣ подозрительно, почему она служила въ двухъ мѣстахъ только по 8-ми мѣсяцевъ. Навѣрно, она пьяница... Отъ нее не пахло водкой?
— Кажется, нѣтъ.
— А по моему—пахло. Она еще уронитъ Нинушку, пьяная-то... У Флегонтовыхъ Колька отъ этого идіотомъ сталъ. Богъ съ ней совсѣмъ, съ этой нянькой.
— Афимья мнѣ очень нравится, ласковая такая и степенная, но она преподозрительно полна...
— У купцовъ жила, оттого и полна.
— А отчего же у нея желтыя пятна на щекахъ и синіе круги подъ глазами? Спроси ее, можетъ быть, она въ интересномъ положеніи?
— Дорогая, неудобно спрашивать....
— Ахъ, тебѣ неудобно... Ну, такъ я ее не возьму... Я не имѣю права рисковать ребенкомъ...
Это тянется шестой день. Конторы, няньки, свекрови, папки въ сѣдыхъ букляхъ, лжесвидѣтели, сосѣдскія кухарки, красные носы, желтыя пятна, воровскіе глаза, дегенеративныя уши....
Идея!

Поѣду въ деревню за старой нянькой, предложу ей половину получаемаго мною жалованія, экипажъ, ложу въ оперу и послѣ моей смерти—половину моего состоянія.

Авось согласится! А вдругъ нѣтъ?...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Корридорный Кузьма на цыпочкахъ подошелъ къ Степану Ивановичу, хозяину гостинницы «Ницца»:

— Степанъ Иванычъ,—сказалъ онъ таинственнымъ шопотомъ.—Конечно, въ седьмомъ номерѣ неладно. Конечно, чай пьютъ, а сами спорятся. И все, конечно, про тюрьму.

— Про какую тюрьму?

— Да, конечно, кто гдѣ сидѣлъ. Въ родѣ какъ бы бѣглые, хотя, конечно, изъ себя господа. Конечно, восьмой номеръ пустой и можете послушать.

Смѣнивъ сапоги мягкими туфлями, хозяинъ «Ниццы» отправился въ восьмой номеръ. За нимъ на цыпочкахъ послѣдовалъ Кузьма.

Жильцы седьмого номера вели поистинѣ странный и подозрительный разговоръ.

— Какъ бы тамъ ни было,—гудѣлъ одинъ изъ нихъ сиплымъ басомъ,— я не сравню «Крестовъ» съ «Предварилкой».

Что помѣщеніе, что столъ, что прислуга, что разныя тамъ удобства... Какое же можетъ быть сравненіе... А Михеичъ надзиратель? Сыщите-ка мнѣ такого въ «предварилкѣ»!... Слава тебѣ, Господи, я достаточно насидѣлся въ «предварилкѣ»,— тамъ бурбоны какіе-то, а не надзиратели. Вотъ развѣ Арбузовъ? Такъ и тотъ, въ концѣ концовъ, свинья...

— Но за то воздухъ,—возразилъ другой собесѣдникъ, обладатель сладенькаго тенора.—Далеко, знаете-ли, воздуху, «Крестовъ» до воздуха «предварилки». И изъ-за одного воздуха стоитъ сидѣть въ «предварилкѣ».

— Что вы толкуете!—сказалъ сиплый басъ.—Вы въ новой-то тюрьмѣ, въ бывшихъ Дерябинскихъ казармахъ сидѣли или нѣтъ?

— Это я-то сидѣлъ--ли?—обидчивымъ тономъ переспросилъ теноръ.—Знаете-ли, я отъ васъ перваго слышу такой вопросъ. Я, дорогой мой, можно сказать, открывалъ Дерябинскую тюрьму. Тамъ еще краской и сосновыми стружками пахло, когда я сѣлъ... Я...

— А толкуете про воздухъ «предварилки»,—перебилъ басъ.—Вотъ если бы вы про Дерябинскій воздухъ говорили, я бы слова противъ не сказалъ. Въ отношеніи воздуха Дерябинская выше даже

«Крестовъ». Но зато сквозняки... такіе сквозняки, что диву иной разъ даешься.

— Ну дорогой мой,—сказалъ теноръ,—если бы вы сидѣли когда-нибудь въ Спасской части, вы бы знали, что такое настояшіе сквозняки. Дерябинскіе сквозняки это—дѣтская игра въ сравненіи со спасскими.

— Почему же вы думаете, что я въ Спасской не сидѣлъ?—спросилъ басъ.

— Вы никогда не говорили.

— Мало-ли что я не говорилъ. Я и про крѣпость не говорилъ, изъ чего однако, не слѣдуетъ, что я не сидѣлъ въ крѣпости.

— Кстати,—освѣдомился теноръ.—Говорятъ, въ крѣпости недурная библіотека?

— Какъ вамъ сказать! — отвѣтилъ басъ.—Не лучше, однако, чѣмъ въ «Крестахъ». Хотя, признаться, я въ тюрьмѣ цѣню не библіотеку, а помѣщеніе и удобства.

— Ну, не скажите, — возразилъ теноръ.—И библіотека имѣетъ свои прелести. У насъ въ «предварилкѣ»...

— Почему же это у *васъ*, въ «предварилкѣ,—перебилъ басъ.—Мнѣ кажется, я имѣю на «предварилку» такія же права, какъ и вы, если не большія...

— Но вѣдь вы же стоите за «Кресты»...

— Ну, да, конечно, «Кресты» на пер-

вомъ мѣстѣ... Ужели же я сравню «Кресты» съ вашей, съ позволенія сказать, вонючей «предварилкой»...

— Однако, позвольте...

— Ничего не позволю, — разошелся басъ.—Вонючая тюрьма, въ которой мѣсто только карманнымъ воришкамъ, а никакъ не намъ.

— Однако, въ «предварилкѣ» сидѣли...

— Кто бы ни сидѣлъ!

— Въ такомъ случаѣ я вамъ скажу, что ваши «Кресты» не болѣе, какъ арестный домъ для пьяныхъ извозчиковъ...

— Что вы сказали?

— Я сказалъ, что ваши «Кресты»...

— Да имѣете-ли вы еще право говорить въ такомъ тонѣ о «Крестахъ»? Вы, попавшій въ тюрьму по недоразумѣнію, если только не по протекціи...

— Это я-то попалъ по протекціи?— завизжалъ теноръ.—Я, который былъ старостой въ своемъ корридорѣ? Я попалъ по протекціи? Вамъ дѣйствительно мѣсто только въ «Крестахъ», а не въ порядочной тюрьмѣ...

— Милостивый государь! — загудѣлъ басъ.—Я васъ прошу помнить, съ кѣмъ вы говорите. У васъ волосъ столько нѣтъ на головѣ, сколько я знаю камеръ... Я вхожу въ тюрьму, какъ въ баню, мило-

стивый государь... Я старый тюремный волкъ...

Хозяинъ на цыпочкахъ отошелъ отъ стѣны и сдѣлалъ коридорному знакъ слѣдовать за собой.

Когла они очутились въ коридорѣ:

— Слетай, Кузьма, живѣе за Ксаверіемъ Адольфовичемъ,—сказалъ хозяинъ шопотомъ.—А я посторожу. Да мимоходомъ скажи швейцару, чтобы не выпускалъ въ случаѣ чего... Живо!.

Черезъ четверть часа коридоръ наполнился городовыми и подозрительными личностями въ штатскомъ, занявшими всѣ выходы изъ гостинницы. Поправляя на ходу шашку, помощникъ пристава Ксаверій Адольфовичъ съ рѣшительнымъ видомъ приближался къ номеру, занятому подозрительными постояльцами. Хозяину стало страшно, и онъ убѣжалъ къ себѣ, наверхъ...

. . . .

— Конечно, Степанъ Иванычъ — говорилъ Ксаверій Адольфовичъ, отставляя недопитую рюмку съ финь-шампанемъ — времена нынче такія, что родного отца заподозрѣть можно... и даже должно... И очень хорошо сдѣлали, что дали знать... Нынче, конечно, пустая тревога, однако, осторожность по теперешнимъ временамъ вовсе не мѣшаетъ...

— Почему же, однако, Ксаверій Адольфовичъ, такой пустой и даже таинственный, можно сказать, разговоръ?— спросилъ, почтительно перегибаясь, хозяинъ.— Все «Кресты» да «предварилка».

Ксаверій Адольфовичъ осушилъ свою рюмку.

— Обыкновенный литературный разговоръ,—сказалъ онъ, посылая себѣ въ ротъ горсть мятныхъ лепешекъ.—Редакторы оба. Ну, и разговариваютъ о своемъ дѣлѣ, все равно, какъ мы про службу или вы про буфетъ. У кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ, Степанъ Иванычъ...

— И доводятъ же себя люди этой самой литературой, — вздохнулъ Степанъ Ивановичъ.—Выкушайте, Ксаверій Адольфовичъ, еще одну...

ИЗЪ СКАЗОКЪ ДОБРАГО ДЯДИ.

Дѣти обступили Добраго Дядю и стали его теребить:

— Дядя, разскажи сказку.

— Какую вамъ сказку?—сказалъ, наконецъ, Дядя, убѣдившись, что безъ сказки дѣти отъ него не отстанутъ.

— Символическую!—закричала часть дѣтей.

— Политическую!—закричала другая часть дѣтей.

— Хорошо,—сказалъ Добрый Дядя.— Я вамъ разскажу символическую и политическую сказку

ПРО УМНАГО ПОПА И БѢДНАГО МУЖИКА.

Жилъ-былъ мужикъ бѣдный-пребѣдный, и дѣтей у него была цѣлая куча. И жили они въ крохотной избушкѣ. Тѣсно, тяжко,—не продохнешь. Мучился мужикъ, мучился, бился мужикъ, бился. Наконецъ, пошелъ къ попу.

— Такъ,—сказалъ попъ, поглаживая бороду,—такъ тѣсно, говоришь?

— Ужъ такъ, батюшка, тѣсно, такъ тѣсно, — прямо повернуться негдѣ. Не изба, — сторожка. Прямо надо сказать, прости Господи, собачья будка.

— Такъ,—сказалъ попъ.—А куры у тебя, чадо, есть?

— Есть, два гнѣзда,—сказалъ мужикъ.— Да какія это куры: одна слава, что куры...

— Такъ вотъ, чадо,—перебилъ мужика попъ,—ты ихъ пусти жить въ избу.

Сказалъ, да и пошелъ къ своей попадьѣ.

Чесалъ мужикъ въ затылкѣ, чесалъ,— ничего не понимаетъ. Ужели легкій духъ въ избѣ станетъ, ежели въ нее куръ еще пустить? Однако, разсуждать нечего,— попъ знаетъ, что говоритъ,—пустилъ въ избу куръ.

Еще тяжелѣе стало въ избѣ. Такой тяжкій духъ,—за глотку хватаетъ, ровно душитъ кто.

Пошелъ мужикъ опять къ попу.

— Ну, что, чадо,—сказалъ попъ,— легче стало, какъ куръ въ избу пустилъ?

— Какое, батюшка, легче. Было невмоготу, стало невтерпежъ, Хучь ложись да помирай.

— А свинья у тебя есть?—спросилъ попъ.

— Есть боровокъ,—сказалъ мужикъ.—

Да какая это свинья! Одна слава, что свинья! Кожа да кости.

— Такъ,—сказалъ попъ, поглаживая бороду.—Ну, вотъ ты его въ избу и пусти.

Сказалъ и пошелъ по своимъ дѣламъ.

«Смѣется, что ли, надо мною попъ?»—подумалъ мужикъ. Однако, разсуждать не приходится,—попъ знаетъ, что говоритъ,—пустилъ въ избу еще и борова.

Стало въ избѣ, какъ въ ямѣ какой. Не то что повернуться,—расправиться негдѣ. А ужъ про духъ и говорить нечего. Пришелъ за дѣломъ староста, сомлѣлъ. Такъ за ноги и выволокли изъ избы на вольный воздухъ.

Пошелъ мужикъ въ третій разъ къ попу.

— Ну, что, чадо,—спросилъ попъ,—легче стало, какъ пустилъ въ избу борова?

— Какое, ваше преподобіе, легче!—сказалъ мужикъ.—Прямо, надо сказать, въ хлѣву легче. Ужъ такъ-то тяжко, такъ тяжко. Дѣти плачутъ, жена реветъ. Содомъ, прости Господи, а не изба.

— Такъ,—сказалъ попъ.—А корова у тебя, чадо, есть?

— Есть,—сказалъ мужикъ.—Только и живы, что коровой. Да ужъ какая это ко-

рева! У другого овца больше потянетъ. Одно званіе, что корова.

— Такъ вотъ ты ее въ избу и пусти,— сказалъ попъ.

— Ваше преподобіе!.. взмолился мужикъ.

Но попа и слѣдъ простылъ.

Пришелъ мужикъ домой, съ полдня думалъ. Вѣдь этакъ, чего добраго, корова ребенка заспитъ. Однако, разсуждать долго не приходится,—попъ знаетъ, что говоритъ, —пустилъ въ избу и корову.

Взвыли бабы, взвыли дѣти, крѣпился, крѣпился,—взвылъ и самъ мужикъ. Этакъ жить совсѣмъ невозможно. Лучше ужъ перекинуть вожжи черезъ переметъ, да и. .

Побѣжалъ мужикъ къ попу.

— Ваше преподобіе! Батюшка! Хочу руки на себя наложить! Нѣтъ больше моихъ силъ!.

— Такъ,—сказалъ попъ, такъ тяжко, говоришь, стало?

— Ужъ такъ, батюшка, тяжко, такъ батюшка, нехорошо...

— Ладно,—сказалъ попъ.—Такъ ты выпусти куръ изъ избы.

Выпустилъ мужикъ куръ. Какъ будто чуть-чуть легче стало.—Самую малость. Пошелъ опять къ попу.

— Ну, что чадо,—спросилъ попъ,— легче стало, какъ куръ выдворилъ?

— Самую малость легче стало,—сказалъ мужикъ.

— Ну, выпусти еще и борова.

Выпустилъ мужикъ и борова. Стало въ избѣ и просторнѣе, и дышать легче. Повеселѣли бабы, ожили дѣти, повеселѣлъ и самъ мужикъ. Пошелъ къ попу съ легкимъ духомъ.

— Ну, чадо -спросилъ попъ,—лучше стало, какъ борова выдворилъ?

— Не въ примѣръ, — отвѣтилъ мужикъ. —Стало жить можно. Можно, по крайности, ноги протянуть. Да и духъ куда же легче сталъ.

— Ну, гони теперь вонъ изъ избы корову,—сказалъ попъ.

Выгналъ мужикъ корову,—словно вдвое больше сдѣлалась изба. Есть гдѣ размяться, духъ сталъ легкій. Не изба стала, -хоромы. Наложилъ мужикъ полное лукошко яицъ, насыпалъ зерна четверть, пошелъ къ попу.

— Ну, что чадо, сказалъ попъ, принимая подарки,—легче стало, какъ корову выдворилъ?

— Господи!—воскликнулъ мужикъ.— Ужъ такъ-то хорошо стало въ избѣ, ужъ такъ-то просторно! А духъ легкій,—ровно бы у купца въ хоромахъ. Вѣкъ твоей милости, батюшка, не забуду...

Добрый Дядя кончилъ.

— Мы поняли! — воскликнула одна часть дѣтей. —Это значитъ, что не надо давать реформъ!

— И мы поняли!—воскликнула другая часть дѣтей.—Это значитъ, что вмѣсто реформъ достаточно ослаблять репрессіи.

НЕУДАЧНИКЪ.

Жилъ-былъ въ Петербургѣ,—началъ Добрый Дядя,—одинъ человѣкъ, которому страшно не везло. За что ни возьмется,—все у него не клеится, все у него прахомъ идетъ. На мѣсто поступитъ,—непремѣнно прогонятъ, не за то, такъ за это. А не выходило у него ничего оттого, что былъ тотъ человѣкъ на рѣдкость бездарный и тупой малый. Ничего не могъ понять, ничѣмъ не могъ овладѣть. И, долго ли, коротко ли, дошелъ онъ до такого положенія, что либо вѣшайся, либо удавись. Совсѣмъ ужъ было рѣшился мой малый повѣситься, какъ вдругъ сказали ему, что гдѣ-то, не то на Выборгской сторонѣ, не то на Васильевскомъ островѣ, живетъ одинъ мудрый старецъ, безплатно подающій совѣты всѣмъ нуждающимся въ нихъ. Ну, удавиться—не жениться: никогда не поздно. И, съ готовой веревкой въ карманѣ, побрелъ мой бѣднякъ къ мудрому старичку.

Нашелъ и разсказалъ старцу всю свою

обильную неудачами и разочарованіями горькую жизнь.

— Сдѣлайся ты, чадо, писцомъ канцелярскимъ,—сказалъ ему старецъ, выслушавъ его печальную повѣсть.—Конечно, какая ужъ это карьера. Такъ, ни жизнь, ни смерть. Но что же, чадо, подѣлаешь, когда нѣтъ у тебя никакихъ дарованій...

— Пробовалъ!—возразилъ бѣднякъ.— Прогнали. Почеркъ у меня совершенно невозможный. Да и малограмотный я.

— Дѣло дрянь,—сказалъ старецъ.— Не знаю ужъ, чадо мое, какъ тебѣ и помочь, что тебѣ и присовѣтовать... Вотъ развѣ въ разсыльные тебѣ поступить? Для этой должности ума не требуется.

— Пробовалъ! —сказалъ несчастливецъ.—Прогнали. Безтолковъ я больно. Скажутъ мнѣ письмо въ почтовый ящикъ опустить, а я его въ церковную кружку запихаю.

— Экій ты какой, чадо мое, недотепа,—сказалъ старецъ задумчиво.—Ну, купи на рынкѣ сотню яблокъ, что ли, моченыхъ или тамъ подсолнуховъ съ полпуда и ступай торговать. Дѣло простое, нехитрое, а все сытъ будешь.

— И это пробовалъ,—сказалъ неудачникъ.—Ничего не вышло. Бѣда въ томъ, что я только до десяти считать умѣю,— по пальцамъ,—а какъ свыше десяти, ра-

зываться приходится. Развѣ мыслимо, по такому-то холоду?

— Экій, право, какой неудачливый,— сказалъ старецъ, поглядывая на бѣдняка съ сердечнымъ сокрушеніемъ.—Ну, нищимъ, что ли, сдѣлайся, чадо. Проси Христа ради. Авось, все на хлѣбъ, на квасъ вымолишь.

— Просилъ!—возразилъ бѣдняга,—да не даютъ. Лицомъ меня Богъ обидѣлъ. Посмотритъ человѣкъ на мою физію,— сплюнетъ и пройдетъ мимо. Развѣ что скажетъ еще: «Экая гнусная образина»...

— Ну, коли такъ,—сказалъ старецъ съ досадой, ступай ты, чадо, на Троицкій мостъ, помолись Богу, перекрестись на всѣ четыре стороны, да и махни черезъ перила внизъ головой. Нѣтъ для тебя, чадо, дѣла на бѣломъ свѣтѣ.

Неудачникъ мой покорно всталъ-было и пошелъ къ двери, но не успѣлъ онъ взяться за ручку, какъ старецъ окликнулъ его:

— Стой! Осѣнило меня! Нашелъ, чадо, для тебя дѣло.

— Не можетъ быть?!!—обернулся несчастливецъ, не вѣря ушамъ своимъ.

— Нашелъ, нашелъ! — подтвердилъ старецъ довольнымъ тономъ.—Надо тебѣ, чадо, сдѣлаться... Ты знаешь, глупый ты человѣкъ, чѣмъ тебѣ надо сдѣлаться?. Не

знаешь, дурашка? Патріотомъ тебѣ, чадо, надо сдѣлаться, истинно-русскую газету надо тебѣ, чадо, издавать...

Неудачникъ просіялъ и бросился цѣловать руки мудрецу.

Старецъ сказалъ правду.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ неудачникъ раздобрѣлъ, поправился, обзавелся прекрасной квартирой, превосходной обстановкой и даже завелъ себѣ автомобиль и прехорошенькую шведку.

— Зачѣмъ же и шведку, и автомобиль?—спросили дѣти, широко раскрывая глаза.

— Чтобы катать шведку на автомобилѣ,—отвѣтилъ добрый дядя.

Дѣти ничего не поняли и только хлопали глазами.

ПРО НѢМЦА-ПЕРЦА-КОЛБАСУ.

Жили были въ Москвѣ—русскій мальчикъ Ванька, а въ Берлинѣ — нѣмецкій мальчикъ Карлуша. Ванька хоть порой и безъ штановъ ходилъ, зато ѣлъ здорово и сытно. Щи ѣлъ, пироги, кашу, а зимою сибирскаго рябчика, да сибирскую тетерьку кушалъ. Про яйца и говорить нечего: ѣлъ, сколько влѣзетъ. Карлуша, хоть и въ курточкѣ ходилъ, ѣлъ куда какъ плохо и не сытно. Картофель трескалъ, колбасу гороховую, сосиски, а изъ путнаго,

почитай, больше ничего. Тетерьки съ рябчикомъ Карлуша и въ лицо-то не зналъ, а свѣжее куриное яйцо почиталъ за лакомство. Сказываютъ, съ голодухи Карлуша даже такое жралъ, что сказать, и то зазорно: лягушекъ будто бы лопалъ. И румяный Ванька, наѣвшись рябчика, любилъ подразнить поджараго Карлушу. Прыгаетъ,—это,—на одной ножкѣ и распѣваетъ сатирическіе куплеты:

Нѣмецъ-перецъ-колбаса,
Съѣлъ корову за быка,
Оставилъ хвостъ
На великій постъ.

Провели изъ Москвы до самой Сибири желѣзную дорожку.

— «Вотъ хорошо-то»,—думалъ Ванька:—«стану теперь походя рябчиковъ съ тетерьками кушать. А еще есть, сказываютъ, на Амурѣ-рѣкѣ рыба кета. Вкусъ,—что твоя малина. Такъ и кету эту самую ѣсть стану. Вотъ какъ, теперь, отъ сибирской пищи раздобрѣю. Коснись дѣло до Карлушки, шапкою уложу!»

Мелькала, было, у Ваньки мысль, что не грѣхъ бы проѣхаться ему въ Сибирь, благо близко стало; не грѣхъ бы похлопотать самому насчетъ доставки рябчиковъ да тетерекъ, да такъ мысль мыслью и осталась. И вмѣсто того, чтобы въ Сибирь ѣхать, Ванька переѣхалъ только на

новую квартиру, поближе къ Охотному ряду, и сталъ каждый день туда навѣдываться. Придетъ, это, утречкомъ, походитъ по лавкамъ, навѣдается:

— А что, рябчиковъ да тетерекъ изъ Сибири еще не привезли?

— Еще не привозили. Надо быть, привезутъ.

— И рыбы-кеты еще не привозили?

— Еще не привозили. Тоже, надо быть, привезутъ... Ужели-жъ, не привезутъ! Оны привезутъ... Какъ не привезти...

Походитъ, это, Ванька, поговоритъ и пойдетъ домой, а у самого подъ ложечкой что-то щемитъ, да щемитъ: тетерьки хочется, на кету позываетъ. Захотѣлось какъ-то Ванькѣ свѣжаго яичка. Пошелъ въ Охотный.

— Яичекъ, извините, нѣту, — сказалъ купецъ.

— Какъ нѣту? Куда же они дѣвались? Ужели куры перестали нестись?

— Какъ можно, чтобы куры перестали нестись. Этого она, курица-то, не смѣетъ, чтобы перестать нестись. А только что нонче курица черезъ заборъ стала яйца класть, въ Карлушкины, стало быть, гнѣзда.

Вскипѣлъ Ванька.

— Такъ это Карлушкины штуки!—закричалъ онъ.—Ахъ, чтобъ его розорвало,

колбасу! Чѣмъ же это онъ нашу курицу улестилъ?

Но этого охотнорядецъ не сумѣлъ Ванькѣ объяснить. И уже позже дяденька-солдатъ объяснилъ Ванькѣ, что со стороны Карлушки подлости тутъ никакой нѣтъ, а только одна коммерція. Карлуша яица, правда, себѣ всѣ забираетъ, но за то деньги платитъ.

— На кой мнѣ эти деньги, коли я по его милости отощать теперь долженъ? — вскричалъ Ванька.

Но этого не сумѣлъ объяснить Ванькѣ и дяденька-солдатъ.

Пріунылъ Ванька, но думаетъ:

— «Наплевать! Отъѣмся на сибирскихъ рябчикахъ да тетерькахъ, побалую себя амурской рыбой-кетой!»

Ходитъ Ванька въ Охотный день, ходитъ два,—нѣтъ тетерекъ. На третій день Ванька спрашиваетъ:

— Да будутъ ли?

— А, пожалуй, что и не будутъ, — отвѣчаетъ охотнорядецъ.

— Такъ куда же онѣ дѣвались? Или на тетерекъ въ Сибири моръ сталъ?

— Мора-то не стало, а стало то, что Карлушкинъ дядя въ Омскѣ да въ Томскѣ эспортная конторы открылъ.

— Да какъ же это его угораздило?

— Такъ и угораздило. Закусилъ го-

роховой колбасы, купилъ билетъ и поѣхалъ въ Сибирь. Глядитъ—всякаго добра много. Сейчасъ экспортную контору открылъ. Поѣхалъ дальше, видитъ—добра еще больше. Кузена по телеграфу выписалъ и еще контору открылъ. У охотника ружье было веревочкой перевязано; Карлушкинъ дядя ему новенькое купилъ. Охотниковой женѣ маслобойку продалъ въ разсрочку на три года. Охотникъ, что настрѣляетъ—все карлушкиному дядѣ несетъ. Охотникова жена что набьетъ—все ему же тащитъ. А онъ, знай, покупаетъ, да туда же, черезъ заборъ, къ Карлушкѣ и отправляетъ. Сейчасъ, сказываютъ, во Владивостокѣ сидитъ, рыбакамъ сѣти въ разсрочку продаетъ, да амурскую рыбу-кету въ Гамбургъ городъ отправляетъ. Страсть сколько отправилъ уже!

Взвылъ Ванька не своимъ голосомъ:

— Подлецъ Карлушка!

— Да чѣмъ же подлецъ?—сталъ урезонивать Ваньку дяденька солдатъ.—Чай, онъ не фальшивыя деньги платитъ, а настоящія. Гляди, какъ ты скоро теперь съ карлушкиныхъ денегъ разбогатѣешь. Въ штанахъ ходить будешь, женѣ шляпку купишь, сестрѣ фортепіаны заведешь, деликатности всякой обучишься.

— Да чортъ ли мнѣ въ этой деликат-

ности,—вскричалъ Ванька, — когда я теперь не ѣвши сидѣть долженъ!

— А ты бы замѣсто того, чтобы въ Охотный каждый день таскаться, самъ бы въ Сибирь съѣздилъ, да самъ бы охотнику ружьишко, хоть какое ни на есть, тульское купилъ. Самъ бы контору открылъ. Самъ бы кетой корабль нагрузилъ.

Ванька только въ затылкѣ почесалъ.

— Подлецъ все-таки Карлушка!

А такъ какъ рябчика ему все - таки сильно хотѣлось, то подрядилъ онъ извощика и поѣхалъ, не медля, на Кузнецкій мостъ, въ магазинъ заграничныхъ деликатесовъ.

— Рябчикъ у васъ есть сибирскій? — спросилъ онъ, входя въ магазинъ и снимая шляпу.

— Рябчика у насъ сибирскаго нѣту,— отвѣтилъ приказчикъ, одѣтый какъ кукла, а есть у насъ, позвольте предложить, — perdrix de la Sibérie. Только вчера свѣжіе изъ Берлина получены и недорого: пять рублей пара.

Ванька вынулъ кошелекъ, бросилъ его на прилавокъ и закричалъ:

— Нѣтъ рябчика, давайте пердриксъ де ля Сибери, чортъ васъ побери!

На что приказчикъ отвѣтилъ:

— А ты, сиволапый чортъ, не ругай-

ся. Здѣсь тебѣ не Охотный рядъ, а магазинъ заграничныхъ деликатесовъ.

Ѣлъ Ванька пердрикса де ля Сибери, зажареннаго, словно бы рябчикъ, въ сметанѣ, и думалъ:

— «Какая же мнѣ, къ чорту, польза отъ того, что Карлушка мнѣ за рябчиковъ настоящія деньги платитъ. Онъ мнѣ гривенникъ за рябчика, а я ему рупь за пердриксъ де ля Сибери? Польза то на его сторонѣ.

И этого недоумѣнія не могъ разъяснить Ванькѣ самъ дяденька-солдатъ.

— Де ля Сибери, чортъ тебя побери! — скрежеталъ Ванька, обгладывая черстваго пердрикса.

НЕСЧАСТНЫЙ СТУДЕНТЪ.

Рядомъ со мной живетъ студентъ Володя. Бываютъ счастливые студенты, умѣющіе доставать билеты не только въ Маріинскій театръ, но даже и въ Художественный, когда онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, а Комиссаржевскую, посѣщающіе по контрамаркамъ. Бываютъ счастливые студенты, нанимающіеся въ Александринку и въ Малый театръ—играть «народъ» и обладающіе безплатными билетами на проѣздъ рѣшительно по всѣмъ линіямъ легкаго финляндскаго пароходства. Хорошо быть счастливымъ студентомъ! Счастливый студентъ даетъ въ газету замѣтки и получаетъ гонораръ. Счастливый студентъ читаетъ въ типографіи корректуру и переводитъ черезъ нѣмецкій языкъ, съ норвежскаго, на русскій. Счастливый студентъ и часу не постоитъ у кассы, какъ билетъ для него уже готовъ. Тепло жить на свѣтѣ счастливому студенту. Но студентъ Володя—несчастный студентъ.

Плохо жить на свѣтѣ несчастному студенту, когда вся жизнь студента представляетъ собою нѣкую азартную игру, игру на счастье. Утромъ студентъ, съ полными карманами вырѣзанныхъ изъ газетъ объявленій, бѣжитъ къ трамваю. Счастливый студентъ вскакиваетъ въ первый попавшійся вагонъ и ѣдетъ, а несчастный студентъ пропускаетъ три или четыре вагона, прежде чѣмъ ему удастся примоститься на передней площадкѣ. Счастливый студентъ пріѣзжаетъ къ господину, обезпечивающему «каждому интеллигенту отъ 1 руб. 50 к. въ день», первымъ, а несчастный студентъ является къ нему восемнадцатымъ. Счастливый студентъ получаетъ переписку по 40 копѣекъ съ листа, а несчастный — по двугривенному. Счастливый студентъ дѣлается представителемъ книгоиздательства «Солнце», изданія котораго спрашиваютъ, какъ хлѣбъ, а несчастный студентъ получаетъ представительство отъ книгоиздательства «Мѣсяцъ», изданія котораго спрашиваютъ какъ кашель. Тепло въ Петербургѣ счастливому студенту! Плохо въ Петербургѣ несчастному студенту!

Студентъ Володя — несчастный студентъ. Онъ занимаетъ въ нашихъ номерахъ комнату рядомъ съ кухней, потому что всѣ лучшія комнаты заняли счастливые сту-

денты, и когда кухарка прольетъ жиръ на плиту, онъ высовываетъ половину своего тощаго тѣла наружу. Когда въ номера затесался воръ, онъ унесъ Володино скверное пальто, хотя на вѣшалкѣ висѣлъ цѣлый ассортиментъ приличныхъ пальто счастливыхъ студентовъ. Счастливые студенты возвращаются иногда въ 6 часовъ утра съ маскарада, а Володя возвращается въ 7 утрасъ Васильевскаго, отъ больного дяди, потому что передъ его носомъ разводятъ мостъ.

Володя пріобрѣлъ у кассы Маріинскаго театра насморкъ, у кассы итальянской оперы—бронхитъ и у кассы Художественнаго театра—ревматизмъ. А его счастливые коллеги пріобрѣли во всѣхъ этихъ кассахъ билеты.

Вчера, часовъ въ 11 вечера, Володя зашелъ ко мнѣ въ пальто и въ галошахъ.

— Нѣтъ ли у васъ щепотки чаю?

— А что, дежурить идете къ театральной кассѣ?

— Нѣтъ, въ университетъ пойду: записываться на экзаменъ.

— Сейчасъ? Вы съ ума сошли?

— Да и то ужъ опоздалъ. Надо было бы къ десяти часамъ быть на мѣстѣ. Поди, хвостъ уже во какой стоитъ.

Я далъ ему щепотку чаю. Онъ сдѣлалъ мнѣ прощальный знакъ рукою, въ

которой держалъ жестяной чайникъ, и вышелъ.

Счастливые студенты вернулись въ два часа ночи съ доклада о богостроительствѣ и богоискательствѣ, проспорили до четырехъ, въ пять легли и въ десять встали. Въ 11 они шумно пили чай и въ половинѣ 12-го поѣхали записываться на экзаменъ.

Въ пять счастливые студенты вернулись, и у всѣхъ у нихъ были билетики, всѣ они успѣли записаться, и никто изъ нихъ не стоялъ въ хвостѣ.

Въ шесть вернулся Володя.

— Записались?

— Слава Богу, записался. 1,618 номеръ получилъ.

— Несмотря на то, что вы стали въ очередь съ 11-ти часовъ вечера?

— А вы думаете, тамъ мало еще народу дожидается? Вѣдь, въ теченіе двухъ дней только принимается запись. А желающихъ экзаменоваться тысячи четыре.

Плохо жить въ Петербургѣ несчастному студенту...

ЗАБАСТОВКА СОФЬИ ИВАНОВНЫ.

Иванъ Ивановичъ Перерепенко мнѣ старинный пріятель. Да и Софью Ивановну, супругу его, я очень хорошо знаю. Славная женщина. А хозяйка — прямо идеальная. Грибки эти разные у нихъ, огурцы, маринады — пальчики оближешь. И вездѣ салфеточки, бантики, ленточки— словомъ, всякая хозяйственная дребедень. Прихожу я къ Перерепенкамъ какъ къ себѣ домой. Съ Иванъ Иванычемъ цѣлуюсь, Софьѣ Ивановнѣ цѣлую ручку, дѣтей обнимаю. Ну, прямо какъ дома. И вотъ ужъ сколько лѣтъ тянется такая дружба...

Можете себѣ представить, прихожу третьяго дня,—творится нѣчто уму непостижимое. Я еще войти не успѣлъ, какъ замѣтилъ, что въ домѣ творится что-то странное. Отворяетъ мнѣ дверь Маша. Спрашиваю: «дома?» и хочу все-равно войти,—смотрю—она мнется и краснѣетъ. —«Что ты,—говорю, — Маша? Столбнякъ

тебя что-ли хватилъ?» И самъ разоблачаюсь. А она мычитъ что-то малопонятное и краснѣетъ еще хуже. «Что за притча»—думаю,—и вхожу, конечно, безъ доклада. Въ кабинетѣ пусто. За дверью, гдѣ у нихъ столовая, какое-то шушуканье.

Прислушиваюсь: Иванъ Ивановичъ о чемъ-то умоляетъ Софью Ивановну, та рѣзко отвѣчаетъ отказомъ. Въ чемъ дѣло —не слышу. Беру газету, ложусь на диванъ. Удивительный у Ивана Иваныча диванъ! Ширина—Черное море. Мягкость —пухъ, лежишь, словно въ блаженствѣ купаешься. Лежу пять минутъ, лежу десять — Иванъ Иванычъ не появляется. Я уже начинаю безпокоиться. «Что за чертъ! —думаю.—Не вышло-ли какихъ непріятностей романическаго свойства. Ревность что-ли какая или что-нибудь такое прочее?»...

Наконецъ, появляется Иванъ Иванычъ. Смотрю на него — чудной у него видъ. Во-первыхъ, въ халатѣ, несмотря на довольно поздній часъ. Во-вторыхъ, на лицѣ какая-то жалкая улыбка. Въ полномъ конфузѣ человѣкъ.

Я вскакиваю.

— Здравствуй, Иванъ Ивановичъ!..

— Здравствуй,—отвѣчаетъ съ кривой

улыбкой и тотчасъ-же съ мѣста въ карьеръ начинаетъ врать.

— Это ты?—говоритъ,—а я думалъ, что папиросникъ пришелъ. Маша дура ничего не сказала.

Я до вракъ не охотникъ, и потому обрѣзываю его:

— Что ты путаешь? Папиросникъ, я думаю, на кухнѣ у тебя дожидается, а не въ кабинетѣ. Говори прямо: можетъ тебѣ не до меня? такъ я уйду.

— Что ты! Что ты!—всполошился.— Какъ это вдругъ не до тебя? Я даже очень радъ, что ты пришелъ... Сейчасъ мы съ тобой покуримъ..,

И вдругъ покраснѣлъ, какъ ракъ. Мнѣ это надоѣло.

— Иванъ Иванычъ,—говорю — скажи прямо, въ чемъ дѣло. Я вѣдь не зеленый-же оселъ какой-нибудь. Вижу, что у васъ что-то неладно. У Маши какая-то подозрительная рожа, а у тебя вдвое. Либо говори на прямикъ, либо я пойду къ Софьѣ Ивановнѣ и у нея спрошу.

— Что ты! Что ты! — говоритъ. И хватаетъ меня за руку. — Я тебѣ все скажу.

— Ну, и говори прямо.

— Понимаешь-ли...—онъ замялся.—Понимаешь-ли... Словомъ, Софья Ивановна забастовала...

И захихикалъ, но это было хихиканье сквозь слезы.

— Какъ забастовала?

— Такъ забастовала... Предъявила мнѣ требованія. Я не исполнилъ. Она и забастовала, третій день бастуетъ. Ты ужъ извини, я тебя ничѣмъ угостить не могу. Сигары отняла и заперла. Даже чаю не могу предложить. Кранъ отъ самовара отвинтила и спрятала.

— Какія-же требованія? — спрашиваю я.—Да вообще какъ все это вышло?

Иванъ Иванычъ запахнулъ халатикъ, сѣлъ и началъ разсказывать.

— Началось это въ понедѣльникъ, просыпаюсь я утромъ, звоню, чтобы мнѣ подали газету. Маша подаетъ газету и пакетъ. «Отъ кого, спрашиваю, пакетъ»? «Отъ Софьи Ивановны», говоритъ. «Отъ какой Софьи Ивановны?»—«Отъ барыни», говоритъ. Что за чертъ?—думаю. Разрываю конвертъ... Ну, это долго разсказывать... перечисляются всякіе мои грѣхи — клубъ, конечно, на первомъ планѣ,—обѣщанія разныя неисполненныя, насчетъ коньяку тоже неудовольствія, словомъ — все. Даже не забыла, что я иногда, по разсѣянности, окурки въ цвѣточные горшки бросаю. Ну, а подъ всѣмъ этимъ перечисленіемъ такая приписка... Впрочемъ, я тебѣ лучше прочту.

Иванъ Иванычъ досталъ изъ кармана халата листъ бумаги и началъ читать:

«На основаніи вышеизложеннаго я считаю себя въ правѣ предъявить къ вамъ слѣдующія требованія: 1) Съ сегодняшняго дня вы увеличиваете выдаваемую вами мнѣ ежемѣсячно на хозяйственные расходы сумму съ 300 р. до 450 р. 2) Вы обязуетесь клятвенно, въ присутствіи моей матери, а вашей тещи, посѣщать клубъ не болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю и возвращаться изъ клуба домой не позже $1^1/_2$ ч. ночи. 3) Вы прекращаете употребленіе пива совершенно, а употребленіе остальныхъ крѣпкихъ напитковъ сводите до слѣдующихъ нормъ: въ день одна рюмка водки, одинъ стаканъ вина и отъ двухъ до трехъ рюмокъ коньяку. 4) Вы ограничиваете употребленіе вами сигаръ тремя штуками въ день, а для угощенія вашихъ пріятелей заводите сигары худшаго сорта, не дороже 3-хъ рублей за сотню. 5) Вы совершенно прекращаете игру въ макао и лото, а въ винтъ садитесь не свыше какъ по двухсотой, причемъ играете не свыше 8-ми роберовъ подъ рядъ. 6) Вы перестаете ложиться послѣ обѣда и обязуетесь ежедневно отъ 4-хъ до 5-ти играть съ дѣтьми. 7) Вы обязуетесь ходить на службу и возвращаться съ оной, не взирая на погоду, пѣшкомъ. 8) По понедѣльникамъ

Вы обязуетесь доставать для меня и для моей матери, а вашей тещи, ложу въ оперетку по контромаркѣ. 9) Вы обязуетесь бросить немедленно вашу привычку посвистывать, когда съ вами разговариваютъ я или моя мать, (а ваша теща), а также пожимать плечами и смѣяться идіотскимъ смѣхомъ. 10) Вы обязуетесь немедленно прекратить знакомство съ оказывающимъ на васъ самое вредное и разращающее вліяніе другомъ вашимъ Николаемъ Петровичемъ Запорожскимъ. 11) Вы обязуетесь бережливо относиться къ вашимъ костюмамъ и носить: пиджачную пару не менѣе года, а сюртучную не менѣе двухъ лѣтъ. 12) Вы обязуетесь не дѣлать за обѣдомъ никакихъ гримасъ, безпрекословно ѣсть то, что вамъ подаютъ, и не высказывать никакихъ критическихъ замѣчаній на счетъ меню и вкуса подаваемыхъ вамъ блюдъ. 13) Вы обязуетесь слѣдить за тѣмъ, чтобы у васъ не подмѣнивали галоши. 14) Вы обязуетесь ни въ какомъ случаѣ не входить въ критику моихъ хозяйственныхъ распоряженій. 15) Въ случаѣ несогласія вашего, хотя-бы на одно изъ перечисленныхъ выше требованій, я немедленно прекращаю исполненіе обязанностей моихъ какъ жены, матери и хозяйки и объявляю забастовку.

Софья Ивановна Перерепенко».

Иванъ Иванычъ кончилъ чтеніе и вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Ну и какъ-же ты поступилъ?—спросилъ я.

— Пошелъ съ ней объясняться. Она какъ камень. Ничего знать не хочетъ. Ну, согласись самъ, какъ я могу согласиться на три сигары въ день? Или на то, чтобы не спать послѣ обѣда? Я десять лѣтъ сплю послѣ обѣда и выкуриваю по 6-ти и по 7-ми сигаръ; или, напримѣръ, ходить на службу пѣшкомъ? Я прямо таки не могу. Я, должно-быть, съ тѣхъ поръ, какъ университетъ кончилъ, ни разу еще пѣшкомъ не ходилъ... Или прервать сношенія съ Запорожскимъ? Вѣдь онъ—мой однокашникъ! Да и вздоръ, будто онъ развращаетъ меня. Что я, маленькій? Ну, я ей все это объяснилъ—она же знать ничего не хочетъ. Либо,—говоритъ,—извольте согласиться, либо я немедленно забастую. Я еще имѣлъ неосторожность посмѣяться надъ ней. «Ну и забастуйте! говорю.—Это будетъ забавно».—-Ахъ, такъ! — говоритъ.—Хорошо!

— Ну?

— Ну и забастовала.

— Въ чемъ-же это выражается?

— Да выражается въ томъ, что я третій день не живу, а мучаюсь... Первымъ дѣломъ заперла на ключъ всѣ шкафы, ящики,

сундуки—все. Даже ящики моего письменнаго стола. Можешь себѣ представить—стакана въ домѣ нѣту. Все заперто. Воду изъ крана горстью пью. Платье мое все какъ есть заперто и даже сапоги, не говоря уже о шубѣ и шапкѣ. Такъ и сижу въ халатѣ и туфляхъ. Кухарку прогнала, отъ самовара кранъ заперла на замокъ. Ни сигаръ, ни табаку, ни денегъ. Гребенки нѣтъ — волосы причесать, мыла нѣтъ умыться, полотенца нѣтъ утереться. Все заперто.

— Что же ты ѣшь?

— Приносятъ изъ трактира какую-то бурду, а ложекъ, вилокъ, ножей нѣтъ. Такъ и ѣлъ какъ свинья.

— А дѣти?

— Дѣтей къ матери своей отправила.

— А сама?

— Сама здѣсь. Заперлась въ спальнѣ, не выходитъ; я съ ней изъ гостиной черезъ дверь переговариваюсь.

— Ты бы уступилъ.

— Я и то уже почти все уступилъ, только насчетъ сигаръ не уступаю, и чтобы не спать послѣ обѣда. Такъ она и слышать не хочетъ. Либо,—говоритъ—все, либо ничего.

Иванъ Иванычъ оторвалъ кусочекъ газеты, свернулъ «собачью лапку» и насыпалъ на нее немного махорки изъ ки-

сета, который досталъ изъ-подъ диванной подушки.

— Вотъ махорочку покуриваю. Черезъ Машку у дворника досталъ.

— Я не понимаю!—сказалъ я. Неужели ты не могъ по телефону меня вызвать. Я-бы тебѣ принесъ табаку, денегъ, наконецъ.

— Проволоку перерѣзала—не дѣйствуетъ телефонъ. Забастовка полная. Она все предусмотрѣла.

— Ну, взломай шкапъ, достань свое платье и ступай куда-хочешь.

— А какъ до шкапа добраться? Шкапъ въ спальнѣ, а въ спальнѣ она сидитъ, Дверь на ключъ, да и на крючекъ заперта.

— Ну, а она сама что ѣстъ?

— У нея тамъ керосинка въ спальнѣ, консервы всякіе заготовлены. Давеча она мнѣ сказала, что у нея провіанту на два мѣсяца запасено, а при экономіи и на четыре хватитъ.

— Послушай, ну ты бы хоть записочку послалъ мнѣ черезъ Машу.

— Не пойдетъ. Терроризована страшно!

— Иванъ Иванычъ, такъ вѣдь у тебя никакого выхода нѣтъ. Ты долженъ согласиться.

— Да я и то въ принципѣ рѣшилъ. Ничего не подѣлаешь, духъ времени та-

кой,—вездѣ забастовки. Я только хочу выторговать насчетъ послѣобѣденнаго сна. Должна же и она мнѣ уступить. Чай и ей не сладко сидѣть тамъ взаперти со своей керосинкой.

Раздались звуки шопеновскаго вальса.

— Это что?

— Да все она. Она и піанино въ спальню перетащила.

— Уступи, Иванъ Иванычъ!—рѣшительно сказалъ я.—Ты лучше потомъ понемногу опять по своему повернешь.

Я ушелъ подъ вечеръ, оставивъ Ивану Ивановичу пять рублей и напившись, вмѣсто чаю, воды изъ горсти. Вчера я послалъ Ивану Иванычу записку, ящикъ сигаръ, мыло, гребенку и нѣсколько коробокъ мясныхъ консервовъ. Вещи посыльный принесъ мнѣ обратно, объявивъ, что прислуга ихъ не приняла, а на мою записку Иванъ Иванычъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

— «Дѣло идетъ на ладъ. Ведемъ окончательные переговоры. Я выторговалъ себѣ четвертую сигару, четверть часа сна послѣ обѣда и винтъ по сотой. Хочу еще выторговать обратнаго извозчика. Дѣло въ томъ, что у нея испортилась керосинка и оказались вонючими консервы. Думаю, что она голодаетъ. Твой Иванъ».

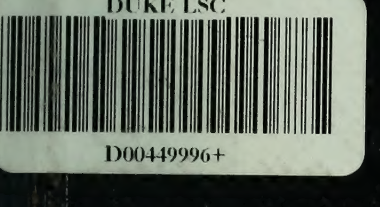
Сегодня утромъ меня разбудилъ звонокъ по телефону. Это вызывалъ Иванъ Иванычъ.

- Забастовка кончилась,—закричалъ онъ, когда я поднесъ трубку къ уху. – Вчерашнія условія приняты. Сегодня подписываемъ договоръ въ присутствіи тещи, а потомъ завтракъ. Приходи...

Я не пошелъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

DUKE LSC
D00449996+